

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий

ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЕ СЛОВО
Уроженцы Витебщины
в белорусской советской литературе
(1924–1991)

Монография

В 4 ЧАСТЯХ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
НАЧАЛО ПУТИ: «МАЛАДНЯК»,
ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ И ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ

Витебск
ВГУ имени П.М. Машерва
2018

УДК 821.161.3.09(476.5)
ББК 83.3(4Бей-4Вит)6+84(4Бей-4Вит)6
Р88

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 3 от 28.02.2018 г.

Одобрено научно-техническим советом ВГУ имени П.М. Машерова. Протокол № 6 от 25.05.2018 г.

Авторы: профессор кафедры всеобщей истории и мировой культуры ВГУ имени П.М. Машерова, доктор исторических наук **А.В. Русецкий**; директор ИПК и РК ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат исторических наук, доцент **Ю.А. Русецкий**

Р е ц е н з е н т :

профессор кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, доктор филологических наук *В.Ю. Боровка*; доцент кафедры литературы ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат филологических наук, член Союза писателей Беларуси *О.И. Русилка*

Русецкий, А.В.
Жизнеутверждающее слово (Уроженцы Витебщины в белорусской советской литературе (1924–1991) : монография : в 4 ч. / А.В. Русецкий, Ю.А. Русецкий. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – Ч. 1: Начало пути: «Маладняк», предвоенные годы и военное лихолетье. – 179 с.
ISBN 978-985-517-681-8. ISBN 978-985-517-682-5.
Предлагаемая читателям книга позволит им ближе познакомиться с творчеством писателей – уроженцев Витебщины, их огромном вкладе в историю развития не только белорусской советской литературы, но и национальной художественной культуры в целом. Она является первой частью названной выше монографии. Издание адресовано преподавателям вузов, колледжей, учителям общеобразовательных школ, студентам и учащимся, всем, кого интересует развитие национальной художественной культуры.

УДК 821.161.3.09(476.5)
ББК 83.3(4Бей-4Вит)6+84(4Бей-4Вит)6

ISBN 978-985-517-681-8
ISBN 978-985-517-682-5

© Русецкий А.В., Русецкий Ю.А., 2018
© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Москва. Кремль. Президиум ВЦИК. 3 марта 1924 года. Постановление «О передаче Белоруссии районов с преобладающим белорусским населением»:

«Передать из состава Витебской губернии (по-старому до 1922 г.) административному делению Витебский, Городокский, Дриссенский, Лепельский, Оршанский, Полоцкий, Сенненский и Суражский уезды».

Витебская губерния фактически прекратила свое 122-летнее существование. Последней точкой в ее истории стало постановление Президиума ВЦИК от 24 марта 1924 г., согласно которому Велижский, Невельский и Себежский уезды были переданы Псковской губернии РСФСР*.

Таким образом земли Витебских Поозерья, Подвинья и Верхнего Поднепровья на вековые времена стали неотделимой частью Белорусской ССР.

Однако же было бы ошибкой оставить без внимания литературную жизнь на Витебщине в ее послеоктябрьские российские губернские годы. С определенной долей условности эти годы можно назвать «периодом собирания и накопления литературных сил». Это было время, когда на эстрадных площадках, в концертных программах, выступлениях агитбригад и музыкально-поэтических встречах-вечерах господствовали юмористические частушки и припевки, сатирические куплеты, реплики, стихотворения агитационного характера, стихи-пародии и т.д. Основными авторами такой революционно-мобилизующей поэзии выступали переехавшие на работу в Витебск заведующий литературной частью Театра революционной сатиры («Теревсата») М. Пустынин и поэты Ад-Ар Арго и А. Исбах. Пусть они и не печатали рекомендаций и не давали творческих советов, но своими произведениями, в агитационной, призывной форме, стремились донести до понимания тянувшихся к поэзии витебских, оршанских, полоцких литераторов простейшие правила: что значит стихотворное звучание произведения, что такое его реплика и стиль, что надо для того, чтобы оно воспринималось и при чтении, и на слух «заходило» публику.

И сам М. Пустынин, и его товарищи по перу в своих выступлениях в молодежных аудиториях разъясняли, что суть поэтического слова не в формотворчестве, не в нагромождении понятий, эпитетов, искусственно рифмованных строк, а в проникновенности звучащего или напечатанного слова, его открытости и душевности. И своей поэтикой, своей творческой манерой они открыто призывали молодых авторов отходить от шаблонности, бравадности, митинговой лозунжности. Образцом того, как должно зву-

* Согласно переписи великоросы составляли в Велижском уезде – 58%, в Невельском – 61% и в Себежском – 63%. См.: Заключение Наркомата земледелия РСФСР «По вопросу о расширении границ Белорусской ССР / Витебская губерния 1917–1914 г.». Документы и материалы. – Витебск, 2012. – С. 316.

чать Слово может быть его стихотворение «Товарищ» (один из оригинальных поэтических приемов того времени)*.

Товарищ! В одном этом слове –
Восстаний народных итог,
За равенство пролитой крови,
За братство изжитых тревог!

В нем отклик всех высших смятений,
Которыми жив человек,
Заветов, надежд и стремлений
Из века несущихся в век!

В нем – символ борьбы без пощады
С насильем, нас мучивших встарь...
В нем – трепет и мощь баррикады,
В нем – красного знамени ярь!

В нем жажда – к волнующей нови
От царской уйти кабалы...
«Владимирки» путь – в этом слове.
За счастье борцов – кандалы!

В нем черным конец лихолетьям,
Взлелеянных грез торжество...
Над словом не смейтесь вы этим:
Народ пострадал за него!

В нем – отсвет великих пожарищ,
Лишений, порывов, невзгод...
Не смейтесь над словом «товарищ»:
Его заработал народ!

Следует особо подчеркнуть, что огромную помощь в становлении начинающих авторов Витебщины играли Витебские «Окна РОСТА»**. И наша оценка не завышена, ведь с января 1921 г. при ВитРОСТе функционировали трехмесячные курсы подготовки рабселькоров (это была первая школа для начинающих журналистов. И не только на Витебщине, но и в

* Мы даже предполагаем, что оно дало повод В. Маяковскому для написания «Стихов о советском паспорте».

** Витебское отделение Российского телеграфного агентства (РОСТА) было создано 25 июля 1919 года. В 1918–1919 гг. Витебское отделение возглавлял М. Пустынин. Публикации ВитРОСТА, особенно в разделе «Сатира» всегда сопровождалась агиткартинками и карикатурами.

соседней Белоруссии – границ ведь не было!). Значительная часть учебного времени уделялась формированию творческих навыков, постижению секретов словесно-писательского мастерства. Это, во-первых. И, во-вторых: в журнале «ВитРОСТА» был выделен специальный раздел «Литколлегия», в котором печатались специальные статьи, адресованные начинающим литераторам. («Рабочая жизнь» – о литколлегиях, «Литколлегия и военная печать», «Читательный зал РОСТА», «Еще о литколлегиях» и др.). Для специализирующихся в жанре сатиры и юмора в журнале был открыт специальный отдел «Сучки и задоринки».

Небезынтересен и такой факт: именно М. Пустынин был инициатором и непосредственным организатором создания в губернском Витебске «Союза поэтов» («Витебское бюро союза поэтов», в который вошли как известные в городе литераторы В. Волошинов, П. Медведев, И. Амский, А. Сумароков, А. Исбах, так и «новички» в поэзии – Суховская, Стернин, Гольдасон, Ярославцев, Дианесов и др.). С беседами, лекциями, консультациями на заседаниях союза выступали известные литературоведы М. Бахтин, М. Пумпянский, В. Архангельский, опытные работники местных периодических изданий Я. Окунь, А. Майлин («Армай»), М. Иванкович, Е. Федоров, С. Мерлин, М. Горный, М. Юдовин и др.

Коллективный учитель Медведев–Бахтин–Пумпянский–Волошинов–Архангельский–Малько–Анцев (и др.) создал в Витебске многослойное, многообразное философско-поэтически-музыкально-культурологическое пространство, которое стало неформальной школой постижения таинств основ литературно-художественного процесса, формирования личных творческих предпочтений и интересов. На Оршанщине ведущая роль в организации литературной жизни принадлежала Ивану Батраку (Козловскому), создавшему в 1918 г. поветовую газету «Набат», был ее редактором и активным автором (печатал стихотворные фельетоны, басни, стихи). В 1921 г. был приглашен на работу в выходящую в Москве общероссийскую газету «Беднота», работал в журналах «Земля Советская», «Комсомолия» и других изданиях. На Полоччине было хорошо известно имя поэта Янки Журбы (Ивашина), широко использовавшего в любовной и пейзажной лирике народно-песенные формы и интонации. Объективности ради следует отметить, что в развитии новой советской российской культуры, в том числе и литературного творчества в 1920-е годы, важную роль сыграли два партийных документа – письмо ЦК РКП(б) «О пролеткультах» и резолюция XIII съезда РКП(б) «О печати». Их значительность состояла в том, что они ориентировали властные структуры на местах на необходимость борьбы с проникновением в новую литературу социально чуждых мелкобуржуазных элементов, поддержку инициативы рабочей интеллигенции и «наиболее талантливых из так называемых попутчиков» на вовлечение в процесс общегосударственных культурных преобразований. Важно было преодолеть возникающий нигилизм в отношении культурного наследия,

«комчванства» и быть уверенными в том, что в художественном творчестве «стиль, соответствующий эпохе», будет «создан», но только не методом запрета и декретирования.

С Витебской губернской земли шагнут в советскую белорусскую и еврейскую литературу Змитер Житкевич (Городокский уезд), Тарас Хадкевич и Эдуард Самуйленок (Дриссенский уезд), Петрусь Бровка (Лепельский уезд), Николай Семашко (Полоцкий уезд), Алесь Синичкин из Сенно, Михаил (Мовша) Юдовин из Бешенкович и многие другие поэты и прозаики, становление которых на прочные литературные рельсы произойдет уже в условиях Советской Белоруссии*.

Обобщая, можно сказать, что в первое послереволюционное время в литературу губернской Витебщины приходили энтузиасты с немалым запасом юношеской энергии и обостренным восприятием новой жизни. Начинающих поэтов и писателей к ясности понимания и осмысления происходящих в жизни изменений вел как исторический опыт традиционного общественного развития, так и зарождающийся опыт революционных преобразований (лучше сказать не опыт, а путь в неизведанное, неизвестное, путь, часто сопровождающийся ошибками всех первопроходцев). А вот здесь-то и таились подвохи, возможность непонимания или сознательной дискредитации происходящих событий. Эти «подводные камни» часто принимали окраску националистической идеологии, неприятия нового искусства, леворадикальных настроений. Первопроходцев можно упрекать и в других «смертных» грехах. Но ведь историзм развития заключается не в том, «чего не дали исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а потому, что они дали нового, сравнительно со своими предшественниками» (В. Ленин).

Не подлежит сомнению, что в сложнейших общественных условиях 1920-х годов молодое литературное творчество было органично вплетено в повседневную жизнь Витебской губернии. Творцы нового искусства с газетных полос, эстрадно-митинговых площадок, в рабочих клубах и сельских коммунах вели откровенный разговор о трудностях и успехах социальных преобразований, способствуя утверждению в повседневной жизни новых, не всегда понимаемых, а зачастую и просто не воспринимаемых общественных отношений, вырабатывая в сознании людей адекватного отношения к происходящему, тем самым и пути развития новой советской литературы.

* Более подробную информацию литературной жизни Витебщины в этот период можно получить в наших книгах «Литературное творчество в системе художественной культуры Витебщины (1918–1945)». – Витебск, 2009. – С. 16–47; «Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье (1918–1941)». – Витебск, 2015. – С. 117–123.

ГЛАВА I

ПОСЛЕ ВОЗРАТА НА ДРЕВНЕКРИВИЧСКУЮ ЗЕМЛЮ. НАЧАЛО ПУТИ

§ 1. Им в паруса дул «маладняковский» ветер

Переход Витебщины из Советской России в Белорусскую ССР не таил в себе неожиданностей. Литераторы, как и вся художественная интеллигенция Поозерья, Подвинья и Верхнего Поднепровья оказались практически в такой же духовно-идеологической среде, в которой они жили и творили до принятия исторического решения ВЦИК. В творческой среде Белоруссии пафос «всеобщности» часто «поглощал» живого современника с его сложной психикой, с его миром поисков и интимным миром переживаний. В этом и заключался один из существенных недостатков тогочасного литературного процесса. Поэзия, к примеру, была оптимистической, революционно направленной, эмоционально возвышенной и в большинстве авторских исканий ориентировалась на потребности (духовные, эстетические, экономические, идеологические) новой жизни. Однако ей часто не хватало вдумчивого психологизма, щедрости, простоты белорусского слова, а зачастую и поэтического мастерства. Известный белорусский поэт Алесь Звонак, к деятельности которого мы будем возвращаться еще не раз, записал: «...были здесь и незрелость, и наивность, но была главная отличительная черта, которую в России не улавливали не “Пролеткульт”, ни футуризм, ни “Кузница”, ни “ЛЕФ”».

Процессы, будоражившие и влияющие на творчество (в т.ч. и писательской) интеллигенции, не только получили официальную поддержку руководства Советской Белоруссии, но и стали побудительным мотивом для организационно-творческого оформления литературно-художественных и культурно-образовательных течений и организаций. Вспомним, что одним из первых государственных решений в этой сфере стало создание в 1922 году Института белорусской культуры («Инбелкульт»), преобразованного в 1929 году в Академию наук БССР. О значении такого решения можно судить по словам мэтра белорусской литературы Я. Купалы. «Работая в Институте белорусской культуры несколько лет, – писал Я. Купала, – я убедился, что это такое научно-общественное учреждение, без которого нормальное развитие белорусской культуры во всех ее сферах невозможно»¹.

В области литературного творчества консолидация писательских сил завершилась 28 ноября 1923 года, когда в Минске было объявлено о созда-

¹ Купала, Я. Думкі і пажаданні ў звязку з прадстаячым дакладам на 3-й сесіі ЦВК Беларусі / Я. Купала // Поўны збор твораў: у 9 т. – Мінск, 2002. – Т. 8. – С. 103.

нии общереспубликанской писательской организации «Маладняк», по сути ставшей «комсомольской в литературе» (М. Горький). То есть для творческих сил бывшей российской губернской Витебщины фактически сложились необходимые условия для личностной реализации своих творческих устремлений, чтобы художественные посевы «падали не на камень».

Не детализируя историю, донесем до сегодняшнего читателя несколько строк из программного заявления «Маладняка»: «Мы – молодняк этих новых всходов и разрастаемся на полях белорусского художественного творчества, выжимая и горечь, и полынь, отдающие затхлостью прошлого. Наше задание – из основ нынешней жизни выделить основы завтрашнего и одеть их в одежду художественного творчества, повседневный опыт рабочих и крестьян – строителей нового мира – осуществить в художественных образах. Мы – молодняк нового содержания художественного творчества». Следовало бы вспомнить и заявления «маладнякоўцаў» о форме нового литературного творчества. «...Основой нашей художественной формы, в которой мы олицетворяем наши идеи, является художественно-правдивый образ, объективный, соответствующий реальности. На разные современные художественно-формальные направления в литературе мы смотрим как на технику художественного творчества. Наш основной принцип: форма должна соответствовать содержанию, преподавание – теме. Мы – молодняк и формальной стороны художественного творчества»².

Для начинающих литераторов открывалось широкое поле деятельности. И, не случайно, в журналах и газетах тех лет нередко можно было встретить рядом с опубликованным стихотворением или небольшим рассказом небольшую заметку типа: «Стихотворение написано батраком-комсомольцем из Бегомльского района» (ныне Докшицкий район. – А.Р., Ю.Р.); «Стихотворение – первая поэтическая попытка рабочего Витебского металлургического завода» и др. Молодежь стремилась рассказать в литературной форме о том, что она видела на фронтах гражданской войны, новостройках мирных лет; понять истоки мужества и энтузиазма красноармейцев, рабочих, сельских активистов. «Маладняковец» из Полоцка А. Звонак, оценивая середину 1920-х годов, писал: «Это была шумная и радостная пора молодости. Молодости республики, разбуженной Октябрем, которая возвышенно строила свою жизнь, получила свою государственность, создавала свою национальную культуру, литературу, искусство». Вот строки из стихотворения витебского «маладнякоўца» Алеся Дударя:

*Ну, а я малады – мне весела
Разагнацца ў мяцежную даль.
...Вось бы вышэй за ўсіх узняцца,
Я ўвесь – непакораны шквал.*

² «Маладняк». – 1923. – № 1. – С. 55.

*Што ж рабіць, калі дух юнацкі
Агарнуў ваяўнічы запал;
Што ж рабіць, калі фарбы раныцы
У грудзях завялі карагод;
Што рабіць, калі кроў барабаныць –
Заклікае ісці ў паход?*

*Ну, а я малады – мне весела
Разагнацца ў мяцежную даль.*

Газета «Савецкая Беларусь» в статье «Маладнякоўскімі шагамі», опубликованной 5 октября 1928 г. (за полтора месяца до организационного оформления), словами поэта М. Чарота разъясняла задачи и цели будущей организации. «“Маладнякоўскія рады”, – писал М. Чарот, – будут пополняться «такими поэтами, которые идут сюда в лаптях из глухих уголков Белоруссии, неся в сумках свои стихи. Но поют эти певцы-лаптюжники весело, бодро. А почему? Потому что их творческие дарования разбужены полной огнём и юношеского порыва песней “маладнякоўца”».

Создание «Маладняка» получило самую благожелательную поддержку ветеранов белорусского художественного слова и правительства молодой республики. К примеру Я. Купала пишет стихотворение «Орлята» («Арляняты»), Т. Гартный обращается к молодежи со статьей «Она идет» («Яна ідзе»), З. Бядуля пишет: «Крылатые машины» («Крылатыя машыны»), доклад на первом съезде «Маладняка» делает первый секретарь ЦК КП(б)Б А.И. Криницкий и т.д.

Начинания «Маладняка» было активно поддержано литераторами Витебска, Полоцка, Орши – этот процесс выглядел следующим образом:

– 18 ноября 1924 г. объявляется о создании филиала «Маладняка» в Витебске. Первым руководителем филиала был поэт А. Дудар (настоящее имя Александр Дойлидович. 1904–1946);

– 3 марта 1925 г. на базе самодеятельных творческих студий при Полоцком педтехникуме создается филиал «Маладняка» в Полоцке. Первоначально он объединил 7 человек, но уже к концу 1925 г. членами полоцкого «Маладняка» стали 18 начинающих авторов. Инициаторами создания Полоцкого филиала были А. Дудар и А. Александрович. Позднее филиалом руководят А. Звонак (1925–1926), В. Сенкевич, С. Хурсик. С марта 1928 г. – Т. Хадкевич.

– 26 мая 1925 г. оформляются материалы о создании филиала «Маладняка» в Орше. Руководителем избирается М. Гончарик (с февраля 1928 г. – А. Вечер).

Заметим, что «маладнякоўцам» Витебщины постоянную помощь оказывали члены Центрального бюро «Маладняка».

Литературные вечера, обсуждение новых произведений, дискуссии, выступления в рабочих коллективах, подготовка и издание стенных газет, литературных журналов и альманахов – вот далеко не полный перечень в деятельности Витебского, Оршанского и Полоцкого филиалов «Маладняка». Свое главное предназначение их руководство видело в «выявлении местных писательских и публицистических сил» и «борьбе с идеологическими, а также мещанско-собственническими тенденциями в молодежной писательской среде». Вот к примеру, несколько слов из редакционной статьи руководителя Оршанского «маладняка» М. Гончарика: «Наше изобразительное искусство должно быть полностью своим, рабоче-крестьянским, изображающим жизнь, быт, стремления и переживания трудящихся масс...». И далее автор отмечает, что в этом должны быть заинтересованы в первую очередь комсомол, профсоюзы, учительство, культпросветработники³.

Сегодня можно говорить о том, что рабочие и крестьяне Белоруссии из уст «маладнякоўцаў» впервые слышали новое литературное слово, начали ощущать и понимать красоту и привлекательность родного языка, разумность партийно-государственного подхода в реализации духовного обновления – политике белорусизации.

К месту будет назвать и тех молодых литераторов (поэтов, прозаиков, литературных критиков), которые составили творческое ядро Витебского, Полоцкого и Оршанского филиалов «Маладняка».

В Витебске – это А. Базыленко, С. Бекаревич, А. Ворпахович, А. Дудар, А. Жуковский, З. Житкевич, В. Ковалев, Н. Касперович, А. Катанович, Б. Люговский, Я. Мазуркевич, Е. Мелешкина, А. Морковка, Е. Сивак и др.

В книге «Віцебшчына» можно прочесть: «"Маладняк" захапіў і Віцебшчыну. У снежні мес. мінулага г. невялікая спачатку ініцыятыўная група залажыла філію ў г. Віцебску. Пад кіраўніцтвам Ц.Б. "Маладняка" пачалася праца, якая паступова пачала павялічвацца і ўцягваць новыя маладнякоўскія сілы.

У сучасны момант філія налічвае 30 сяброў, з якіх 11 зацьверджаны Ц.Б. "Маладняка". Складаецца філія з слухачоў Белпэдтэхнікуму, Мастацкага тэхнікуму і іншых культурнікаў г. Віцебску, ёсьць сябры філіі з вёскі. Працай філіі кіруе абранае бюро з 3 чалавек, у лік якіх уваходзіць і кіраўнік. Вядзецца студыйная і грамадская праца»*.

Витебский филиал «Маладняка» в 1926–1927 гг. имел 6 литературных кружков, литературную и художественную секции. Привлекая преподавателей учебных заведений, ведущих журналистов витебских газет, бюро филиала и его руководители Н. Касперович и Е. Мазуркевич организовали теоретическую учебу творческой молодежи, проводили литературные вечера с участием известных писателей – К. Крапивы, М. Чарота, П. Глебки, М. Зарецкого. В той же «Віцебшчыне» читаем: «Маючы на мэце пашы-

³ «Аршанскі маладняк». – 1925. – № 2.

* «Віцебшчына». – Витебск, 1925. – Т. 1. Текст приводится по подлиннику 1925 г.

рэнне ведаў сярод грамадзянства аб сутнасці й заданьнях “Маладняка”, а таксама лічачы, што пралетарская творчасць не павінна адрывацца ад жывых пралетарскіх масаў і што яна павінна крытыкавацца гэтымі масамі, філія звярнула ўвагу і на гэты, грамадзкі бок працы, а дзеля гэтага была наладжана экскурсія за 10 вёрст у Лужасьнянскую сел.-гасп. школу, дзе быў зроблен даклад аб найноўшай беларускай літаратуры і чыталіся ўласныя творы». Было выдадзена некалькі літаратурных зборнікаў витебскіх пісателёў і паэтаў. К прымеру, у 1926 г. выйшаў з друку зборнік «Начало» («Пачатак»), у якім увайшлі аповесці Е. Мазуркевіча «Броне-вик» і «Издевательства» («Бранявік» і «Здзекі»), драматычны этюд у 4-х рысунках Я. Тикаваго (Я. Мазуркевіч) «Комсомолка Галя», зборнік з 24 вершаў А. Морковки, а таксама вершы А. Жуковскаго, А. Базыленкі, А. Катановіча, Б. Люговскаго, Е. Сивака і др.

Чым прывлек к сабе увагу чытацеля літаратурны зборнік «Начало», можна судзіць хоць бы па некалькіх вершах аўтара зборніка Витебскага электромеханічнага тэхнікума Аркадія Морковки. Вот яно, юнацкае адносіны да жыцця:

*Я не маю роскашы чырвонага,
Не заўсёды нават маю медзь,
Не ўладар я залатога сонца,
Каб цябе, мой край, агнём сагрэць...
Але маю ў сэрцы звона вечна,
Але маю пчолак-песень рой,
Што падслухаў у калядны вечар,
Што збіраў я роснаю зарой...*

І яшчэ адно сведчанне паэтычнага пранікнення А. Морковки ў сучасную яму жыццё, яе дасягненні, характарыстыкі ў дэталі і паэтычных вобразы:

*Быццам тое ж балота імшыстае,
Быццам тое ж жніўнае галасок,
І ў гары неба чыстае, чыстае,
А між жыта – мяжы пясок.
Але новыя песні звываюцца,
Ды сасоннік узняўся другі,
Ды з абліччаў сялянскіх зываюцца
Красны доўгай сялянскай тугі...*

У 1928 г. любіцелі паэзіі пазнакоміліся з новым паэтычным зборнікам «Дым жыцця» («Дым жыцця»).

Один из первых исследователей «Маладняка» и истории белорусской литературы М. Горецкий следующим образом оценивал творчество А. Морковки: «Маркоўка вызначаецца большаю глыбінёю думкі, ухілам у

філасофскія разважанні, любоўю да моцнага вобраза і адшліфаванага верша. У яго вершах мова менш гучная, чым у Маракова, але музычнасць у іх даволі вытрыманая. Шкодзіць Маркоўцы часам лішняя выкручанасць вобразаў і мовы. Ён – сацыялен, але грамадскіх матываў у яго творчасці мала»*.

Через год, в 1927 г., бюро филиала издало сборник «Рассвет» («Світанне»), состоящий из стихов П. Ананьева, Ю. Базыленки, З. Житкевича, А. Катановича, Б. Люговского, Е. Сивака, пьесы А. Базыленки «Красный платок» («Чырвоная хустка») и других произведений. Широкий резонанс в культурной жизни Витебска вызвал вечер, подготовленный витебскими «маладнякоўцамі» и посвященный 20-летию литературной деятельности Я. Купалы.

Отзыв Я. Купалы, принимавшего участие в этом мероприятии, не сохранился. Нам думается, что он мог быть таким, как и в «Письме к полочанам» («Пісьмо да палачанам»): «Трудно мне высказать словами свою искреннюю признательность и сердечную благодарность за тот милый и горячий и по правде братский прием славных и свободных полочан и полочанок, оказанный мне со стороны их организаций – окружкома, Красной Армии, комсомола, «Маладняка» (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.), учителя, ученичества».

В Полоцке списочный состав организационного ядра филиала «Маладняка» не сохранился, но в разные времена в него входили А. Александрович, П. Бровка, Я. Скрыган, А. Звонак, Т. Хадкевич, С. Хурсик**, В. Моряков, Е. Подобед, П. Шукайло, Н. Гращенко, С. Семашка, Н. Семашка, Гр. Хвойка (Пугач), Е. Козик, Г. Бреская, К. Пчелков, Э. Самуйленок, С. Милевич, П. Кривицкий и др.

Правда, на первых порах работа не очень-то ладилась. А поэтому общее собрание Полоцкого филиала «Маладняка» 28 мая 1925 г. вынуждено было констатировать: «До настоящего времени наше объединение не приняло (со стороны организационной) характера объединения общехудожественного, потеряв обличие объединения общелитературного» (из архива «Маладняка»)). Это по поводу того, что литературный «Маладняк» постепенно превращался в культурно-просветительскую организацию.

А по воспоминаниям того же А. Звонака, в «Чырвонай Полаччыне» работал «Павлюк Шукайло, человек неугомонной энергии, создавший впоследствии бунтарскую “Литературно-художественную коммуны”. В окружном комитете комсомола трудился П. Бровка, первые стихи которого появились в нашей газете. Там в 1927 г. начинал свой творческий путь Эдуард Самуйлёнок». Особенно значимой для становления Полоцкого фи-

* Текст дается с сохранением особенностей языка М. Горьцкого.

** Автор сборников рассказов «Первый полустанок» («Першы паўстанак»). – Минск, 1925, «Дорогами гроз» («Шляхамі навальніц»). – Минск, 1930, повести «Черный мост» («Чорны мост»). – Маладняк. – 1929. – № 11–12), многих стихотворений и рассказов, печатавшихся в газетах «Чырвоная Полаччына», «Звезда». Перевел на белорусский язык повесть А. Серафимовича «Город в степи». – Минск, 1930.

лиала стало участие в его деятельности поэта и ответственного секретаря национальной комиссии уездного исполкома Андрея Александровича. По воспоминаниям современников, он принимал самое непосредственное участие в издании альманаха «Надвинье» («Наддзвінне»), по-товарищески требовательно, придирчиво, настойчиво требовал доработки представляемых произведений, переработки тех или других скороспелых предложений или строк. Квартира А. Александровича была тем поэтическим штабом, где в свободное время собирались «маладняковцы», комсомольские и партийные работники, сотрудники «Чырвонай Полаччыны», учащиеся старших курсов Полоцкого педагогического техникума.

Более организованной и системной работа полоцких писателей и поэтов стала в 1925–1926 гг., когда ответственным секретарем окружной газеты «Чырвоная Полаччына» был назначен поэт А. Звонак, а редактировал ее уже опытный прозаик и журналист, «маладняковец» Степан Петрович Семашко (1898–1965) (печатался под псевдонимом С. Чуткий).

Именно в эти годы проникновенным авторским чувством и поэтическим восприятием родной Полотчины, тонкими лирическими мотивами заявил о себе впоследствии народный поэт БССР, уроженец д. Путилковичи (ныне Ушачский район) П. Бровка.

Зарекомендовав себя как перспективный молодой поэт, П. Бровка был принят в Полоцкий филиал «Маладняка». Думаем, что для современного читателя небезынтересно, что и в те годы (20–30-е XX в. – А.Р., Ю.Р.) общественно-творческие организации принимали по заполнению соответствующей анкеты. Вот, к примеру, анкета П. Бровки, заполненная собственноручно в начале 1927 г.:

1. Прозвішча, імя, імя па бацьку	– Броўка Пятрусь Юстынавіч
2. Партыйнасць і стан	– Сябра Л.К.С.М.Б. з 1923 году
3. Праца ў грамадскіх арганізацыях	– Сябра МОПРу, Авіяхіму
4. Узрост	– 21 год. Нар. 1905 года
5. Якую займае пасаду	– Супрацоўнік Рэдакцыі газеты
6. Праца ў літ. арганізацыях	– Маладняк
7. Від творчасці	– Вершы
8. Ці друкаваўся	– Друкаваўся

О том, что «друкаваўся» убедительно свидетельствуют следующие строки:

*Ой, не шапчы мая бярозка,
Журлівым шопатам галінаў,
Пайду сягодня ў поле позна –
Сустрэну любую дзяўчыну.*

*Сустрэну ў полі, дзе бярозкі
У вечар росны,
Вечар мглісты,
І будуць пець зялёным лісцем
У полі белыя бярозкі.*

*Чуць свет, чуць сонейка ўстане,
Пайду з касой на луг мурожны.
Трава квяцістая, густая
Будзе губляць сваю прыгожасць.*

*А сонца яркае ўстане, –
Трава завяне ў пракосах,
І я пайду на лузе босым,
Хай сонца з сэрцайка спявае.*

*Дык, не шапчы, мая бярозка,
У ліпнёвы вечар мне не сумна –
Вітаю свету новы росквіт
І Беларусь маю красуню*.*

Об истории написания стихотворения П. Бровка в своих воспоминаниях напишет:

«Першы надрукаваны верш “Ой, не шапчы, мая бярозка” напісаў у Полацку. А было так: я быў адкліканы на працу ў Полацкі акруговы ЛКСМБ з пасады старшыні сельсавету. Давялося жыць у горадзе, але я ня мог хутка развітацца зь вёскай... Памятаю, часта хадзіў за горад і падоўгу глядзеў у свой бок, адкуль я прыехаў. Вось пад такім уражаньнем я напісаў верш “Ой, не шапчы, мая бярозка” і паслаў у рэдакцыю “Чырвонай Полаччыны”. Калі яго надрукавалі, быў вельмі ўзрадаваны, і ўжо нішто не магло спыніць майго паэтычнага захаплення. Многа чытаў, шмат пісаў, пачаў вучыцца на вячэрніх агульнаадукацыйных курсах».

Небезынтэресным представляецца тот факт, што П. Бровка не скрываў ад сваіх дзурэй і товарищей по перу свайго прывержэнства к творчэству вядомых аўтараў, аказаўшых, як выявілася, асноўнае ўплывае на становленне яго творчэскай індывідуальнасці:

«Люблю паэзію Пушкіна, Някрасава, Лермантава, Шаўчэнкі. Сваёй зладзённасцю прыцягвае мяне і паэзія Дзям’яна Беднага. Папераменна захапляўся то Ясеніным, то Маякоўскім, знаходзячы ў кожнага геніяльнае... Шмат даў мне і “Маладняк”. Мы ўсе ў ім расьлі. Шукалі. Шукаў і я».

* Какую значымасць гэтому стихотворенню надаваў сам П. Бровка, можна судзіць по наступнаму факту: свайго чатырхтомнага зборніка апрацаваў, выданае ў 1965 г. (к 60-летію паэта), он лічыў неабходным адкрыць паэтычнай фразой «Ой, не шапчы, мая бярозка...».

О поиске собственного пути в литературе свидетельствуют эмоционально-творческие решения будущего народного поэта БССР: осенью 1927 г. П. Бровка выходит из «Маладняка» и вступает в созданную товарищем по «Чырвонай Полаччыне» Павлом Шукайло «Белорусскую литературно-художественную коммуну»^{*}; в марте 1928 г. – оставляет «футуристическую коммуну»; летом 1928 г. снова возвращается в «Маладняк»; в 1929 г. печатает в журнале «Маладняк» «разоблачительную» поэму «Рапорт» («Рапарт»), направленную против карьеризма П. Шукайлы и особенностей его «лестничных» стихотворений «На Белоруссии» («На Беларусі»), «Ветру» («Ветру»), «Эй, нажмём!..» («Эй, націснем!..»). Вот один из пародийных примеров:

Я –
 за рубля
 не адзін
 зраблю
 шаг!

Хто мне шлях
 прыпыніць,
 перарэжа?

Натачыўшы
 «сталёвага нажа»,
 мільён
 галоў
 адрэжу.

Я –
 за росквіт
 жыцця!

Цымбалы,
 цымбалы,
 пазванчэй!

П'ю «каўказкае» я,
 каб было
 весялей,
 весялей!

Активный «маладняковец» («молодой», по А. Звонаку) из Полоцка поэт и прозаик Тарас Константинович Хадкевич, вспоминая о начале своего творческого пути, пишет: «Мы, молодые литераторы, сгруппировались

^{*} Литературное объединение белорусских советских писателей, члены которого увлекались футуризмом, ориентировались на ЛЕФ и творческую практику В. Маяковского. Существовала с сентября 1927 по апрель 1928 г. Имела литературные кружки в Полоцком педтехникуме, нескольких крупных деревнях Полотчины.

вокруг газеты “Красная Полотчина” (газета регулярно печатала литературные страницы. – *А.Р., Ю.Р.*), в редакции которой работали Петрусь Бровка и Янка Скрыган. Выпускали альманахи*, литературные приложения к газете, часто читали свои стихи на литературных вечерах». Доброй традицией было проведение встреч с читателями с участием уже известных Я. Купалы, Я. Коласа, М. Чарота и более активных «маладнякоўцаў» – В. Дубовки, М. Зарецкого, А. Александровича, С. Хурсика, А. Вольного, Я. Пуши. При этом вечера проводились не только в Полоцке, но в Ушачах, Россонах, Волынцах и др.

Нельзя не сказать о том, что именно наличие таких творческих сил при поддержке комсомола Полоцка позволило филиалу «Маладняка» издать три литературных альманаха – «Надвинье» («Наддзвінне») (1926 г.) «Расцвет» («Росквіт») (1927 г.), «Зарницы» («Зарніцы») (1928 г.).

Тематика произведений, печатаемых в альманахах, была весьма разнообразной – история Полотчины и ее современная жизнь, юношеские мечтания и первая любовь, новый быт и культурное строительство и др. И, конечно, не оставались в стороне задачи «па калектывізацыі і кааперацыі вёскі, змагання за гэту справу». Особое внимание этой теме было уделено в альманахе «Зарницы».

Известный витебский автор М. Кузьмич, к примеру, отмечал, что основной тематический пласт затрагивал «вёску 20-х гадоў, якая перажывала цяжкія і драматычныя часіны свайго існавання, бо шмат нязвыклых навацый было не толькі для звычайных людзей, але і для саміх аўтараў. І хаця прастора малой апавядальнай формы, верша – не раманная, тым не менш пісьменнікі адлюстравалі шэраг супярэчлівых рысаў рэчаіснасці той пары, настрой, думкі, пачуцці, перажыванні вяскоўцаў, падсвечваючы іх, вядома, сваім бачаннем усяго гэтага»⁴.

Небезынтересным является и тот факт, что именно «Надвинье» в 1926 г. впервые в белорусской советской литературе обратило внимание читателя на жизнедеятельность Франциска Скорины – здесь была напечатана повесть С. Хурсика «Франциск Скорина», выдержанная в хорошем историко-художественном плане – интересный сюжет (Фр. Скорина в Вильно в 1530 г.), выразительные типажи, спокойный исторический фон.

Следует отметить ценную (по тому времени) статью уроженца ст. Россоны (на Полотчине) Макара Шалая «Поэты и писатели Полотчины» («Паэты і пісьменнікі Полаччыны»), опубликованную в альманахе «Расцвет», изданном в Полоцке в октябре 1927 г. Имея неплохую теоретическую подготовку (М. Шалай окончил Витебскую партийную школу и учился в Белорусском государственном университете имени В.И. Ленина), автор достаточно квалифицированно проследил ход литературного процесса на Полоцком Подвинье, актуализировал его проблемы,

* Первый номер литературного альманаха «Надвинье» («Наддзвінне») вышел из печати в ноябре 1926 г.

⁴ Витебскі рабочы. – 1993. – 19 лют.

попытался наметить пути устранения проблемных, болевых точек в деятельности Полоцкого филиала «Маладняка».

Проанализировав слабую в литературно-критическом отношении статью журналиста Н. Гращенко, посвященную анализу альманаха «Расцвет» (1928, № 2) и напечатанную в газете «Чырвоная Полаччына», М. Шалай совершенно справедливо делает вывод, что не псевдокритика, не заигрывание с писателем или поэтом и не «рыночный спрос» являются движущим началом в литературном творчестве. «Пры розглядзе творчасці, – подчеркивает критик, – трэба браць твор ад яго пачатку і да канца, г.зн. і форму і змест, а пасля ўжо выводзіць рэзюмэ. Разлучаць форму ад зместу, значыць быць вандалам у літаратуры і знішчаць твор. Наяўнасьць арганічнага адзінства і поўная палагоджанасьць паміж зместам і формай павінны быць у кожным больш-менш таленавітым творы. Калі яе няма, значыць, мы маем справу з творчасцю бяздарнага «паэцішкі», ня вартай увагі. Уласьцівасьць вады вы ня вывучыце, калі ня возьмеце пад увагу арганічную сувязь паміж тленам і вадародам. У адваротным выпадку ваша праца будзе бязглуздым «крахаборствам», пазбаўленым хоць якога сэнсу.

б) Задачи сучаснай літаратуры наступныя: адлюстраваньне працэсу вялікага сацыялістычнага будаўніцтва (як гаспадаркі, так і культуры) нашае савецкае краіны, – раз; паказ сапраўднага чалавека, карыснага справе рэвалюцыі, які самаахвярна змагаецца за новае жыцьцё, будзе сацыялізм, – два; высьвятленьне ў яскравым, зразумелым малюнку настрояў рабочых, сялян, нашай савецкай інтэлігенцыі, высьвятленьне яго з такім разраўнаваннем, каб у творы было заложана здаровае мэтаімкненьне, каб твор канцэнтраванаў грамадскую думку на карысьць рэвалюцыі, – тры»*.

На наш взгляд, комментарии излишни. Особенно, если учесть, что речь идет о критической мысли нового автора в белорусской литературе, мысли ищущей, мысли формирующейся, дискуссионной.

Внимание М. Шалай равномерно распределяется как на творчество начинающих (К. Пчелков, Гр. Хвойка, Я. Козик, Н. Семашко), так и более опытных авторов (П. Бровка, С. Хурсик, Я. Видук, Т. Хадкевич, С. Семашко). Правда, далеко не равнозначно: если стихи первой «четверки» «безумоўна ня высокае вартасці», то более опытные авторы «выступаюць як песьняры рэвалюцыі, песьняры Вялікага Кастрычніка», а мотивы «гэтых вершаў перапоўнены жыцьцярадаснасьцю, рэвалюцыйнымі імкненьнямі й самаахвярнасьцю». В творчестве этих авторов «можна наглядаць пэўную, патрэбную ў творах дынамічнасьць і вытрыманасьць з боку формы». Меткие, хотя и острые замечания высказывает М. Шалай в адрес поэтессы Г. Бреской («...не станаўцеся на калені перад Есеніным, – асабліва зараз, калі ваш талент яшчэ толькі пачынае фарміравацца») и М. Дружины («нешта накшталт “казлятону” ў так-сяк падабраным канцэрце або хоры»).

* Текст дается с сохранением особенностей авторского языка М. Шалай («Росквіт». – 1928. – № 2. – С. 66–72).

Проанализированы и прозаические произведения С. Семашки (повесть «Под панской неделей» («Пад панскай няволяй»)), Я. Видука (поэма «Таиса» («Таіса»)), С. Крушины (рассказ «Встреча» («Сустрэча»)).

Думается, что подобный анализ, основанный на дифференциации подходов и оценок, был крайне необходим для выработки выверенных творческих ориентиров, особенно с учетом разноуровневого мастерства «молодняковцев».

С большим интересом начинающими литераторами Поозерья были встречены вышедшие из печати в середине 1920-х годов стихотворные сборники одного из организаторов Полоцкого «Маладняка» А. Александровича «По белорусской мостовой» («Па беларускаму бруку») (1925), «Прозолота» («Прозалаць») (1926), поэма «Повстанцы» («Паўстанцы») (1925), сборник рассказов «Призрак» («Здань») (1925). Вот, к примеру, несколько строк из поэтического цикла «Двина» («Дзіна»), написанного в те годы А. Александровичем в Полоцке:

*Ветрык рве, як павуцінне,
Лугавую цішыню.
Старажытнае Наддзвінне
Я вітаю ўпершыню.
Мілагучная вяснянка
Акрыліла сэрца мне.
Як русалка, палачанка
Выплывае на чаўне.*

*Мне бы з ёю пляць у далі –
Ад вясны і да вясны...
Хвалі ціхіх шапталі
Пра радзіму Скарыны.
Заірзеліся прасторы,
Заліваў агонь зары
Гмах Сафійскага сабора,
Бераг Замкавай гары...*

Не меньшим читательским спросом пользовались и книги еще одного витебско-полоцкого «маладнякоўца» А. Дудара – стихотворные сборники «Беларусь бунтарская» («Беларусь бунтарская»), «И солнечными тропами» («І сонечнымі сцежкамі») (1925), «Шанхайский шелк» («Шанхайскі шоўк») (1926), книга рассказов «Марсельеза» («Марсельеза») (1927) и др. Не остались без внимания коллег по «Молодняку» и активно читающей белорусской молодежи поэтические сборники начинающего Валерия Морякова (может быть потому, что девизом его жизни стал лозунг «Весна и щедрость хотят жить...») «Лепестки» («Пялёсткі») (1926) и «На золотом прокосе» («На залатым пракосе») (1927). В свои 17 лет в сборнике «Пялёсткі» В. Моряков, соотнося события новой эпохи, свидетелем которых он стал, открыто заявляет:

*Праляцелі за днямі дні,
Адпалалі агні на акопах,
І, замест агнёў Перакопа,
Асінбуда палаюць агні.
Горда моладзь да працы ідзе,
У вачах нестухаючы промень,*

*Вось рамантыка новых людзей,
Вось рамантыка новага дома!
Гэта дзіўная музыка дзей,
Гэта фронт неўміручае працы.
Гэта права працоўных людзей
Будаваць, і спяваць, і змагацца...*

Гражданская позиция П. Бровки, уже проявившаяся в творчестве в конце 1920-х годов, во время учебы на литературно-лингвистическом отделении педагогического факультета Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина (поступил в 1928 г.), испытывает самые неожиданные метаморфозы и колебания. Однако победит все неурядицы твердая гражданская позиция. Поэт уверен и не видит обратимости громаднейшего социального процесса. Он просто влюблен в размах преобразований, он один из активнейших борцов партии. Заявив о том, что он не будет стоять на распутье и «глазами жалостными вдаль смотреть», наш земляк и в сложные 1930-е годы не уходил от активного участия в «строительстве» новой белорусской литературы, находился в постоянном творческом и организационном поиске. П. Бровка искал свое место в новом времени (правда, он не забывал периода «личностных исканий» 1920-х годов, периода субъективной эмоциональности), видел противоречия в развитии пролетарской литературы, читал дискуссионные материалы о методе диалектического материализма в литературном творчестве и т.д. В 1930 г. выходят из печати два поэтических сборника П. Бровки «Годы как шторм» («Гады як шторм») и «Речь фактами» («Прамова фактамі»), в 1931 г. – сборник «Цеховые будни» («Цэхавыя будні»), в 1932 г. – сборник «Поэзия» («Паэзія»), в 1935 г. издается книга «Приход героя» («Прыход героя»), в 1940 г. – поэтическая книга «Путиами боровыми» («Шляхамі баравымі»). В эти же годы печатается первое крупное прозаическое произведение П. Бровки – повесть «Каландры» («Каландры»).

Читая и осмысливая эти книги в наше время, мы видим, что творчество П. Бровки 1930-х годов – это укрепление его поэтической души, связи его поэтического чувства с чувством времени, их единение в творческом порыве осмысления истории и личной неотрывности поэта от победной поступи социализма. К примеру, в поэтическом сборнике «Цеховые будни» П. Бровка представил читателю своеобразный репортаж об увиденном, осмысленном и нашедшем свое выражение в мягких лирических строках:

*А за гоні ад нас
праз кусты і лагчыны,
дзе вусы распусьціла
крывая антэна,
забаўляла гармонікам
свой адпачынак
каля новых баракаў апошняя змена.*

Вот оно, личностное восприятие и оценка тогдашней жизни самим П. Бровкой: «У гады першай пяцігодкі мы пісалі пра ўсё. Хадзілі на заводы, чыталі, бічавалі прагульшчыкаў, гультаёў, рвачоў. Часта выходзіла рытарычна. Што ж, многае стала аднадзёнкай, але ніколі не шкадаваў працы, аддадзенай лёзунгам і агіткам. Працуючы над імі, даводзілася быць у віры жыцця і многае спазнаваць».

Справедливости ради заметим, что в поэтике П. Бровки в эти годы мы найдем и высокий пафос воспевания гражданской и развенчивания империалистической войны, и модную тематику «цеховых будней», и агитплакат – необходимую атрибутику «пролетарской поэзии» тех лет.

Однако глубинное, сущностное, как нам кажется, выражено не в агитках или модных восславляющих победы стихосложениях, а в предлагаемых читателю поэтических посланиях П. Бровки, где он пишет о своем поколении 30-х годов:

*Сонца нашай радзімы,
Ім пяшчотамі свеціць,
Ім дарога ў жыцці –
Толькі радасць адна.
Тут прыходзіць, вясна чалавецтва,
Тут рэспублікі нашай
Вясна.*

И о роли поэзии в жизни общества, поэзии которой необходимо:

*...нібы арлу ўзятаць, крыяць,
Мінаць цясніны, кручы,
Падобную да салаўя
Заўсёды быць павучай.
Не знаць прыпынку анідзе,
Ні днём, ні ноччу цёмнай.
Быць, як асілку між людзей,
Магутнай і нястомнай.
Імкнуцца праўду расказаць
Заўсёды сэрцам чыстым,
Каб, як дзіцячая сляза,
Быць шчырай і празрыстай...*

Думается, эти позиции П. Бровка соблюдал как собственный завет и выдерживал его до конца своей жизни.

«Была это и пора нашей молодости, – вторит ему один из наиболее активных полоцких “маладнякоўцаў” А. Звонак, – дружной, уверенной в своем будущем, творческой и вдохновенной. Была это пора горячих споров и дискуссий, необычайной творческой активности, роста и накопления сил, упорной учебы и широкой общественной деятельности – разъездов по

городам и местечкам Белоруссии, выступлений на литературных вечерах в переполненных клубах и студенческих аудиториях»⁵.

Архивы свидетельствуют, что Полоцкий филиал «Маладняка» в 1925 г. шефствовал над Полоцкими окружными культурно-просветительскими комсомольскими курсами: в порядке шефской помощи «молодняковцы» бесплатно преподавали на курсах белорусоведение, консультировали комсомольских активистов по вопросам литературной жизни, основам литературного творчества и, конечно, на примере своих произведений, звали к участию в поэтическом и прозаическом осмыслении жизни. Такие формы деятельности укрепляли связь молодой писательской организации с комсомолом, рабочими коллективами, сельскими коммунарами.

Одной из характерных особенностей в деятельности Оршанского филиала стало однозначное сотрудничество с партией и комсомолом. Свидетельство тому – приветствие молодых литераторов второй Оршанской окружной конференции комсомола «Комсомол» и «Молодняк» («Камсамол» і «Маладняк») и стихотворение поэта Тодара Кляшторного «Окружному съезду комсомола» («Акруговаму з'езду камсамола»)*.

Самым определенным образом высказался ответственный секретарь Оршанского окружка КП(б)Б Б. Стасович в статье «Очередные задачи Оршанского филиала “Маладняка”»**. Главную задачу «Маладняка» он видел в том, чтобы пополнять литературную организацию выходцами из рабочего класса и бедняцко-средняцкой среды крестьянства и ни в коей мере не сдерживать их стремление вступить в организацию. Слова были будто бы правильными. Однако на деле подобная расплывчатость в понимании литературного творчества привела к тому, что в публикациях «Аршанскага маладняка» появилось много слабых в литературном отношении стихотворений, правда, содержательно соответствующих идеологическим требованиям времени. Следует отметить и такую позицию в жизни оршанских «маладнякоўцаў»: если на первом этапе определяющую роль в организации их работы играл опытный в литературно-критическом направлении М. Гончарик, то впоследствии ее стал выполнять «организационник» А. Вечер. Именно он способствовал активной деятельности «Маладняка» в Горках, привлекал к консультациям известного писателя, заведующего кафедрой белорусского языка и литературы сельхозакадемии М. Горецкого, ставшего со-редактором двух последних номеров (6-го и 7-го) журнала «Аршанскі маладняк», наконец, он ориентировал своими стихами, пронизанными возвышенным, романтическим и, одновременно, классическим началом, и сборником зарубежных переводов (1925 г.) молодых авторов на понимание прекрасного в жизни и поэзии, постижение высокопоэтического стиля творчества, мастер-

⁵ Звонак, А. Неспакойныя сэрцы / А. Звонак. – Мінск, 1973. – С. 11.

* Аршанскі маладняк. – 1926. – № 1.

** Аршанскі маладняк. – 1926. – № 3(5).

ства поэтического перевода. Правда, качество журнала «Аршанскі маладняк» от этого резко не улучшилось.

Изучение архивных документов показывает, что «Маладняк» Витебщины занимался не только повседневными вопросами культурно-просветительской работы. Его привлекали общие вопросы развития белорусской и советской литературы, ход литературного процесса, взаимодействие литератур. Вот лишь один из примеров. При подготовке к Всебелорусскому съезду «Маладняка» (25–29 ноября 1925 г.) оршанские писатели и поэты в повестку своего предсъездовского собрания вносят следующие вопросы. Первый и последний вопросы, как и подобает в таких случаях, традиционные: «Отчет бюро филиала» («Справаздача бюро філіяла») и «Выборы бюро филиала и делегатов на Всебелорусский съезд» («Выбары бюро філіяла і дэлегатаў на Усебеларускі з’езд»). А вот о 2-м, 3-м и 4-м вопросах следует сказать особо. Даже современник, познакомившись с ними, поймет, что речь шла не только о формальной организации. Итак:

«№ 2. «Маладняк», литдискусии и постановления ЦК партии» («Маладняк», літдыскусіі і пастановы ЦК партыі»).

№ 3. «Маладняк» и соседние литературы («Маладняк» і суседнія літаратуры).

№ 4. Состояние современной белорусской литературы и другие области искусства (Стан сучаснай беларускай літаратуры і іншыя вобласці мастацтва).

Важнейшую роль в обсуждении обозначенных проблем играл руководитель филиала, поэт, публицист и литературный критик М. Гончарик, но самое активное участие в завязавшейся дискуссии принимают А. Вечер, Ю. Гаврук, М. Никонович, В. Сташевский, Я. Герасимович, В. Поскрёбка и др.

Именно эти авторы, а также З. Астапенко, А. Алексеев, В. Коваль, Т. Кляшторный, В. Прибытковский, Ю. Таубин, А. Лесной и другие стояли у истоков Оршанского филиала «Молодняка». Оршанские «маладнякоўцы» работали в разных литературных жанрах. М. Гончарик, например, склонялся к литературной критике, В. Коваль и М. Никонович отдавали предпочтение прозе, Я. Вир (Герасимович) – драме, Т. Кляшторный, А. Вечер, Ю. Таубин – поэзии и т.п.

Не ошибемся, если скажем, что на развитие творческой активности оршанских «маладнякоўцаў» самое непосредственное влияние оказали уже известные В. Дубовка и К. Крапива, с участием которых и был создан Оршанский филиал. Заметим, что именно благодаря активности оршанцев стало возможным создание филиальных студий в Мстиславле, и, что особенно важно, в Горецкой сельскохозяйственной академии*.

Не все из «маладнякоўцаў» Витебщины смогли создать произведения, ставшие классикой белорусской литературы, но многие из них

* Энциклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Мінск, 1984. – Т. 1. – С. 191, 649–650; 1987. – Т. 4. – С. 326–327.

(А. Александрович, В. Дубовка, П. Бровка, Э. Самуйленок, А. Дудар, Т. Кляшторный, А. Морковка, В. Моряков, А. Вечер, Ю. Таубин, В. По-скрёбка, В. Межевич и др.) своими глазами, своим сердцем, своими поэтическими строками искали и находили ростки новой жизни, ненавязчиво предлагая читателю свою поэтико-прозаическую трактовку происходящих социальных изменений. Именно их разноплановое, разностилевое творчество формировало в белорусской литературе тенденцию к опосредованному (и... не всегда идеологизированному. – А.Р., Ю.Р.), лирическому пониманию реально существующей действительности, выявлению и поэтическому осмыслению связи человека с обществом и природой, сосредоточенности на его эмоциональном, интеллектуальном состоянии и реализации авторских творческих начинаний в лирических и лиро-эпических жанрах. «Маладняк» стал той средой в системе новой белорусской художественной литературы, которая способствовала поиску новых творческих сил и в которой формировалась молодая национальная литература.

Хотя бы в нескольких словах познакомим современного читателя с творческим кредо ведущих «маладнякоўцаў» Витебщины, тех, кто, по сути, стоял у истоков послереволюционной белорусской советской литературной летописи.

«Отсутствие литературных кадров, – писал А. Дудар, – заставило брать на учет чуть не каждого, кто пробовал перо, и быть сверхделикатным, чтобы не отбить охоту: «а может будет толк? Пусть пишет»*. Сам – блестящий поэт и талантливый критик А. Дудар – руководитель сначала Витебского, а затем Полоцкого филиала «Маладняка» выразит белорусскую ситуацию начала 1920-х годов в следующих четверостишиях:

*Мы дзеці Рэвалюцыі, Кастрычніка сыны!
У дзень радасці кіпучае на свет з'явілісь мы,
Над нашаю калыскаю не сумны матчын спеў –
Грымелі дні агністыя, змагання гром гудзеў.
...Сцэражыцца, папы, ксяндзы, рабіны!
Ваша неба аблажылі хмары,
Маладняк (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) мазаліста-нязграбны
Вам зламаць няўрокам можа карак⁶.*

Налицо мажорный тон, оптимистический, боевой характер поэзии, жизнерадостный мотив комсомольской юности, которые не могли остановить остатки старого наследия или надуманная поэтика русского имажинизма первой половины 20-х годов.

Следует подчеркнуть, что к моменту избрания А. Дудара руководителем Витебского филиала «Маладняк» он уже издал две книги стихов – «Беларусь бунтарская» и «Солнечными тропами», в которых обновляю-

* Советская Белоруссия. – 1927. – 18 сент.

⁶ «Маладняк», 1923. – № 1. – С. 39.

щаяся Белоруссия предстает перед читателем в ярких весенних красках. Кроме того, он был известен и как один из соавторов (вместе с А. Александровичем и А. Вольным) первого белорусского приключенческого романа «Волчата» («Ваўчаняты»), вышедшего из печати в 1925 г. Правда, следует подчеркнуть, что эти два первых сборника значительно отличаются друг от друга весомой содержательной парадигмой. Если в «Беларуси бунтарской» все пронизано революционно-пролетарским оптимизмом, защитой революционных завоеваний от «западных властителей», верой в приход с востока светлого завтра, то в «Солнечных тропах» главенствует национально-культурная доминанта, основанная на национально-культурном пантеоне (К. Калиновский) и пронизанная ощущением нового исторического поворота.

А сам поэт в «Беларуси бунтарской» предстает перед читателем человеком-оптимистом, человеком-бунтарем, у которого нет сомнений в правильности революционных начинаний. В стихотворении «Я – молодой» («Я – малады»), которым открывается этот поэтический сборник, А. Дудар прямо и откровенно заявляет:

*...і падняў галаву, разагнуўся народ,
Разгарнуў сваё цела сталёвае,
І над сумнаю рэчкай шумлівы чарот
Заспяваў, загудзеў песню новую.*

.....
*Новы выгляд прыняў край балот і лясоў,
І здаецца мінуўшчына казкаю...
І не льецца ўжо больш кроў гаротных сыноў
Беларусі рабоча-сялянскае.*

Напевность, лирическая теплота, богатство поэтического языка, «бурлящий карнавал» чувств, рвущийся наружу из юношеской души в стихах о революции, социальном и национальном возрождении, – это то, что присуще поэзии А. Дудара, что привлекало к ней читательское внимание и что в дальнейшем определит его национальные и патриотические ориентации. Может быть поэтому и в Полоцке, и в Витебске читатели всегда с нетерпением ждали встреч и бесед с ним. Кстати, по воспоминаниям современников, они всегда проходили в диалогическом плане: поэт ждал читательских вопросов, давал умелые и острые ответы и комментарии, усиливая зрительскую симпатию.

Разве могли оставить их равнодушными пронизывающие душу сравнения из поэмы «Сегодня» («Сягоння»). Признаваясь, что и он когда-то верил:

*– Беларусь –
гэта толькі балоты ды ўзгоркі,
ды народ, што, сагнуўшыся ў крук,
лье свой пот у чужыя разоры,*

А. Дудар восторженно-эмоционально, на высоком патриотическом накале рисует народ, выбравший путь социалистического развития:

*Наша сягоння –
момант.
І заўтра –
нам не мяжа:
хіба ў жытніх прасторах заломы
сёння могуць каго напужаць?..*

*Сягоння мы будзім заводы –
з твару зганяем маршчыны.
Але ці скажа хто з нас:
– Годзе!..
Хто дазволіць сабе адпачынак?*

*Знаем –
працу спыніць на момант –
значыцца – стагоддзі назад,
значыцца –
старым заламам
зачарована наша мяжа.
Не кажы пра халодны жвір,
не кажы,
бо спытаюць другія:
– Ці ж затым вы агнём жылі,
каб пагаснуць ізноў і загінуць?..*

Поэт однозначно на стороне «нового» мира, который может и должен победить мир «старый», отживший, тормозящий восхождение к светлому будущему:

*Час вялікі настаў... Загарэўся пажар...
Зазвінелі палацаў ваконніцы...
Усход агнямі прабіў цяжкі мур чорных хмар,
Заглянула к нам раницы сонца.
Бо куды для цэлага свету
вызвалення песні наш горн...
Вы красуйце, чырвоныя кветкі!
Нам мяжою не будзе сягоння.*

«Беларусь»

Не оставляли равнодушными, особенно молодых читателей и слушателей, стихи А. Дудара, посвященные сельским корреспондентам, охота за которыми со стороны кулаков и их наемников велась постоянно:

*А у хаце, што з узорным ганкам,
нехта рот усмешкаю скрывіў,
нехта чысціць рулю ржавай абразанкі
і змывае з рук сляды крыві.*

*... Душаць змрокі слабы свет газніцы...
Замігала над ракой зара;
словы простыя на жоўтыя старніцы
выліваюцца з душы гаспадара.*

*На бяду гандлярскаму разгулу,
на бяду злачынецу-кулаку
панясуцца меткія, як кулі,
ураганам словы пацякуць.*

*Можна ў горадзе ў запальныя прызы
перальюцца простыя радкі,
мо' гандляр са злосці воўкам ўзвые
і зубамі скрыпнуць кулакі.*

*Можна ўночы у глухім завулку
абразанка гулка кашляне...
...Аднаму забітаму на змену
стануць сотні новых змагароў...*

*Мільганула цень на загуменнях –
на траве рассыпалася кроў.*

«Селькор»

В русле «маладнякоўскай» поэзіі знаходзілася месца зашчыце угнетенных народаў Еўропы:

*Сцеражыцеся, каты праклятыя...
Вы не звязце радасці пугамі...
І рукамі мазольна-крылатымі
Вольны Ўсход прывітае закутых.*

«Закаваны захад»

Образцом для пачынаючых паэтаў звучалі стихі А. Дудара, прысвячэнныя «новому городу», рытму «разбуженных гудков» і «рабочага удара»:

*Сонца золатам ў дах барабаниць –
Адбівае сталёвы рытм...
Як у казцы – вясёлая раніца
Вечарамі на бруку гарыць.*

«Менск»

Не менее привлекательными были стихи, отражающие внутреннее состояние поэта, его психологическое восприятие происходящих перемен. Личностное – это всегда впечатляющее. А поэтому у «гарлана-маладнякоўца» можно было прочесть (например, в поэтическом сборнике «Солнечными тропами») или услышать на литературном вечере строки элегические, пронизанные голосом собственной поэтической души или влиянием эстетической практики С. Есенина (впоследствии, правда, это увлечение будет причислено к идеологическим ошибкам А. Дудара).

*І я, як вы, блудзіў на свеце,
Туляўся ў выбаінах зор.
Мне ў вочы кідаў вецер смецце
Старых, забытых абразоў.*

*Цяпер ізноў спляліся цені
Ў чароўны казачны вузор,
А я ўжо здзейсніў летуценні
У чырвоных выбаінах зор.*

«Цені»

Пронизанные есенинскими мотивами стихи А. Дудара были для «маладнякоўца» поэтического авангарда примером насыщения поэзии искренностью, душевностью, пронзительно-трепетным проявлением самых интимных, деликатных чувств. Вот, к примеру, строки из стихотворения «Тихозвонные и ласковые дни» («Ціхазвонныя ды ласкавыя дні»):

*Ціхазвонныя ды ласкавыя дні
У прасторах сінякрылых без граніц.
І мой край цяпер бліжэй мне і мілей,
песня родная званчэй і весялей.*

*Вочы сінія, ды з золата каса...
Як пра шчасце, як пра радасць расказаць?
Стануць дні, нібы з асенніх клёнаў ліст –
будуць песні чарналессе весяліць.*

*Ціхазвонныя ды ласкавыя дні
плешчуць раницай з бярозавых крыніц...
Ой вы, песні... Для сябе і для другіх
сінім светам паланеюць берагі,*

*сінім светам мармуровых стромкіх мар.
Палыноў ды буралому больш няма.
Вочы сінія, высокі тонкі стан...
І ўсё роўна ўжо – ці жыць, ці перастаць⁷.*

⁷ «Аршанскі маладняк». – 1926. – № 1(3).

В «Аршанскім маладняку» А. Дудар напечатает свой поэтический отклик на смерть С. Есенина:

*Запаліце жалобны агні –
Хай усюды яны загарацца:
Па паэце разанскіх ніў
Беларуская песня плача.*

В своих лучших стихах А. Дудар не только восторженно славил революцию и строительство новой жизни, но и с философской углубленностью рассуждал о времени и человеке, тех проблемах, которые выдвигались на порядок дня самим временем, развитием нового общества.

Приводя эти примеры, мы исходили из того, что творческие достижения А. Дудара для начинающих поэтов (вспомним, что в витебско-полоцкие филиалы «Маладняка» входили такие впоследствии известные авторы, как З. Житкевич, Б. Люговский, А. Морковка, А. Александрович, П. Бровка, Я. Скрыган*, А. Звонак, В. Моряков, С. Семашко и др.) были не просто результатом авторского понимания и оценки происходящих преобразований. Это был своеобразный «барометр», образец, позволяющий «маладнякоўцам» ориентироваться как в содержательном, так и в формально-поэтическом плане, преодолевать левореволюционные требования «полной смены как формы, так и содержания».

Поэтические образы А. Дудара были как нельзя к месту. Отдельные поэты забывали о содержании, о том, что делает поэзию приобретением массового читателя и превращали почетное дело поэтического творчества в словесное трюкачество. Приходилось преодолевать искусственные построения П. Бровке, надуманное экспериментаторство З. Астапенко, «разудалость» и поэтизацию богемщины Т. Кляшторным, увлечение футуризмом В. Прибытковскому, искать соответствия формы содержанию Я. Скрыгану и т.п. И такие заявления критиков, по мнению которых «каштоўнасць твору адзначаецца яго ходкасцю ў натоўп чытачоў, г.зн. рынкавы спыт – мерка каштоўнасці тэй або іншай культурнай з’явы»⁸.

Говоря о А. Дударе, отметим его активную организаторскую роль в сплочении молодых литературных сил Витебщины и Белоруссии. Он любил бывать в больших и малых городах, живущих активной литературной жизнью. В автобиографии, написанной в 1927 году, он писал о себе: «... В “Маладняку” – с дня его основания. Побывал во всех городах Белоруссии – особенно долго в Полоцке** и Витебске... Комсомолец. Из поэтов особенно люблю Купалу, Чарота, Есенина и Маяковского».

* Белорусская литературно-критическая мысль определит Я. Скрыгана как одного из «первопроходцев белорусского советского очерка» («Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва»: в 5 т. – Минск, 1987. – Т. 5. – С. 28).

⁸ Чырвоная Полаччына. – 1928. – сак.

** Я. Скрыган также пишет, что в Полоцке часто можно было встретить А. Дудара, М. Чарота, А. Александровича, А. Звонака, Е. Пфляумбаум. Для оказания помощи в полоцкий «Маладняк» Центральным бюро был направлен В. Моряков.

Действительно, А. Дудар чаще других городов Белоруссии посещал Витебск и Полоцк* – это были те города, в которых поэт был организатором и первым руководителем филиалов «Маладняка». А. Дудар о своих «крестных» не забывал и во время работы литературным секретарем Центрального бюро «Маладняка» и редактором журнала «Маладняк». Литературные консультации (устные и на журнальных страницах), разбор письменных посланий и ответы на них, товарищеские советы начинающим поэтам – вот далеко неполный перечень направлений организационно-творческой и общественной деятельности А. Дудара во второй половине 1920-х годов. Может быть поэтому «маладнякоўцы» Витебщины среди тех белорусских авторов, чье влияние они более всего ощутили в своем литературном становлении, чаще других упоминают имя А. Дудара.

Убедительным творческим примером для начинающих авторов стало издание А. Дударем самых разноплановых книг. Из печати одна за другой выходят сборники стихотворений: «И золотистей, и стальнее» («І залацісцей, і сталёвей»), «Башня» («Вежа») (1928), «Война за мир» («Вайна за мір») (1930), сборник критических статей «О наших литературных делах» («Пра нашы літаратурныя справы») (под псевдонимом Федор Глубокский). В 1927 г. А. Дудар попробовал собственные силы в прозе – издал книгу рассказов «Марсельеза», занимался переводами романа «Евгений Онегин» А. Пушкина, поэмы «Двенадцать» А. Блока, драмы «Вильгельм Телль» Ф. Шиллера и др.

С особым интересом восприняли начинающие авторы (в т.ч. и члены «Маладняка») третий поэтический сборник А. Дудара «И золотистей, и стальнее». И главным ориентиром, той идеальной субстанцией, которой был призван служить поэт или писатель, драматург или литературный критик, здесь выступает понятие «будущность» («будущего с синими крыльями»), путь к достижению которой кажется А. Дудару более трудным и сложным, чем казался он в романтическом восприятии революционных преобразований первой половины 1920-х годов.

*...Шмат было прастору і журбы,
Шмат імкненняў звыклых і нязвыклых...
О, як цяжка сцежкі церабіць
Да шляхоў далёкіх і вялікіх!*

И поэтому нет-нет да и ощущаются в стихах мотивы сомнений, мучительных раздумий, душевной неуютности. Ему иногда хочется вернуться в то состояние, когда все было понятным и простым, однозначно воспринимаемым и привлекательным.

* Нам показалось, что именно активная организационно-творческая деятельность А. Дудара дает право на понимание его роли в становлении новой литературной жизни в Витебске, Полоцке и других городах Витебщины.

*Я не знаю, што будзе заўтра:
Мне сягодня апошняй мяжой
Дні стаяць сталёвай вартай
Паміж будучыняй і мной.
Знаю толькі – будзе другое,
Заквітнеюць другія дні...
Ўсё, што ёсць для мяне дарагога,
Непатрэбным стане другім.*

Критика обратила внимание на то, что для человека с неуемной активностью, стремлением к постижению происходящих преобразований главным стало неожиданное для 22-летнего возраста желание: «Вот чтобы мне уснуть надолго – сотни, тысячи лет проспять».

Разрешить эти сомнения, по А. Дудару, может лишь любовь. «Усё загіне ў свеце, усё загіне – не загіне толькі момант». За подобную богемность общее собрание Могилевского филиала «Маладняка» 2 января 1927 г. записало, что Дудар, занявшись поиском путей литературного совершенства, «временами теряет их и впадает в чистый “эротизм”»^{*}.

О том, что А. Дудар был требовательным в поэзии и к себе, и к другим начинающим авторам, свидетельствуют воспоминания старейшего белорусского поэта и прозаика Янки Скрыгана: «Из Россон послал тетрадь стихов в “Маладняк”. Вскоре мне их возвратили. Алесь Дудар писал, что они слабые. Я их сжег, а Дудару написал открытку, не совсем соглашаясь с его оценкой “нового течения”. Написал и задумался. Неужели мои стихи такие плохие? Возможно, по правде было бы лучше, если бы я написал под Купалу и Байрона? Однако, нет, революционная поэзия должна открывать что-то новое...»⁹ Мастерство и требовательность к себе и слову – вот лейтмотив критических советов, статей и обзоров А. Дудара.

Тот же Я. Скрыган, отвечая на вопрос: что значил «Маладняк» в его творческой биографии, заметил, что произведения А. Дудара, наряду с произведениями «маладнякоўцаў» Чарота, Зарецкого, Александровича, для него были «школою, воспитывающей революционную романтику во взглядах» и богатой почвой, питающей «мои (Я. Скрыгана. – А.Р., Ю.Р.) литературные начинания».

Метущаяся душа поэта-романтика, поэта-оптимиста все чаще вступала в противоречие с идеологическим диктатом партии, а его практические действия и поэтические творения вскоре подпадут под оценочную формулировку «буржуазно-националистические» и «выразительно-контрреволюционные». Организатор и первый руководитель Витебского и Полоцкого филиалов «Маладняка», выдающийся белорусский поэт 1920–

^{*} БДАМЛМ. – Ф. 225. – Ф. 1. – Д. об. 14. – Л. 65.

⁹ Скрыган, Я. Свая аповесць / Я. Скрыган // Пяцьдзсят чатыры дарогі : аўтабіяграфіі беларускіх пісьменнікаў. – Мінск, 1963. – С. 453.

1930-х годов А. Дудар будет арестован в октябре 1936 г. и расстрелян 29 октября 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.

Интересным изданием, которым заявил о себе филиал «Маладняка» в Орше, стал альманах «Аршанскі маладняк», издававшийся достаточно большим (для того времени) тиражом – 1500 экз. В 1925–1928 гг. вышло 7 номеров журнала (2 – в 1925, 3 – в 1926, 1 – в 1927 и 1 – в 1928). Отметим то обстоятельство, что «Аршанскі маладняк» не был альманахом узковедомственным, созданным лишь для публикации произведений членов филиала. Здесь публиковались произведения М. Горецкого (рассказ «Хотимка» («Хацімка») и критический обзор послеоктябрьского творчества З. Бедули), стихи В. Дубовки из цикла «Шиповник» («Шыпшына»), хроника литературной жизни Оршанского округа и «маладнякоўскіх» организаций Белоруссии. Заметным явлением в жизни альманаха стала публикация серии статей и стихотворений, в связи с 20-летием творческой деятельности Я. Купалы и Я. Коласа.

В специально подготовленном поздравлении Я. Коласу в связи с 20-летием его творческой деятельности оршанские «молодняковцы» открыто заявили о том, что писатель был одним из немногих белорусских интеллигентов-литераторов, кто первым откликнулся «на думку, якая пачала толькі яшчэ адбуджвацца – на думку культурна-нацыянальнага адраджэння Беларусі і сваімі высока мастацкімі творамі яскрава і праўдзіва адбіваў жыццё і настроі беларускага сялянства, з якога выйшаў сам, будзіў у ім сьвядомасць чалавека, зваў к змаганню за лепшую будучыну.

Будучы сам настаўнікам (застаючыся ім нават і ў сучаснасці), Якуб Колас усе свае сілы і здольнасць аддаў на тое, каб сеяць асвету сярод сялянства, з якога выйшаў сам, і зваў да гэтага ў свой час і ўсё настаўніцтва праз арганізаваны ім першы Беларускі настаўніцкі саюз.

За дваццаць год сваёй літаратурнай дзейнасці Якуб Колас шмат зрабіў, каб узвясці беларускае мастацкае слова на ўзровень іншых культурных народаў, сумеў к сваёй творчасці паказаць вялікую прыгожасць і багацце беларускай мовы.

...Маладняк, які амаль першы ў беларускай літаратуры стаў на сьцежку песьняра будавання новага жыцця, песьняра сацыялізму, як цьвёрда і выразна вызначаную мэту ў працы, з вялікай шчырасцю шле сёння сваё вітаньне паважанаму песьняру ў дзень 2-х слаўных дзесяткаў яго працы. Няхай жа творчасць паэта ў самым хуткім часе пойдзе той сьцежкай, па якой пад кіраўніцтвам Камуністычнай партыі йдзе Маладняк»^{*}.

Глубоко взволнованный письмом оршанцев, Якуб Колас обратился ко всем «маладнякоўцам» Советской Белоруссии: «...Ды ці вам дзецям гераічнай эпохі, вам, гартаваным у бурях і агні рэвалюцыі і змаганьня, ба-

^{*} Текст дается в редакции оршанских «молодняковцев».

яцца гэтых труднасцей? У вас ёсць магутныя сродкі для пераможнага змагання: у вас моцныя маладыя крыллі, энтузіязм маладосці, парыўнасць юнацкіх сіл, крэпкая вера ў перамогу новага, маладога жыцця, на сцягу якога напісана – Камунізм.

Дык не спыняйцеся перад труднасцямі і смела наперад! У дружнай супольнай рабоце, пры магутнай падтрымцы Камуністычнай партыі вы будзеце пераможцамі. Бічуйце і шальмуйце шніль і балячкі нашага быту, як перажыткі яшчэ нязжытых форм ад спадчыны мінулага. Вітайце ўсё новае, маладое, здорае, што ідзе на змену старому.

...У заключэнне я хацеў бы звярнуць вашу ўвагу на культуру мовы. Шануйце слова, уважайце яго і не кідайце на вецер, захоўвайце яго чыстату.

Няхай жыве маладая армія пралетарскіх паэтаў і пісьменнікаў»¹⁰.

Прыходзіцца удзівацца, сколь образованымі і дальновіднымі былі издатели оршанского альманаха и его авторы, если в середине 1920-х годов решили познакомить своих подписчиков и читателей с переводами на белорусский язык произведений И.-В. Гёте, Ф. Петрарки, Ф. Шиллера, В. Шекспира (в переводе Ю. Гаврука), Г. Гейне, (в переводе А. Мордвилки), переводами с украинского и русского языков. А ведь время-то было такое, что и стихи местных авторов-белорусов часто не понимались и не воспринимались местным населением.

В альманахе, начиная со второго номера, был открыт отдел библиографии, рецензировавший прежде всего книги начинающих авторов. Из «маладнякоўцаў» чаще других в нем печатались критики М. Гончарик, Ю. Гаврук, В. Прибытковский, поэты А. Вечер, А. Мордвилка, Т. Кляшторный, прозаики В. Коваль, М. Никонович и др.

Поддержав идею издания филиалом своего печатного органа, К. Крапива и В. Дубовка написали для первого номера несколько художественных произведений. «Я дал и стихотворения, и рассказы “Веретена”, и несколько зарисовок, – вспоминал позже В. Дубовка, – все под разными фамилиями, чтобы было больше разнообразия. Одну зарисовку, как помнится, подписал был даже женской фамилией “Анна Оршица”, ибо в последний момент увидели, что в журнале не было ни одной женщины».

Безусловно, участие В. Дубовки в решении организационных вопросов, связанных с созданием Оршанского филиала «Маладняка» и его печатного органа, – явление в художественной культуре социально значимое. Но ведь еще более важным, более значимым, но уже для авторского становления начинающих авторов, являлось поэтическое творчество В. Дубовки.

И «до», и «маладнякоўскі» период творчества нашего земляка (В. Дубовка родился в 1900 г. в д. Огородники Поставского района) характеризуется появлением целого ряда поэтических сборников «Стремнина» («Строма») (1923), «Тростник» («Трысцё») (1925), «Там, где кипарисы»

¹⁰ Колас, Я. Ліст да маладнякоўцаў / Я. Колас // Збор твораў: у 19 т. – Мінск, 2004. – Т. 17. – С. 251.

(«Там, дзе кіпарысы») (1925) и др., выделяющихся и особенностями содержания, и его художественным выражением. (Заметим, что Я. Купала, познакомившись с первыми поэтическими сборниками В. Дубовки называл его одним из наиболее перспективных белорусских поэтов). Привлекательность стихов и поэм В. Дубовки для начинающих авторов заключалась, с одной стороны, в эмоциональной образности, возвышенной романтической символике, широкой метафоре-ассоциации, оригинальной рифме; с другой – в постановке актуальных общественных проблем, единении со «старонкай Купалы», искренности разговора с читателем, доверительном тоне, полемической обостренности и проникновении в духовный мир лирического героя.

*Там, дзе нізка схіліліся хаты,
Ля ракі, дзе гамоніць аір!
Там, дзе ў пушчы на хвалях кудлатых
Мігацяць Беларусі страі!
З грамадою агністаю, раптам,
Я – туды накірую свой крок,
І да мэты жыццёвай патраплю! –
«На шчыце ці з шчытом» – вось зарок.*

«Прыпыніла свой голас жалейка»

Спартанское «на щите или со щитом» убедительно свидетельствует, что В. Дубовка не считал себя борцом-одиночкой, а видел неотделимой частицей той новой мощной непобедимой советской армии труда и творчества, которая вышла на борьбу с миром отжившим, миром несправедливости и подавления Человека:

*І прыйдуць новыя на свет наш пакаленні,
Якія будуць жыць у харастве камун.
Жыццё аддам я хараству таму,
Найдаражэйшаму дам летуценню.*

*Бо там, за горами гадоў, падзеі,
Якія ўзмоцніць праца нашых рук.
За іх – усе цяжары падыму,
За іх супраць розных ліхадзеяў.*

«Вядзі мяне, як вяло ты, сэрца»

Правда, далеко не все написанное В. Дубовкой стало духовным приобретением национальной художественной культуры – просчеты наблюдались там, где поэт «злоупотреблял» узколичностными мотивами в постижении советской, белорусской действительности, своеобразно относился к метафорическим построениям. Вульгаризаторы от критики не могли (или

не хотели) понять, что именно лирическое начало позволило В. Дубовке психологически глубоко постичь явления жизни, что его «пантеизм», его интимное, личностное, как и общественное, является общезначимым, общеинтересным.

Можно, конечно, упрекнуть поэта в возвеличивании субъективных переживаний, может быть даже перерастании символа в метафору в стихотворении «Осенью, говорят, все жалостные дни» («Восенню, кажуць, усе жалобныя дні»):

*Иду вась я, хоць вецер моцны дзьме,
Ігліняць пырскі дожджу ў аблічча.
І гэта ўсё ахутвае мяне...*

Однако же дальше все личностное выливается в высокую гражданственность, демонстрацию любви к жизни и родной природе:

*Мае сябры! З жыццём вітаю вас,
Вітаю з характвам зямелькі роднай.
Такі прыгожы незвычайны час
Хай гоніць смутак ваш і жаль нягодны.
Адкуль да нас каснуўся гэты сум,
Адкуль хвароба панская ўзята?
Уславім найвялікшую красу,
Якой жыццё айчыны ўсё пранята.*

Постоянные нападки, упреки, обвинения привели к тому, что В. Дубовка в 1930 г. был выслан на 5 лет из Советской Белоруссии, а затем и в Советской России подвергался постоянным судебным преследованиям. В итоге поэт более 30 лет жил за пределами родной Белоруссии. Но это наступит в 1930-е годы. А в середине и второй половине 20-х годов начинающие авторы с нетерпением ждали появления новых произведений В. Дубовки, находя в них ответы на понимание диалектики формы и содержания, истоков и реалий молодой белорусской литературы.

Ждали и читатели стихов и поэм жизнеутверждающих, наполненных гражданским пафосом, искренностью чувства, гармонией личностного и общественного. Как, например, в привлекающих внимание строках из поэмы «Круги» («Кругі») (1927):

*Сённяяшняяй бойкі не чулі вякі,
гэтакай моцнай не зналі рукі.
Паводкай грознай прайшлі па зямлі,
новы тастамент сусвету далі...*

.....

*Час даганяем ці шчасце сваё?
Новую песню складаем-снудём...*

*Радасць мая – Рэвалюцыйі час!
Я ж не магу ў гэты час не сказаць:
шчасце маё ўжо нават у тым,
што я ўдзельнік вялікіх часін.
Радасць і гора дзяліў папалам:
радасць усю на змаганне аддам!*

или поэтического сборника «Наля» («Наля») (1927)

*Цаля за цяляй і хвіля за хвіляй
мы адыходзім, імкнёмся наперад.
Хто б ён ні быў, – а галоў нам не схіліць.
Вось ужо ў гэта – дык моцна я веру!
Любы мой браце! – Не мы – дык другія,
справа жывая не можа памерці.
Можам і не расцвёўшы загінуць,
але не здрадзім ні думцы, ні сэрцу.*

Примечательно то, что В. Дубовка внутренне понимал необратимость развития советского общества, а поэтому каждый последующий поэтический сборник доносил до читателя новые авторские подходы, новые результаты поисков, новые образы, рожденные ассоциативным мышлением поэта.

Если в «дамаладнякоўскім» сборнике стихов «Стремнина» (1923) была заметна определенная зависимость от традиции и купаловских мотивов и интонаций (искусственную прививку своих стихов купаловским стилем ощущал и сам поэт), то в последующих книгах «Тростник» (1925), «Credo» (1926), «Наля» (1927) прослеживается совершенно откровенное и обостренное внимание поэта к обновленческим процессам («А такое ж навакол святло, / хараство, от як быццам вясной. / Моцным подыхам жыцця / узварушана сёння зямля»), повышенный интерес к индивидуальному в человеке, показ этого индивидуального через сочетание общественно значимого и поэтически-интимного, лирического, эмоционального. Как, к примеру, в стихотворении «Зацвэтай, заря, на небосклоне» («Зацвітай, зара, на небасхіле»):

*А вось радасць, што цвіце над краем,
У юнацкіх сэрцах не замоўкне.*

*Яна з воч свіціцца светла-сініх,
Яна з воч свіціцца васільковых,
І ў вачах не згасне, не застыне,
Адгукнецца ў задушэўных словах.*

И, конечно же, образцом для «маладнякоўцаў» были стихи В. Дубовки, в которых осмысливались темы общественно-гражданской значимости, в первую очередь, Родины, ее исторической судьбы, ее будущего. Особую окраску таким стихотворениям придавало оформление ее в мягкие лирические тона:

*І радасць ад зор палілася на дол,
Праменьнем спавітая радасць.
З над-хмарнага мора, з над-хмарных садоў
Някупленае – не прадасца...*

* * *

*У песнях я – на Беларусь малюся,
Як моліца ля возера трыццё.
Матулі спеў, шматмілая старонка,
Купалы край, край чараўніц, дзяўчат.*

Начинающие авторы учились на первооткрытиях В. Дубовки в области творчества для детей и юношества, особенно в период его редакторства журнала «Звязда», а затем «Беларускі піянер». Особой популярностью пользовались стихотворные сказки В. Дубовки «Музыкант-волшебник» («Музыкант-чарадзеінік») и «Золотое дно» («Залатое дно»), лейтмотивом которых выступало творческое сказочное понимание – узнать от солнца, где хранятся причины несправедливости в этом мире, как найти правду и силу, которые уничтожают угнетателей. Вот, оно, обращение к Солнцу:

*Над намі скрозь князі, паны,
Для іх – закон, яны – улада.
Дакульмуць панаваць яны?
Ты толькі даць і можаш раду.*

Но вернемся в год 1925. Именно тогда В. Дубовкой было написано поистине знаковое стихотворение «О Беларусь, шиповник алый» («О Беларусь, мая шыпшына»)*. Будет еще ни одно стихотворение патриотического звучания, но именно в стихотворении «О Беларусь...» наиболее глубоко проявилась диалектика революционного и национально-патриотического и лирического, граждански-значимого и личностно-эмоционального, поэти-

* В 1920-х гг. белорусский композитор М. Равенский на слова стихотворения «О Беларусь...» написал вокальную четырехголосную фугу (музыкальное произведение, основанное на многоразовом имитационном проведении в разных голосах одной, реже двух и более тем по определенному тонально-гармоническому плану. – А.Р., Ю.Р.).

чески-ассоциативного и конкретно-образного, «зовущая в коммуны света, чтоб радость всюду расцвела»:

*О Беларусь, мая шыпына,
Зялёны ліст, чырвоны цвет!
У ветры дзікім не загінеш,
Чарнобылем не зарасцеш.
Пялёсткамі тваімі стану,
На дзіды сэрца накалю.
Тваіх вачэй, – пад колер сталі, –
Праменне яснае люблю.*

*Ніколі пройме з дзікім ветрам
Не развіваць дзявочых кос.
Імкнешся да Камуны Свету,
Каб радасць красавала скрозь.*

Сплавляя воедино патриотизм и лирику, историю и веру в будущее, новаторский поиск и верность национальным литературным традициям, В. Дубовка ориентировал «маладнякоўцаў» на умение донести до читателя собственное авторитетное понимание происходящих процессов, раскованность ассоциативного мышления, выработку собственного творческого стиля и высокую культуру поэтического слова.

Талантливое слово В. Дубовки находило дорогу к сердцу читателя, к голосу поэта прислушивались многие из начинающих поэтов, особенно беспокойные, ищущие, для которых искусство было прежде всего поиском. Для них В. Дубовка был и образцом, и кумиром.

Поэт, в частности, не только восторженно славил революцию, но и по-философски рассуждал о времени и Человеке, о поиске путей к настоящему счастью, с полемической обостренностью писал о сложных общественно-социальных и человеческих противоречиях на этом пути, о содержании и форме нового искусства, его роли в организации социалистического общежития. Патриотическим звучанием пронизаны статьи В. Дубовки, напечатанные в конце 1920-х годов в журнале «Узвышша» («О нашем литературном языке» («Аб нашай літаратурнай мове»), «Проникновенность (мілагучнасць) белорусского языка» («Пранікнёнасць беларускай мовы»), «Латинка или кириллица» («Ляцінка ці кірыліца»), «Проекты букв для “дз” и “дж”» («Праекты літар к “дз” і “дж”») и др.) и посвященные чистоте звучания и печатания произведений на белорусском языке, освобождения его от надуманных, искусственных конструкций. Все вместе взятое как нельзя лучше характеризует личностно-значимое и творческое отношение В. Дубовки к классическим традициям белорусской литературы.

В упомянутой нами в предыдущей главе поэме «Круги» стремление Человека к счастливой жизни подается автором через использование сказочного сюжета об упорном и настойчивом искателе правды. Главный герой поэмы «Любопытный» («Цікаўны») в своих неутомимых поисках ответов на волнующие его вопросы доходит до самого Солнца и от него узнает, что люди смогут жить счастливо лишь после уничтожения золотого дна в колодце (уничтожат власть денег. – А.Р., Ю.Р.). Сказочный сюжет, использование фольклорных аллегорий дополняются и наполняются авторскими отступлениями и комментариями, восславляющими красоту жизни, изменениями, происходящими в окружающей поэта действительности. Поэтические представления о счастливом будущем наполнены не абстрактным смыслом, а имеют совершенно конкретный характер, обозначенный очевидными примерами реальной жизни белорусов в середине 1920-х годов XX в., сотворцом которой был и сам В. Дубовка:

*Радасць мая, – Рэвалюцыі час!
Я ж не магу ў гэты час не сказаць:
шчасце маё ўжо нават у тым,
што я ўдзельнік вялікіх часін.
Радасць і гора дзяліў напалам:
радасць усю на змаганне аддам!*

Авторская позиция В. Дубовки предельно откровенно сформулирована в заключительных строках поэмы «Круги»:

*Здзейсняцца ўсе нашы летуценні,
Знішчыць чалавек прыгоны ў свеце.
Ідучы па шчасце пакаленням,
Вы кажыце ўсім:
– Далей ідзіце!*

Поэт остро ощущал противоречия развития, но он также понимал и то, что в этом часто противоречивом переплетении экономики и политики должно быть место для формирования новой художественной культуры, о путях развития которой даже в конце 1920-х годов велись острые дискуссии.

Современница В. Дубовки советская писательница Мариэтта Шагинян в свое время по данной проблеме высказалась следующим образом: «Культура – это эстафета веков. Всякое творчество, а тем более творчество целого народа, это открытая, а не закрытая функция, она вбирает, всасывает, переваривает, усваивает, накладывает свою печать на результат или достижения самого широкого процесса поглощения и усвоения, – история учит нас, как замкнутые культуры погибали, перегорая в самих себя, а индивидуальное, замкнутое творчество усыхало, теряло привлекательность,

становилось «провинциальным» и «...было бы страшно подумать, если бы то, что создал один народ раньше, чем иной, не было иным народом воспринято и усвоено и не стало условием дальнейшего его роста»¹¹. Созвучны словам М. Шагинян и рассуждения самого В. Дубовки: «Не следует забывать и о том, как относился Карл Маркс к народному творчеству. Это же факт, что он не только изучал поэтическое творчество многих народов, но многие народные песни переписывал в отдельный альбом-тетрадь и передал его, как ценный подарок, своей невесте Женни. Следует немного задумываться и о том, что означает сам термин “фольклор”. Это не только народное творчество! Слово “лор” в английском языке означает и науку, учение, мудрость. “Народное творчество, народная мудрость, наука”, – вот как расшифровывается этот термин. А если это так, то можем мы, изучая культурное наследие **других народов** (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*), неуважительно относиться к мудрости, к культурному наследию **нашего** (выделено нами. – *А.Р., Ю.Р.*) народа?» И далее В. Дубовка задает вопрос: “Почему Максим Горький или Владимир Короленко, к примеру, могли с большим уважением относиться к белорусским сказкам, к философии этих сказок, а мы должны отвернуться от них?” И сам же отвечает: “Спрашивают иногда, что мы можем найти в них, кроме содержания? Много чего! Необычайно интересную композицию – в первую очередь. А в песнях – и композицию, и систему образов, и богатую эвфонию»¹².

В поэме «И алых парусов взвивы...» («І пурпуровых ветразей узвівы...») В. Дубовка дает свое понимание развития новой белорусской литературы, нового искусства, проводя его красной нитью через всю поэму. Поэтическая дискуссия между Лириком и Математиком заслуживает хотя бы частичного ее донесения до современного читателя.

Лірык

Угледзься, браце мой...

Навокал глянь... Што дзеецца навокал!

Здаецца мне, над лесам праплываюць

У край нязнаны ціха караблі.

І пурпуровых ветразей узвівы...

Матэматык

Годзе, годзе!

Гані тугу на шчырыя бары,

а калі ў ветразі ўвайшла – дык добра:

не вернуцца ніколі караблі.

Ды гэта лірыка мне не да смаку:

у нашы дні руін і будаўніцтва

¹¹ Шагинян, М. Собр. соч.: в 9 т. / М. Шагинян. – М., 1975. – С. 153–154.

¹² Цит. по: Гардзіцкі, А. Дыялогі / А. Гардзіцкі. – Мінск, 1968. – С. 51–52.

*і дыктатуры пралетарыяту
патрэбны нам паэты-змагары, –
не ліквідатары, не смутнагляды...*

Лірык

*У кожным сэрцы рознае бывае,
бывае дрэннае ў ім таксама.
Заўжды шукаем хібы мы ў суседзяў.
А як паглянем на свае ўчынкі,
а як прагледзім зробленае намі,
дык і не вельмі радасці багата...
Затым мяне і не трывожаць дужа
твае ўнікі і твае асуды.
Народ наш ведае даўно пра гэта,
і свайго сына ён не занядае...*

Матэматык

*Не ведаю, ці больш цябе шкадую,
ці больш сярдзіты на цябе, мой дружа.
Ты не шукаеш вобразаў рэальных,
даступных і карысных у змаганні.
Замест таго забраўся ў чартаўшчыну
і выцягаеш барахло старое.
У нашы дні руін і будаўніцтва
паэт на фронце антырэлігійным
павінен быць, а не бадзяцца недзе
на балатах палескіх і выгарах.*

Лірык

*Цудоўны скарб у творчасці народнай
для нас сабраны мудрымі дзядамі.
Яго адкінуць – значыць без пашаны
паставіцца да продкаў працавітых.*

Матэматык

*Пара адмовіцца табе ад баек,
ад гэтай дробнабуржуазнай твані.
Павінны мы тварыць на грунце новым
сучаснае мастацтва для працоўных.*

Лірык

*Тварыць зусім нанова, ці узяўшы
што-кольвек і ад даўніх дасягненняў?*

Матэматык

*Няма памылкі у маім сцвярджэнні!
Пра спадчыну культуры буржуазнай
даволі сказана і зразумела.
Але якое маюць дачыненне
да гэтай спадчыны твае ўсе казкі, –
не ведаю і, больш таго, не разумею...*

Лірык

*Усё, што створана вяльможным панствам,
што створана культурай буржуазнай,
ты дазваляеш карыстаць паэту?
А тое, што тварыў народ пакутны,
тварыў у полі пры цяжкой рабоце,
калі на гэных творцаў буржуазных
ён ліў свой пот і сваю кроў, народ наш, –
ты адкідаеш словам рызыкаўным?!
Які страшэнны нонсенс і абраза!*

Матэматык

*Дарэмна ты пакрыўдзіўся на праўду.
Табе доволі поркацца ў старызне!
У нашы дні руін і будаўніцтва,
і электрычнасці, і фізкультуры
ты мусіш ведаць гэтыя законы,
няўхільныя, як заўтра і сягоння.*

Лірык

*...Пакуль не маем мы уласных скарбаў,
павінны выбраць вартае увагі.
Мая увага выбірае тое,
што створана працоўнаю сям'ёю.*

Матэматык

*З тваёй упартасці смяяцца трэба.
У гэтым бачу вынік шавінізму
і бачу тормаз развіцця культуры.*

Лірык

*Ты уважаеш, што культура ходзіць
у портках ката слаўнае
Камуны Парыжскае, у портках Галіфэ?*

*Або ў марынарцы ходзіць Фрэнча,
другога ката, ката нашых дзён?
Не веру я ў гэткія акрасы:
я ненавіджу іх, змагацца буду!
І ў імя змагання з рознай тванню
вось гэтае шляхетнае культуры –
я лепш вазьму акрасы Беларусі...*

Матэматык

*Чаго ты расхадзіўся?
Хіба пазбаўлен я правоў звычайных
і выказаць не волен думкі смелай?
Як птушка вольная, я ўзлятаю
ў будучыню крозаю сваёю!
Сядзі з сваім браснелым барахлом,
з сваімі скарбамі тых самацветаў;
ад іх не горача, не зімна мне...*

Лірык

*Вазьмі, на ласку, зборнік нашых казак,
сабраны слаўным дзедам Сержпутоўскім,
і ў гэтым зборніку адразу знойдзеш
ты гэту казку, ясную, як зоры.
Каго народ у казцы той выводзіць, –
не ведаю, бадай, усіх патроху.
Калі ўдасца быць мне на Палессі,
я запытаюся і напішу.*

Матэматык

*Якую цноту ты тут прадстаўляеш!
Знайшоў сабе і абарону нават:
«У Сержпутоўскага чытай!» І Шэйна
за хвост прыцягнеш... Кінь такія жарты!
Яны, напэўна, шкодзіць неяк могуць»...*

Полагаем, что читатель увидел две позиции: для Лирика непременным условием развития молодой белорусской литературы является обладание богатством классического художественного наследия и, прежде всего, устного народного творчества; для Математика духовное наследие народа – это сдерживающее творчество «барахло старое», которое следует отбросить вместе с устаревшим, уходящим.

Подводя итог поэтической дискуссии, В. Дубовка заявляет откровенно и достаточно однозначно: поэт (писатель, художник. – А.Р., Ю.Р.) должен

быть прежде всего Гражданином, идти вместе с рабочим классом и трудовым крестьянством, активно участвовать в сознательном труде во благо Родины и народа. Лишь служа своему Народу, художник может быть востребован Человечеством:

*Мае сябры, супольнікі ў працы,
штурмуйце будучыні аванпосты!
Мы звыклі перашкодаў не баяцца, –
яны спрыяюць нашаму ўзросту.*

.....
*З нас кожны рэвалюцыяй праняты,
кладзем шляхі да новых дасягненняў.
Узвышшы высім з пралетарыятам,
Здзяйсняячы квяцістыя імкненні.*

Заметим, что критики-вульгаризаторы не поняли идейного замысла В. Дубовки и подвергли поэму необоснованной критике, определяя ее даже как отражение «буржуазного течения» в литературе*.

Мы же заметим, что о многозначительности поэмы говорит само ее название – «И алых парусов взвивы». «Алые паруса» – аллегорическое (символическое) воплощение романтических (присущих тысячам литераторов) мечтаний людей о светлом и счастливом будущем. Аллегии В. Дубовки – это выражение его творческого кредо – искусство должно воодушевлять Человека – строителя нового общества, помочь ему «держать курс на солнечное завтра». Выполнить такую миссию, по В. Дубовке, новое искусство сможет при диалектическом взаимодействии художественных достижений прошлого и новаций формирующихся новых литературы и искусства. Авторский пафос и идейная позиция В. Дубовки видна из следующих строк поэмы «И алых парусов взвивы...»:

*А мы ішлі з імпэтам віратлівым,
А мы ішлі няспынна і ўпарта.
І пурпуровых ветразяў узвівы
Трымалі курс на сонечнае заўтра.*

Правда, справедливости ради заметим, что понять и осмыслить такой вывод, можно лишь «пробиваясь» через почти мифические рассуждения поэта о некой вековой сфере «национального духа», абстракцию человеческой жертвенности и красоты человеческого страдания, личностные, частные эмоции, самоанализ и т.д. и т.п.

* Маладняк. – 1930. – № 6–7.

Не будет преувеличением, если отметить, что В. Дубовка и сам ощущал всю неуютность подобного состояния. В стихотворении «Вступление» («Уступ») из поэтического сборника «Credo» (Минск, 1926) находим его такое откровение:

*Ці ж я не ведаю, ці я не знаю,
ці я не сын сваёй сучаснасці –
жыццё крынічыць і музыкі граюць,
на лад папасці ўсё няшчасціцца.*

В сборнике «Наля» (Минск, 1927) читаем:

*Цешуся толькі, што марна не згину я,
проста і чэсна іду пуцявінаю.
З братам – на братняму, з ворагам – воража.
Любы мой дружа! – заўсёды так хораша.
Праца – працую, з імклівай напорнасцю;
думка ў дзях да светлага горнецца.*

Преодолевая блуждания и срывы, противоречия с самим собой, мелочность подходов и оценок, собственную надоедливую печаль, В. Дубовка формулирует россыпи гражданской лирики, подтверждающей его творческое «credo»:

*У адным толькі вечнасць
не зменіць
закон:
у радасці Працы,
у змаганні.
Не скрышыць іржа іх
на цягу
вякоў,
не скрышыць
і светлага
Рання.
Яно надыходзіць –
Прадвесня відаць
Камуны
Народаў
Сусвету.
Істоту
суздром
за яго я аддам,
як дам ў гэты час
за Саветы.*

Перестройке общества на социалистических началах В. Дубовка посвятил и поэму «Штурмуйте будущего аванпосты!», написанную в 1929 г. Произведение оригинальное и по авторскому замыслу, и по композиции. В сюжетной канве читателю предлагались философски осмысленные поэтом согласованность диалога Кондуктора и Пассажира (по примеру Лирика и Математика из поэмы «И алых парусов развивы...»), вставки из поэтически обработанных народных сказок, переводы из Пушкина и Байрона, лирические отступления, зарисовки. Понимая всю сложность построения, поэт обозначил ее понятием «комбайн» (от англ. – соединение), определяя жанр как соединение разнообразных элементов в единое органическое целое с социально обоснованным эстетическим идеалом.

Форма этого произведения... не является какой-либо неожиданной или особенно сложной. Она подчинена определенному единству, она соразмерна во всех своих частях, но она выбивается из известных жанровых рамок. И далее – в стихотворном комментарии:

*У гэтай няспынай хадзе
Гартуецца новая форма.
Не рэгістравана нідзе –
Яна не пасуецца з нормай.*

Лейтмотив усложненной поэтической конструкции выглядит очевидным – воспринимать революцию как событие непреходящей исторической значимости, быть активным участником настоящего национального возрождения и строительства новой жизни, видеть ее ясную перспективу:

*Мае сябры! Вітайце гэту рату!
Мінулае зайздросціць нам, сучасным!
Узвышшы высім з пралетарыятам,
І наша мэта ў даляглядзе ясным.*

*Сячэце ў камені трывалыя ўсходы,
да яснай мэты шлях кладзеце просты,
Нягледзячы на хібы, перашкоды, –
Штурмуіце будучыні аванпосты!*

Вульгарно-социологизаторская критика, как и в отношении ранее опубликованных поэм, не поняла творческих новаций В. Дубовки. Книга, находящаяся в корректуре, в конце 1920-х годов так и не была напечатана*, хотя, по сути своей, она являлась важным этапом на пути становления белорусского советского эпоса более поздних годов.

* Впервые поэма «Штурмуйте будущего аванпосты!» была напечатана (через 36 лет после ее написания) в книге «Выбраныя творы» (Минск, 1965).

В 1929 г. опубликована историческая поэма «Бронислава» – одно из лучших эпических произведений В. Дубовки (А. Велюгин). Поэма, написанная на основе народных преданий Нарочанского края, передаваемых из поколения в поколение, по сути посвящена судьбе Западной Белоруссии, распятой в 20–30-е годы на священном католическом кресте.

Тешились паны-господа охотами («гасцінцам надараў хлапцоў. Яны на дрэвах кукавалі. Пасля – паны па іх стралялі, хлапцы валіліся дагоў»), балами, утэхамі со сваімі падданымі...

Обратим внимание современного читателя на один, по А. Велюгину, «не затронутый у нас до этого, интереснейший по содержанию и разрешению план». Речь идет о «благопристойном» ксендзе-палаче Станиславе, который с благословения папой римским нарочанского магната, долгое время не имеющего наследника, словами: «Святы Юстын у добрым часе з няплоддзем справіцца адзін...», оказался готовым выполнить папское поручение. Было выставлено и условие: бесплодная госпожа должна была всю ночь молиться в закрытом костеле. Но при этом при органе сидел здоровый ксендз Станислав, сохраняя в глазах «ненасытный» огонь. И панна в срок родила сына, названного Юстином.

*Банкет цяпер той памінаюць –
прыкметны, даўся ў знакі ім.
Падпіўшы быў у добрым раю
і біскуп: кланяўся усім.
Злавіўшы брата Станіслава,
сказаў на вуха: «Маладзец!»*

Станіслаў

*Усё зраблю для вышняй славы,
яна на подзвігі вядзе...
Я, сціплы боскі чалядзінец,
граў на арганах...
Мой айцец!
Калі я заслужыў гасцінец, –
хай будзе богу на вянец...*

Біскуп

*Ну, ну! Не скрыўджаным застаўся
і ты, мой сын, здаецца мне.
За гэтыя б органы ўзяўся
і я, каб скронь не ў сівізне...*

Время распорядилось по-другому: не осталось места в Поставско-Мядельско-Нарочанском крае ни панско-магнатской семье, ни маленькому Юстину, ни польско-католическому правлению на белорусской земле.

Народный поэт Белоруссии Петро Глебка как-то признался: «С расстояния времени видно, что критики, в том числе и я сам, в своих оценках поэзии В. Дубовки часто преувеличивали отрицательные ее моменты, обобщая творчество поэта и расширяя недостатки и ошибки отдельных произведений на всю его литературную деятельность».

Происходило все это вокруг В. Дубовки, на наш взгляд, еще и потому, что в оценке туго переплетенных социальных и психологических проблем поэт придерживался объективных оценок, не лакируя действительность, не обходя в ней острые углы. Отрицая позицию нейтральности, к примеру, в ходе коллективизации, он писал: «Было бы страшно наивно, если бы я написал, что этот вопрос проходит без споров, без противодействий. Еще более наивно было бы, если бы кто-то добивался от меня такого «благадзенствія і благарастваренія ваздухаў». О том, что такая позиция вызвала недовольство и раздражение, свидетельствует письмо младшего брата В. Дубовки Язэпа Вазёрного, напечатанное в газете «Чырвоная змена» (1930, 19 декабря). Автор сообщает читателям: «Отмечаю позором В. Дубовку ... от мыслей В. Дубовки отграничиваюсь»*.

Не менее странной выглядит и позиция Вячеслава – старшего брата поэта, в то время слушателя Военной академии им. М. Фрунзе в Москве. В начале 30-х годов он обратился с письмом в Центральный Комитет КПБ(б) и чекистские органы республики, в котором пояснил, что произведений Вл. Дубовки на белорусском языке он не читал (т.к. якобы не знал белорусского языка? – *А.Р.*, *Ю.Р.*), думает, что в них содержится что-либо контрреволюционное, но не верит. Это будто бы поддержка брата. Но следующие строки из письма-заявления очень даже настораживают. По сути Вячеслав готов отречься от брата, если не будут сняты предъявленные ему обвинения: «Я – член партии большевиков, и враги партии и советской власти, диктатуры пролетариата – мои враги. Никаким родственным чувствам и связям места нет и быть не может»**. Не установлено, читал ли В. Дубовка это «послание», но обиду на брата он сохранил до конца своих дней.

Приходится сожалеть, но ни в 1930-е, ни в 1940-е годы белорусский (и витебский) читатель не имел возможности читать своеобразные стихи и поэмы В. Дубовки – с 1930 г. поэт находился за пределами Белоруссии. И только в конце 50-х годов состоялось возвращение «добровольного изгнанника» в Минск. Однако это тема для другого разговора.

Отметим и такой, на наш взгляд, весьма примечательный факт. В. Дубовка был одним из первых аналитиков формально-художественных

* Чырваная змена. – 1930. – 19 дек.

А в итоге – сам же погиб в гулаговских лагерях.

** Полюмя. – 1996. – № 2. – С. 241–242.

исканий в «маладнякоўскай» поэзии. Выступая на I Всебелорусском съезде «Маладняка» (ноябрь 1925 г.), он подчеркнул*: «Вольны верш – дольнік – паўзнікі чаргаваліся адзін за адным, паступова змяняючыся, атрымліваючы, я б сказаў, беларускую афарбоўку. У гэты час пануючыя метры – вольны верш, паўзнікі на падставе (пераважна) анапестаў і невялікая частка класічных размераў. Гэтыя апошнія вар’іруюцца з дапамогаю іпастас (замена аднаго памеру другім), страфічнай пабудовы і пераносу частак сказа з аднаго радка ў другі». Говоря о привлекательности стиха, поэт отмечает: «Усе прыёмы мілагучнасці можна знайсці прыгожа перавітымі ў маладнякоўскіх творах (анафара, эпіфара... і г. д.)». Достижением в творчестве молодняковцев, по В. Дубовке, был и отход начинающих поэтов от глагольной рифмы и ориентация стиха на народное белорусское творчество, в котором есть «рыфмоўка на дысанансы, што ўведзена ў расійскай літаратуры сімвалістамі і пашырана імажыністамі». По мнению В. Дубовки, употребление неполной рифмы, разных созвучностей в виде ассонансов и аллитераций, безусловно, обогатило белорусскую литературу оригинальностью, свежестью и новой музыкальностью, более связанными со своей современностью, чем старые формы стихосложения.

Лучше других, на наш взгляд, о значении творчества В. Дубовки для белорусской поэзии 20-х годов XX в. высказался народный поэт Беларуси П. Глебка, считавший, что В. Дубовка был «одним из самых заметных белорусских поэтов 20-х годов. Под его значительным влиянием входили в литературу многие молодые поэты того времени, начиная от автора этих строк (П. Глебки. – *А.Р.*, *Ю.Р.*) и включая такого самобытного и талантливое поэта, как Павлюк Трус»¹³.

Не будет преувеличением, если заявить, что наиболее известным поэтом – членом Оршанского филиала «Молодняка» был **Тодар Кляшторный** (1903–1938), уроженец д. Поречье Лепельского района. И известен он более всего тем, что официальная литературная критика тех лет не находила в поэзии Т. Кляшторного соответствия официальным канонам пролетарской литературы (пессимистические, «упаднические» нотки, божественность как поэтизация узко индивидуалистических переживаний, эстетство и т. п.).

Однако все ли так было? Вступив одним из первых в Оршанский филиал «Молодняка», Т. Кляшторный свои первые стихи («На смерть Фрунзе» («На смерць Фрунзэ»), «Тянется вечер...» («Цягнецца вечар...»)) опубликовал в 1925 г. в «Аршанскім маладняку». Почти 13 лет читатели находили его произведения на страницах журналов «Полымя», «Маладосць», «Узвышша». Во второй половине 1920-х – первой половине 1930-х годов выходят из печати поэтические сборники Т. Кляшторного «Кленовые метели» («Кляновыя завеі») (1927), «Светотени» («Светацeni») (1928), «Па-

* Текст дается с сохранением особенностей авторского языка В. Дубовки («Савецкая Беларусь». – 1925. – 25 нояб.).

¹³ Глебка, П. Дубоўка / П. Глебка // Збор твораў: у 4 т. – Мінск, 1986. – Т. 4. – С. 198.

руса» («Ветразі») (1929), «Поля заговорили» («Палі загаманілі») (1930), «Через шторм – на штурм» («Праз шторм – на штурм») (1934).

Изучение творческого наследия Т. Кляшторного, его литературно-критических оценок позволяет сделать вывод о том, что объективную оценку поэзии нашего земляка можно дать лишь при комплексном к ней подходе. И тогда можно будет увидеть всю амплитуду колебаний поэта – от подражательства и романтической наивности до настроений пессимизма и непонимания сущности происходящих в стране изменений; от абсолютизации личностных переживаний и поэтизации «есенинщины» до насыщения стихотворений и поэм сюжетами высокого патриотического звучания; наконец, от слабости собственной гражданской позиции и отсутствия жизненного опыта до естественного взросления и выработки осмысленного взгляда на мир.

Действительно, в начале творческого пути восприятие жизни у Т. Кляшторного было несколько узкоплановым: интимное являлось для него не только главной сферой поэтического, но и главным зеркалом отражения жизни, главным критерием творческих оценок. Поэтому и вхождение в белорусскую литературу в период нэпа оказалось болезненным и противоречивым. «Нуда и боль души побили меня на раны», – искренне признается поэт. «Неужто раны песня не залечит, что так тревожно бьется пульс?» Понимание революции как абстрактной реальности, слабая ориентация в социально-экономических реалиях середины 1920-х годов привели к тому, что Т. Кляшторный оказался в плену собственных переживаний, есенинской эстетики, отличительного поэтического стиля с эпатажными образами и не похожими на чьи-то сравнениями, эпитетами и метафорами. Может быть поэтому и увлекались начинающие поэты, в том числе и входящие в «Маладняк», «романтизацией разгульно-кабацких есенинских мотивов», «ледяными гитарами», «розовыми бокалами», «вишневыми облаками», «рюмками зарниц», «наливками ледяными», «пьяным юношеским вином», «первым хмелем разрушенных надежд» молодого, искреннего, иногда безрассудного Т. Кляшторного.

Собственно, есенинские мотивы и стали поводом для огульного обвинения поэта в пессимизме, растерянности, упаднических настроениях.

Поэта стали относить к той части творческой интеллигенции, которая негативно восприняла идеи нэпа, не смогла постичь содержание и смысл происходящих в стране событий. Оказавшись в плену мещанской идеологии, разуверившиеся в революционной идее, герои, например, поэмы «Когда оседает муть» («Калі асядае муць»), выглядят разочарованными и растерянными:

*Не дзівіся!
У агнях кананады
Дагарэла,
што можа гарэць...*

*На разбітай
жыццёвай эстрадзе
Зараз нечым надзеі сагрэць...
Я кахаў –
цалавалі другія,
Я маліўся, –
а нехта пляваў.
Я шукаў дарагога месію,
А іуда яго прадаваў.¹⁴*

Через 60 с лишним лет современный исследователь белорусской поэзии 1920-х годов М. Мищенко прокомментировал обвинения Т. Кляшторного в увлечении С. Есениным следующим образом: «Резкая, категорическая оценка творчества поэта на совсем справедливая хотя бы потому, что содержит в себе элемент вульгаризации, что в ней преобладает социологический, а не эстетический аспект»¹⁵.

Несмотря на увлечение поиском вечных ценностей бытия, Т. Кляшторный никогда не сомневался в необходимости поэтического постижения социалистических преобразований и нового Человека как творца этих процессов. Участник гражданской войны, он твердо верил, что «в волнениях дней Октябрю следуют», стремился воспевать «крепкий пульс великое эпохи», «творческий дух живого строительства», «нашего времени весну золотую». О внутренней перестройке поэта свидетельствуют его поэтические сборники «Паруса» («Ветразі»), «Поля заговорили» («Палі загаманілі»), «Через шторм – на штурм» («Праз шторм – на штурм»).

Свое отношение к жизни и литературе конца 1920-х годов Т. Кляшторный изложил в стихотворении «Надо ли сегодня быть поэтом?» («Ці патрэбна сёння быць паэтам?») (1929). (Заметим, что оно написано, когда исключенный из «Маладняка» поэт входил в литературное объединение («Узвышша». – А.Р., Ю.Р.).

*Мае гітары ледзяныя
Вартуе бусел у балоце.
Да іх я болей не вярнуўся, –
Не можа сын сваёй эпохі
Пад небам вольнай Беларусі
Ісці ў далі сцежкай вохкай,
Калі ад кожнага ўпарта
Эпоха сёння патрабуе:
Не пакідаць грамадскай варты.
Не пакідаць сваёй трыбуны.*

¹⁴ Узвышша. – 1927. – № 6.

¹⁵ Мішчанчук, М. Беларуская савецкая паэзія 20-х гадоў / М. Мішчанчук. – Мінск, 1988.

Возмужание поэта, ставшего более широко и более проникновенно смотреть на жизнь, видеть в ней место и роль новой литературы и, конечно, неотвратимость процессов социалистического строительства позволили Т. Кляшторному занять эстетическую позицию, созвучную с той, на которой стояли Я. Купала, Я. Колас, М. Чарот, Т. Гартный, К. Крапива и многие другие поэты Белоруссии конца 1920–1930-х годов. Справедливо ради заметим, что в стремлении стать исключительно современным Т. Кляшторный часто терял поэтичность, сбивался на беглый стихотворный очерк и поверхностную риторику. Тем не менее потери в художественном отношении не замечались критикой. «Упадничеством» в идеологическом плане это также не называлось, хотя некоторые критики (П. Хатулев, М. Хмурый, В. Стасевич, Е. Шороховский) такие обвинения высказывали достаточно жестко.

Т. Кляшторный известен как переводчик на белорусский язык произведений Н. Асеева, А. Безыменского, М. Голодного, А. Лухути, В. Маяковского и других авторов. В свою очередь, он был одним из немногих уроженцев Витебщины, поэтов 1920–1930-х годов, произведения которого были переведены на литовский, русский и украинский языки.

Хоть и за пределами Белоруссии, в Москве, продолжал в середине и второй половине 1920-х годов активную поэтическую деятельность наш земляк Иван Батрак. В 1926 г. вышел из печати его первый сборник басен «Обручи и клепки» («Абручы і клёпкі»), в 1928 г. – вторая и третья книги басен «Соха и трактор» («Саха і трактар») и «Басни» («Байкі»)*. Читателю стало понятно, что автор-революционер не просто баснописец. В новых условиях и новыми средствами И. Батрак образно утверждал борьбу нового и старого миров, в живой форме доносил до читателя социалистическую идею, звал его к активному участию в борьбе за социализм. Метким, иногда злым словом поэт разоблачал нэпмановских делков, подхалимов, новых советских бюрократов, вскрывал хищническую в отношении к Советской России политику международной буржуазии. Литературная критика тех лет считала, что по мастерству баснеписания И. Батрака можно было ставить в один ряд с известным Демьяном Бедным.

На этом и ограничим наши рассуждения о И. Батраке. Однако для изучающих историю развития художественной культуры на Витебщине (в т.ч. и такого ее ответвления, как литературное творчество) небезынтересными являются любые факты из жизни уроженцев края, их роли в общесоюзном литературном процессе. Ведь никто не усомнится, что доклад И. Батрака 3 июня 1929 г. на Всесоюзном съезде крестьянских писателей (вспомним разгром РАППа и борьбу с «непролетарскими писателями») «Пути крестьянской литературы» участники съезда посчитали значимым. После долгого обсуждения позиции докладчика определили, как идеоло-

* С 1931 по 1936 г. вышли из печати 6 книг И. Батрака, в т.ч. четыре сборника басен.

гически грамотные и пролетарски выдержанные. И. Батрак был избран ответственным секретарем Всесоюзного общества крестьянских писателей и членом редколлегии журнала «Земля Советская». Признанием авторитета И. Батрака стало приглашение его в состав Центрального Совета литературного объединения писателей Красной Армии и Флота, в которое входили М. Горький, Э. Багрицкий, А. Серафимович, А. Фадеев и др. Бескомпромиссная в отстаивании пролетарского творчества позиция И. Батрака привела к тому, что в конце 1930-х годов он был незаконно репрессирован. Умер в тюрьме в 1943 г.

Отметим разноплановость поэтических исканий витебско-полоцко-оршанских «молодняковцев».

Талантливым поэтом с собственным литературным почерком, стилизованным под фольклор, выступает А. Вечер. Вот одно из стихотворений из поэтической подборки «Из книги “Прошлое”» («З кнігі “Мінулае”»).

*Ах, восень-румза! Пасярод алей
Навошта блытаеш аголенае вецьце?
Апалае лісьцё ўжо не падыме вецер
І не пагоніць, не памчыць далей.*

*Апошнім пацалункам брудны глей
Пасадзіць пляму на прыгожым квеце,
І ўсё, што голае было на сьвеце,
Здаецца восенню яшчэ галей.*

*Мінулае! Васеньняю сьлязою
Цябе аплакаў адзінокі птах
Над рэчкаю пад рэдкаю лазою.
Імчацца дні на звонкіх капытах...
Я не магу адным і тым застацца.
Краса! Даруй... я зьменны як... мастацтва¹⁶.*

Как оригинальный поэт, у которого находим и переплетение с творчеством Осипа Мандельштама, и предвосхищение поэзии Иосифа Бродского, и собственные литературные открытия, проявил себя оршанский «малодняковец» Ю. Гаврук. Читаем стихотворение «Дума» («Дума»), пронизанное философским постижением проблем искусства и жизни, традиций и новаторства в искусстве:

*Праходзім мы ў шуканьнях самых розных,
У дутай радасці гатовыя старацца,
Часамі сумам паліваем росным
Мастацтва.*

¹⁶ Аршанскі маладняк. – 1928. – № 7.

*Адны здаволены, другія ў перамозе,
Наперад бацькі хочуць паказацца.
І гнеў, і ласка на тваёй дарозе,
Мастацтва!*

*Няма на свеце крыўды больш балючай,
Калі над праўдай можна ўсім сьмяяцца.
І пачалі таптаць пятой калючай
Мастацтва.*

*Прапала дружба, ворагі ў завулках
Скрывілі вочы, каб не адазвацца.
На Беларусі застагнала гулка
Мастацтва.*

*Гурток і сход зьмянілі на дэбашы,
А шлях адзін – хутчэй каб надарвацца,
І выстаўляем брудныя галёшы:
Мастацтва¹⁷.*

Ю. Гаврук вядомы чытацелю і як выдатны перакладчык перакладзенага В. Шэкспіра, Г. Гейне, Пэтракаркі. Вот, к прымеру, пераклад «Сонета» Пэтракаркі:

*Стварэньняў вельмі многа ёсць на свеце,
Што зносяць лёгка сонца гарачынь:
Другія днём кладуцца на спачын.
Выходзяць, калі сонца ўжо ня свеціць;
А трэцяя ў праменістыя сеці
Лятуць, каб грудзі бляскам аблячыць,
І колюцца аб жаркія мячы.
Усьлед за апошнімі мой зірк нясецца.*

*Яго прывабіла яскравасць Донны –
Заслонаў не паставіў я нідзе,
У цемру ночы думкі не апалі;
Уперад лёс нястрымана вядзе
Імкненне воч асьлепшых, безбаронных
Да тэй, што іх агнём сваім апаліць¹⁸.*

¹⁷ Аршанскі маладняк. – 1928. – № 7.

¹⁸ Аршанскі маладняк. – 1928. – № 7.

Не остались без внимания «маладнякоўцаў» С. Есенин, В. Маяковский, Вс. Брюсова. Правда, не всегда заимствование было результативным. Вот, к примеру, два произведения: первое – стилизовано Ю. Гавруком под С. Есенина и насыщено тонким лиризмом, пронизывающей тоской и печалью по уходящей в прошлое крестьянской действительности:

*Галіны мілыя сумуючага гаю,
Часамі хочацца мне з вамі сумаваць,
Бо тое, што я сёння апяваю,
Ніхто не будзе заўтра апяваць.
Дзе ў люстра вод глядзеліся зарніцы
І плакаў у змрок над рэчкай салавей,
Там будуць фабрыкі жалезным рытмам
Расстрэліваць ідылію палей...*

Второе принадлежит Владиславу Прибытковскому. В стихотворении все настолько близко к Маяковскому, что от личностного начала почти ничего не осталось:

*Часамі поўніцца
істота музыкай,
А часамі жыламі
пральеца рызыка.
І ход сусьветных завірух
Прывёў бы ў шывчэйшы рух.
Часамі шукаеш
дзявочае ласкі,
Жальбуеш, што маці
не ведаў з калыскі.
А што мне маці альбо дзяўчына?
Санцовай ласкі, а не лучыннай!*

Поэты-«маладнякоўцы» проявляли постоянное внимание к фольклорной традиции. А многие из них (В. Дубовка, М. Гончарик, А. Морковка, Я. Журба, А. Вечер и др.) считали ее одним из главных источников национального искусства. В. Дубовка, например, демонстрирует использование легенд, имеющих отношение к конкретной личности (поэма «Бра...гінь» («Бра...гінь»)), народных рассказов и преданий о подлинных событиях давних дней, приобретших легендарный оттенок (поэма «Бронислава» («Браніслава»)), сказок и былей при написании произведений для детей (стихотворная сказка «Музыкант-волшебник»), Т. Кляшторный поэтизирует народные рассказы времен революции и гражданской войны (поэмы «Пракседа» («Пракседа») и «Беларусь» («Беларусь»)) и т.п.

Заметим, что в альманахе «Аршанскі маладняк» была открыта специальная рубрика «Народное творчество и язык» (бытовая сказка Ю. Гаврука «Медовый кум» («Мядовы кум»)), стихотворение М. Гончарика (под псевдонимом Е. Севец) «Улыбаясь солнцу в глаза» («Усміхаючыся сонцу ў вочы»), народные песни в записях В. Коваля, М. Горецкого, Ю. Гаврука. Вот несколько предложений из стихотворения М. Гончарика:

*Запасьнілася, заспалася дзяўчына
Пасьля песні майскай за паўночы,
На паронкі ў полі гналася з скацінай,
Усміхаючыся сонцу ў вочы¹⁹.*

С другой стороны, поверхностное восприятие действительности, равнодушие к классическому наследию, формальный эклектизм, неготовность к настоящему новаторскому поиску вело некоторых молодых поэтов к искусственному оригинальничанию и псевдоноваторству, делало их жертвами формалистического влияния.

В. Дубовка словами Насти Нарутавичанки из поэмы «Круги» так характеризует недостатки своих поэтов-современников:

*Калі чытаеш песні вашы ўсе,
Здаецца, што бязлюддзе ў краіне,
Што ветры буйныя паэта наш пасе,
Або на выспе ў самоце гіне²⁰.*

Вполне солидарен с Вл. Дубовкой и поэт З. Астапенко, который в поэме «Концы поэмы» («Канцы паэмы») мягко, но поучительно осуждает схематизм и наивный примитивизм в конструировании конфликтов и диалогов бурлящей жизни:

*У лірычным песнянным агні
Ён не змог, праходзячы да мэты,
У радкі ўкласці нашы дні,
Што мацней за самага паэты²¹.*

В опубликованном обращении «от Всебелорусского объединения поэтов и писателей “Маладняк”»* отмечались такие недостатки раннемолодняковской поэзии, как “небрежность в художественной обработке произведений, тематическая бедность, слабость сюжетной конструкции, абсо-

¹⁹ Аршанскі маладняк. – 1925. – № 1.

²⁰ Узвышша. – 1927. – № 5.

²¹ Польша. – 1930. – № 8.

* Маладняк. – 1926. – № 9.

лютное преобладание лирики перед эпосом и драмой, погоня за эффектным и экстравагантным, отказ на словах от формального наследия классической литературы и др.». Более того, в творчестве «маладнякоўцаў» стали весьма заметными минорные ноты – “безпрадметны сум”, “васільковая журба”, няпэўнасць жаданняў, якасць кволасць пачуццяў, бяскрылая летуценнасць, бязвер’е і песімізм» (Н. Гилевич).

«Васільковая туга» «маладнякоўцаў» – это не просто растерянность перед трудностями восстановительного периода и непонимание новой экономической политики. Это, прежде всего, свидетельство того, что революционный пафос для многих из них оказался и не глубоким, и не прочным, а главное, как подчеркивает Н. Гилевич, неосознанным: он был следствием непонимания марксистско-ленинской сущности и закономерностей исторического процесса, а его происхождение часто было эмоциональным, поверхностным, сиюминутным.

Справедливости ради заметим, что вульгаризаторской критике в середине 1920-х годов поэты и писатели подвергались не только за отсутствие пафоса в отражении социалистических преобразований. Критиковались и те, кто отдавал предпочтение традиционной народной жизни, ее вековым обычаям, фольклору. Так случилось и с изданной в 1924 году книгой «Зарницы» («Заранкі») Янки Журбы (настоящее имя Иван Яковлевич Ивашин) (1881–1964), выпускника Полоцкой учительской семинарии, уроженца д. Купнино Чашникского района. Принятая читателями с интересом – насыщенность трагедийной народной образностью, песенные мотивы, искренний лиризм, поэтизация родной белорусской природы – у критиков она получила «разнос» за художественное несовершенство (понимаемое часто весьма субъективно), риторичность, преклонение перед вековой народной традицией. В критической статье В. Гайдукевича «приговор звучал следующим образом: это пример «как не нужно писать молодым нашим поэтам»²².

Тем не менее книга Я. Журбы являлась ориентиром для начинающих авторов в осмыслении национального художественного наследия, понимания его роли в становлении новой белорусской литературы. Впоследствии то, за что в 20-е годы критика упрекала Я. Журбу (увлечение фольклорной стилизацией), станет основой для написания музыкальных произведений Л. Абеливичем, М. Анцевым, П. Охрименко, И. Кузнецовым, П. Подковыровым, Г. Пукстом, М. Чуркиным и др.

Следует подчеркнуть, что упадническое, пессимистическое начало не стало определяющим. На страницах витебско-полоцко-оршанских альманахов «Наддвинье» («Наддзвінне»), «Расцвет» («Росквіт»), «Зарница» («Зарніца»), «Аршанскі маладняк» печаталось большое количество произведений оптимистических, пафосных, пронизанных высоким гражданским сознанием, уверенностью в необратимости социалистических преобразо-

²² Маладняк. – 1924. – № 5.

ваний. Среди авторов таких произведений П. Бровка, Т. Хадкевич, З. Астапенко, Ю. Таубин, А. Вечер, М. Гончарик, П. Шукайло, С. Семашко и др.

Вот, к примеру, эпизод из рассказа «Парни из деревни» («Вяскоўцы»), в нескольких строках доносящий до читателя суть происходящих изменений в д. Чмарово. Юрию, уехавшему на учебу в город, его друг Сергей пишет: «Дорогой Юрась! Много чего мы с тобой говорили, много о чем думали вместе. Ты учиться уехал, а я остался. На следующий год обязательно к тебе приеду – помни об этом... Из новостей в Чмарове то, что недавно Чмарово разбили: одних – на поселки, других – на хутора. Сельчане радуются... Этой весной сеяли все чмаровцы очищенными семенами. Комсомол также растет, вступают парни, хотя и часто бывают вечеринки с пьянками...» Здесь спрессованы воедино и социальные, и хозяйственные, и моральные процессы. Такие вот короткие или развернутые зарисовки, импрессия в прозе о радостях и горестях людей земли, их чаяниях и надеждах. А если учесть, что и автору было всего лишь 20, и вела его вперед юношеская романтика, то вполне понятной становится привлекательность прозы В. Коваля, ее популярность, особенно у начинающих авторов – выходцев из белорусской деревни.

Литературное мастерство В. Коваля, стремящегося создать целостную картину жизни сельчанина (насколько это было возможно в рамках рассказа), росло год от года – обогащалась тематика, совершенствовался стиль, росло умение усвоить и развернуть сюжет. Все это свидетельствовало о качественном переломе в его творчестве. И, как пишет исследователь «маладнякоўскай» прозы И. Чигрин, «за успехами молодого прозаика не могли не угадываться в будущем успехи всей литературы вообще». Но свои коррективы в жизнь оршанского «маладнякоўца» внес трагический 1937 год...

Небезынтересными представляются замечания М. Горецкого о прозаическом творчестве «маладнякоўцаў» Витебщины.

О В. Ковале: «...асабліва трэба адзначыць Каваля. У яго вельмі мастацкі стыль. На фоне ўсяе сучаснае беларускае мастацкае прозы за апошні час даволі яркавымі з'явамі былі выступленні – ... як раз маладнякоўца Каваля... Пэўнымі хібамі ў творчасці Каваля трэба лічыць, тым часам, слабую сюжэтную пабудову, некаторую аднастайнасць тэматыкі і яшчэ не зусім зжыты сялянскі прымітывізм».

О С. Хурсике: «Хурсіка дагэтуль недаацэньвалі. А тым часам ён даволі моцны мастак слова, умее ўлавіць у жыцці адметнае для свайго часу і эпохі, дае вельмі яркавыя партрэты і самую сакавітую мову. Шкодзіць яму часта ўхіл у грубы натуралізм».

О М. Никоновиче: «Пафас, стылізаваныя ўстаўкі, пагоня за эфектамі, непраўдападобнасць, часам грубаваты натуралізм у мове – шкодзяць і Нікановічу. Яго апавяданні нібы разлічаны на прымітыўнага чытача. Але аўтарская шчырасць, адданасць справе, любоў да прыгожага вобраза і слова, захапленне сваёю тэмаю і непадкупнае ідэалізаваўне сваіх герояў ас-

лабляюць недахопы ў творчасці Нікановіча і робяць іх дадатнаю з'яваю ў сучасным стане маладнякоўскае прозы».

Об И. Лимановском: «Ліманаўскі вызначаецца тым, што дае шырокія палотны – аповесць, раман. З мастацкага боку ён робіцца ўсё лепшым майстрам».

О Я. Видуке*: «Што да прозы, дык у Янкі Відука – мацнейшая за вершы і вызначае яго паміж пражайкаў-маладнякоўцаў. Тут у яго рэалізм тонка і прыгожа перавіваецца з рамантычным настроем. Праўда, у ідэалагічным змесце і ў форме тут адчуваецца пэўная інтэлігентнасць і буржуазныя літаратурныя ўплывы, але аўтар моцна трымаецца за сваё пра-летарскае пачуццё».

Личностные стилевые различия, связанные именно с решением общих задач в развитии поэзии, объяснялись, прежде всего, неопытностью молодых авторов, отсутствием у большинства из них выразительного эстетического идеала. К месту привести высказывание Я. Коласа: «Они («маладнякоўцы». – *А.Р.*, *Ю.Р.*) вводили в поэтический лексикон новые слова как буропенить, карнавалить, восславить, такие славные соединения, как рыжее сердце, васильковая туга, пьяный вечер, утро рыкает, овсяные дали и др. Они очень обижались если им говорили, что они занимаются глупостями».

Особое место в «маладнякоўскай» прозе занимает уроженец села Высокий Городец Толочинского района (ранее Сенненский повет Могилевской губернии) **Михась Зарецкий** (1901–1941) (настоящее имя Михаил Ефимович Косенков). И эта особенность задолго до писательской стези была predetermined двумя прямо противоположными началами, захватившими М. Зарецкого в годы детства и юношества. Речь идет, во-первых, о духовной среде, в которой проходило формирование мировоззрения будущего писателя: он родился в семье церковного служащего, окончил четырехлетнее Оршанское духовное училище, два года учился в Могилевской духовной семинарии; во-вторых, о том, что исключительную роль в становлении писательского мастерства сыграла почти семилетняя служба в Красной Армии.

Сам М. Зарецкий в автобиографии, напечатанной в 1963 г., так писал об этом периоде своей жизни: «Служба в Красной Армии сыграла, мне кажется, решающую роль в окончательном формировании моей (Зарецкого. – *А.Р.*, *Ю.Р.*) психологии. Бесконечные перемещения из места на место, бесчисленные наблюдения и впечатления, близкое знакомство с десятками и сотнями самых разнообразных человеческих типов – все это обогатило меня неисчерпаемым запасом материала, который я (Зарецкий. – *А.Р.*, *Ю.Р.*) запечатлел впоследствии в целом ряде своих рассказов. С другой стороны, та необычная выразительность социально-классовых стремлений, которая в условиях Красной Армии доходила до реально ощутимой простоты и кон-

* Печатался в альманахах Полоцкого филиала «Маладняк», «Наддзвінне», «Росквіт».

кретности, содействовала окончательному усвоению мной (Зарецким. – *А.Р., Ю.Р.*) идеи коммунистической революции...»²³.

Назовем еще одну «особенность» творческой биографии нашего земляка – вся литературная жизнь «красного романтика» М. Зарецкого вкладывается в пятнадцатилетний отрезок времени – его первый рассказ «В Савках» напечатан в газете «Савецкая Беларусь» 29 декабря 1922 г., а последнее по времени написания произведение (пьеса «Ная» («Ная»)) датируется 1936 г. Тем более, что творческая деятельность для М. Зарецкого была неотделимой от участия в работе литературных объединений «Маладняк» (с 1924 г. – член «Маладняка», в 1926–1927 гг. редактировал журнал «Маладняк». – *А.Р., Ю.Р.*), а затем и «Полымя» (с 1927 г.), встреч с начинающими литераторами, библиотекарями, культработниками, посещения новостроек на Украине и в Ленинграде, зарубежных командировок (Латвия, Германия, Франция, Чехословакия). Социально-творческая активность М. Зарецкого и была тем магнитным стержнем, который цеплял, привлекал, подталкивал начинающих авторов к постижению смысла, секретов и техники прозаического творчества. Может быть поэтому его встречи и в Витебском, и Оршанском филиалах «Маладняка» были запоминающимися и творчески активными. (Арестован в октябре 1936 г., расстрелян 29 октября 1937 г. Реабилитирован в 1957 г.).

Однако об активной творческой деятельности М. Зарецкого можно говорить, начиная с 1925 г., когда из печати вышли два сборника рассказов – «Пела весна» («Спявала вясна») и «В водовороте жизни» («У віры жыцця»). В «маладнякоўскі» период издал сборники рассказов «Под солнцем» («Пад сонцам»), «42 документа» («42 дакументы»), «Двое Жвировских» («Двое Жвіроўскіх»), повесть «Голый зверь» («Голы звер») (1926), роман «Стежки-дорожки» («Сцежкі-дарожкі») (1927).

С 1927 г. М. Зарецкий входил в литературное объединение «Полымя», с 1928 г. – в БелАПП, с 1934 г. – в Союз писателей Советской Белоруссии, продолжая активную творческую деятельность. Одна за другой из печати выходят книги рассказов «На железной дороге» («На чыгунцы») (1928), очерков – «Путешествие на Новую Землю» («Падарожжа на Новую Зямлю») (1929), романы «Кривичи» («Крывічы»), «Письма от знакомого» («Пісьмы ад знаёмага») (1931), «Вязьмо» («Вязьмо») (1932). М. Зарецкий известен и как автор драматических произведений – пьесы «Буря на болоте» («Віхор на балоце»), «Семён Коризна» («Сымон Карызна»), «Ная» («Ная»), «Дубровский» («Дуброўскі»), драмы «Белые розы» («Белыя ружы»). На республиканском конкурсе, посвященном 15-летию Великой Октябрьской социалистической революции, роман М. Зарецкого «Вязьмо» был отмечен премией как одно из лучших произведений на тему коллективизации.

²³ Зарэцкі, М. Аўтабіяграфія / М. Зарэцкі // Пяцьдзсят чатыры дарогі. – Мінск, 1963. – С. 215–216.

В каждом из жанров писатель демонстрировал глубокое проникновение в суть социальных конфликтов, психологию людей во время великого перелома. Его талант выявился в произведениях с острым драматически-напряженным сюжетом, в котором исследуются значительные социально-общественные конфликты. Писателя высоко ценили критики: «В смысле динамичности стиль З. Бедули и М. Зарецкого, безусловно, стоит выше от стиля Якуба Коласа...» и, как вспоминал в разговоре со мной (с Л. Долидович. – *А.Р., Ю.Р.*) авторитетный С. Шушкевич, Зарецкий пользовался большой популярностью и у читателей, «был самым модным писателем»²⁴.

«В водовороте жизни» – это не просто название первого сборника рассказов М. Зарецкого, это, по сути, лейтмотив всего его прозаического творчества. Противоречия новых преобразовательных процессов, острые социальные и моральные проблемы, возникающие в ходе совершенно незнакомого движения, сложная, направленная однозначно на разрушение старых устойчивых, но отживших принципов общежития, наконец, поддержка «социалистического в Человеке» и «Человека в социалистическом» – это даже не полный перечень жизненных коллизий, предпринятых к художественному осмыслению и выражению.

Проблемные социально-нравственно-психологические ситуации, очерченные в рассказах М. Зарецкого, нашли свое и разрешение в более масштабных литературных формах, например, повести «Голый зверь» и романах «Стежки-дорожки» (одном из самых интересных произведений белорусской прозы 1920-х годов. – *А.Р., Ю.Р.*) и «Вязьмо» (превосходит все, что печаталось о коллективизации в довоенной белорусской литературе. – *А.Р., Ю.Р.*). Проводя читателя через события, имевшие место на Могилевщине в ходе Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны, писатель подводит его к пониманию драматических, остроконфликтных ситуаций, захвативших советскую (в т.ч. и белорусскую) деревню в ходе коллективизации сельского хозяйства, а по сути, революционного процесса перестройки деревни и частнособственнической психологии крестьянина (вспомним романы «Поднятая целина» М. Шолохова, «Бруски» Ф. Панферова, повести «Отщепенец» Я. Коласа, «Страх на загонах» П. Головача и др.).

«Мы должны поднять ее. Работать по-боевому, как революционеры, а не чиновники, бюрократы... Революция не погасла, она поднимается с новой силой. Мы еще повоюем», – вот лейтмотив мыслей и действий главного героя романа, секретаря партийной ячейки, директора семилетки Семена Коризны. И всей своей жизнью, своими поступками, беседами он ведет односельчан к достижению высокой цели – построению организованного коллективного хозяйства. Это и реализация, высказанной еще в 1930 г. в очерке «Весна 1930 года» социальной позиции писателя: «Прочную, как

²⁴ Далідовіч, Л. З ліку сумленных і мужных / Л. Далідовіч // Маладосць. – 2001. – № 12. – С. 234.

кремень, глубокую, как земля, и непосредственную, как сама жизнь, хозяйственность мужика-земледельца необходимо переключить в русло дружной коллективной заботы и старания». Но это и показ того, как в ходе многотрудного пути к человеческому счастью преодолеваются конфликты в борьбе между черствостью и бездушием, с одной стороны, и гуманным отношением к человеку, с другой. Именно лирико-романтическое начало в сочетании с реалистическими средствами художественного постижения жизни сделало «Вязьмо» классическим романом о преобразовании белорусской деревни на социалистических началах.

Не агитировал М. Зарецкий начинающих литераторов идти его «сцезкамі-дарожкамі», но всем своим литературным дарованием он приглашал их идти по жизненным «сцезкам-дарожкам», чтобы они в литературе видели выразительницу национального духа белорусов, постоянно ощущали глубокое понимание эстетической природы слова, помнили о гражданском мужестве писателя.

Мы не будем анализировать все, написанное М. Зарецким (белорусское литературоведение, возвратив его имя в литературу, сделало это и многопланово, и профессионально. – *А.Р., Ю.Р.*), отметим лишь, что произведения М. Зарецкого, воссоздающие в высокохудожественной форме витебско-белорусские коллизии 1920–1930-х гг. – это бесценная энциклопедия жизни народа в эпоху переустройства общества, поиска новых и общественных, и личностных отношений. Обратимся к мнению одного из литературных критиков, которые в **то время** оценивали **его творчество**. Это Л.М. Клейнборт, высказавшийся следующим образом: «...Колорит Зарецкого – это колорит новых дней, колорит красного фронта со всеми розами и всеми шипами, составляющими их смысл, их новый быт»²⁵.

С позиции сегодняшнего дня очевидно, что авторитет М. Зарецкого как писателя, определялся, прежде всего, тем, что он во многом был первопроходцем новых тем, идей и героев, раскрывал гуманистическую сущность великих исторических преобразований, героизм борьбы коммунистов и всего народа за социализм. Уроженец Витебщины М. Зарецкий – один из наиболее ярких представителей «эмоционально-романтического» направления в белорусской советской прозе и драматургии 1920–1930-х годов XX в.

Приход в литературную жизнь новых творческих сил, объединенных в одну писательскую организацию, несомненно, способствовал консолидации литераторов, концентрации их внимания на самых злободневных темах, несмотря на разноплановость творческих стилей и разнообразие используемых форм поэтического, прозаического, литературно-критического самовыражения. Справедливости ради заметим, что для «маладнякоўскага» творчества, в т.ч. и на Витебщине, существовал добрый пример – поиски (организационные и творческие) русской советской литературы 1920–1930-х годов. С одной

²⁵ Клейнборт, Л.М. Маладая Беларусь / Л.М. Клейнборт. – Минск, 1928. – С. 410.

стороны, этому способствовала учеба «маладнякоўцаў» в российских высших учебных заведениях (к примеру, В. Дубовка и Ю. Гаврук окончили Московский литературный институт им. В. Брюсова); с другой – достаточно частые встречи известных российских литераторов со своими витебскими коллегами (в 1921–1922 гг. в Витебске жил и работал поэт Валентин Волошинов, в 1924 г. в Витебске находился поэт Лев Антокольский, 26 марта 1927 г. в Витебском ВГТ-2 с докладом «Лицо левой литературы» выступал Владимир Маяковский, в 1926 г. город Витебск посетил Алексей Толстой и т.п.). Участники Всебелорусской конференции «Маладняка» – делегаты от Витебщины в феврале 1928 г. слушали доклад известного русского литературного критика А. Селивановского. Кстати, в середине 1925 г. в состав Витебского бюро союза поэтов (создана при участии М. Пустынина и А. Исбаха. – *А.Р., Ю.Р.*) вошли Витебская и Полоцкая русскоязычные писательские группы.

Вот, к примеру, что известно о посещении Витебска В. Маяковским 26 марта 1927 г. В разные годы об этом писали по-разному. То акцент делался на посещение поэтом книжного магазина и его беседу с посетителями, то комментировались иронические высказывания В. Маяковского по поводу увиденной им вывески с раками, кружкой пенистого пива и надписью «Завод им. Бебеля»...

Для нас же представляют особый интерес два эпизода – посещение В. Маяковским редакции газеты «Заря Запада» и литературный вечер во Втором Белорусском государственном театре, где поэт выступил с лекцией «Лицо левой литературы» (газета «Заря Запада» 23 марта анонсировала встречу витебской общественности с Маяковским следующим образом: «В субботу, 26 марта, в Витебск приезжает известный поэт Владимир Маяковский. Он выступит с докладом «Лицо левой литературы». Тема доклада излагает следующие положения: Что такое левый ЛЕФ? Поп или мастер? Как в пять уроков выучиться писать стихи? Как нарисовать женщину, скрывающую свои годы? Есенинство и гитары. Можно ли рифму забыть в трамвае? и др.»).

25 марта «Заря Запада» снова напоминает витебчанам: «Витебская публика впервые услышит Маяковского, который дает характеристику Асеева, Каменского, Пастернака и других поэтов «левого фронта».

В исполнительной части Маяковским будут прочитаны наиболее сильные и характерные для него произведения последнего времени.

...Вечер Маяковского приобретает в настоящее время исключительный интерес как поэта, возглавляющего ЛЕФ (Левый фронт искусства), и редактора вновь издающегося журнала «Новый ЛЕФ».

Зная о посещении В. Маяковским редакции, к назначенному времени небольшой редакционный зал заполнили «маладнякоўцы», рабкоры, художники, журналисты. Здесь сошлемся на Давида Симановича: «Он (Маяковский. – *А.Р., Ю.Р.*), казалось, сразу же заполнил всю тесную комнату и сразу, безо всякой подготовки, заговорил о том, что его волновало в этот день:

«Вот Вы, молодые, конечно, пишете стихи...
– Пишем, – чуть не хором ответили начинающие.
– Это хорошо, что пишете. А сатира у вас есть? Кто-нибудь из вас, скажите, написал о пиве и социализме?
– ...О чем? – не поняли молодые.
– Да про то, что ваш завод носит имя Бебеля. Удивительно, но факт. Сам видел... Вот вам тема! Я сам обязательно напишу об этом. Возможно, назову «Витебские мысли» или «Пиво и социализм». Уже и строки отдельные есть.

И, не доставая из кармана записной книжки, он прочитал:

*Товарищ,
в мозгах
просьбишку вычекань,
да так,
чтоб не стерлась,
и век прождя:
брось привычку
(глупая привычка!) –
приплетать
ко всему
фамилию вождя...*

Он обвел взглядом комнату и неожиданно усмехнулся: «Что напугал вас? Зато легче будет знакомиться. Я прочитал вам стихи, а сейчас – ваша очередь».

Ну, а вечерняя встреча-лекция в театре – это не просто литературный вечер с лекцией и стихами. Это диспут, если хотите дискуссия о путях развития советской литературы, ее достижениях и просчетах. Свидетельство тому – 35 записок-вопросов к поэту. При этом большинство из них касаются актуальных проблем литературного творчества, теории литературы, поэтического мастерства. Вот лишь некоторые из них:

– «Ответили ли Вы Т. Полонскому на его критическую статью на № 1 журнала “Леф”? В чем его правда и ошибки?» (имеется в виду издевательская статья В. Полонского «Леф или Блеф?», напечатанная в газете «Известия»). В статье В. Маяковский был представлен в ложном свете. – А.Р., Ю.Р.).

– «Ваше отношение к творчеству Есенина. Ваш взгляд на драматическое творчество Луначарского и поэзию Демьяна Бедного».

– «Тов. Маяковский! Каково Ваше мнение на счет творчества Михаила Зощенко?»

– «Где Ваша оценка Асеева, Кирсанова, Пастернака и других?»

– «Имеется ли формальная литературная школа с твердо установленным каноном. А если нет – то почему?»

– «На сколько групп раскололось литературное течение? На чем базируется каждая группа?»

– «Что признается самым актуальным в художественной литературе наших дней (кроме революции)?»

– «Имеется ли тенденция и в какой мере к сохранению старых литературных традиций, а также ввод таковых в новейшую пролетарскую литературу?»

– «Что больше всего преследуют наши поэты при написании стихотворений и что должны преследовать?»

– «Что предлагаете Вы читать из сегодняшней литературы и каких писателей?»

– «К какому литературному течению принадлежит Демьян Бедный и является ли он литературной величиной?»

– «Скажите, что у Вас общего с футуризмом и почему не просто “Леф”, а уже “Новый Леф”? Может скоро появится журнал “Дважды новый Леф?”

– «Есть ли лефовская литература для малоподготовленного читателя?» и др.

Витебскую аудиторию интересовало, знает ли поэт белорусскую литературу, как относится к ней. «Интересно было бы знать Ваше мнение и взгляды о белорусской литературе в сравнении с другими и о главных поэтах, в частности, тоже в сравнении с известными поэтами другой литературы. Думаю, что Вы знакомы с нашей белорусской литературой».

Сопровождавший В. Маяковского его близкий друг П. Лавут в своих воспоминаниях писал, что поэт, отвечая на этот вопрос, говорил о знакомстве с белорусской литературой в переводах, что знает произведения Купалы и Коласа, «людей очень талантливых».

Были и записки, в которых авторы высказывали свое негативное отношение к поэзии В. Маяковского.

– «Вы говорите, что теперь поэт является выразителем масс. Интересно, читают ли Вас массы?»

– «Считаете ли Вы свои стихи понятными для рабочих?»

– «Всегда ли понятно Ваше творчество широким массам (по форме)?»

– «Вы говорите, что массам непонятны стихи символистов. Но стихи футуристов и давно непонятны» и др.

Высказывались просьбы, свидетельствующие о том, что витебская публика хорошо знакома с творчеством В. Маяковского.

– «Прочтите, пожалуйста, “Облако в штанах”».

– «Владимир Владимирович! Прорекламируйте, пожалуйста, “Письмо Горькому”, аудитории оно очень нравится, и она будет вам очень благодарна!»

– «Хотелось бы услышать от Вас Ваш “Левый марш”. Не откажитесь прочесть» и т.д.

Приходится сожалеть, что не велась стенограмма вечера. Но даже сохранившиеся записки говорят, что собравшаяся аудитория была заинтересованной, читающей, проявляющей интерес к проблемам литературной жизни. Думается, что не осталась бесследной эта встреча и для витебских литераторов-«маладнякоўцаў».

А теперь о творческих предпочтениях.

Человек и народ, человек и революция и гражданская война, человек и новая жизнь – вот лейтмотив творческих исканий витебско-полоцко-оршанских «маладнякоўцаў».

Изучение «маладнякоўскіх» альманахов, витебских и республиканских газет и журналов позволяет утверждать, что наиболее печатаемыми в середине – второй половине 1920-х годов были М. Зарецкий, А. Дудар, М. Лыньков, П. Бровка, В. Дубовка, Ю. Гаврук, М. Гончарик, Ю. Таубин, В. Коваль и др. Хрестоматийными стали рассказы о водвороте гражданской войны, «описаниями подвига во имя революции» «Враги», «42 документа», «На железной дороге», роман «Стежки-дорожки» М. Зарецкого; «Гой», «Над Бугом», «Крот» М. Лынькова; «Красноармеец» Ю. Гаврука; остроприключенческая повесть А. Дудара «Волчата», приключенческий роман «Метель» («Мяцеліца»), написанный А. Дударем в соавторстве с А. Александровичем и А. Вольным; поэма «Таврида» Ю. Таубина и др. Эмоционально-лирические, романтические начала наиболее ярко проявляются в произведениях В. Дубовки, М. Зарецкого, М. Лынькова, Ю. Гаврука, В. Ковалья, М. Никоновича и др.

Вторая крупная тема, которую усиленно осваивали прозаики-«маладнякоўцы», – это тема тогочасной бурлящей современности с невиданными ранее преобразованиями, это жизнь рабочих и крестьян, повседневные морально-этические, общественно-политические и производственные проблемы. Назовем роман М. Зарецкого «Вязьмо», его же книги очерков «Письма от знакомого», «Говорит Осинстан» («Гаворыць Асінстан»), «По солнечному пути» («Па сонечным шляху»); В. Сташевского – «Колосится земля» («Каласіцца зямля»); сборник рассказов В. Ковалья «На пашне («На загонах»); повесть «Пильники» («Пільнікі») С. Хурсика; рассказы М. Лынькова и др.

О популярности этих авторов и внимании читателя к их романам, повестям, рассказам свидетельствует тот факт, что в местных и республиканских газетах и журналах постоянно печатались лучшие рассказы М. Зарецкого, М. Никоновича, М. Лынькова, В. Ковалья и др.

Проза о «живом» человеке, обращение авторов к новому, неизведанному ранее процессу обновления, недостаток жизненного опыта, иной раз – литературной школы вскоре высветил нежелательные крайности – тенденции натурализма, чрезмерного интереса к биологическому в человеке, отсутствие внимания к социальному в нем, чувства перспективы жизненных процессов, тенденций и закономерностей в становлении человеческих

характеров. «Человек – это омут», – считал, к примеру, последователь «эмоционального романтизма» М. Зарецкий. – И вряд ли вообще можно познать его душу». Глубокая правда жизни подменялась упрощенной, надуманной фальшивой схемой. Наиболее зримо подобные явления присущи сборнику рассказов М. Никоновича «Крик труда» («Крык працы»), повести М. Зарецкого «Голый зверь», отдельным рассказам В. Коваля. Но и независимо от всего, авторы ощущали себя творцами нового искусства, стремились развивать его.

Анализируя прозаическое творчество «маладнякоўцаў» из Орши, следует согласиться с выводами В. Наумовича, который соотносил их недостатки с недостатками, присущими всему белорусскому «Маладняку»: «В раннем творчестве молодых прозаиков выделялись два главных направления, из которых молодняковская проза брала свое начало. Сначала необычно активно проявилось стремление к самовыявлению, неудержимая лиризация, субъективное осмысление действительности, почти полное слияние авторского голоса с образом лирического героя, который на полную грудь самозабвенно опедал новую революционную явь. Главным здесь было выявление эмоций, настроений, переживаний самого автора».

Так уже сложилось, что в советском белорусском литературоведении это направление в поэтическом творчестве оставалось по-за исследовательской чертой. Хотя имеющийся материал о персоналиях и их литературных исканиях, представлявший собой весомую часть в «маладнякоўскай» поэзии, не может оставаться вне поля зрения и литературоведов, и литературных критиков. Назовем тех поэтесс, которые регулярно печатались в журналах «Маладняк», «Беларуская работніца і сялянка». «Аршанскі маладняк», «Алеся», газетах «Зара Запада», «Віцебская сялянская газета», «Чырвоная Полаччына», литературных альманахах «Наддвинье» («Наддзьвінне»), «Зарницы» («Зарніцы»), «Начало» («Пачатак»), «Рассвет» («Світанне») и других изданиях. Витебщину, Полочщину, Оршанщину представляли Анна Бресская (1901– после 1936), Анна Базыленко (Ореховская) (1908–1980), Акилина Мелешкина (1902 – ?), Зинаида Бондарина (1909–1954), Софья Палын, Валентина Журавлева (даты рождения и смерти двух последних установить не удалось). Разными были их жизненные пути-дороги. Но общим, на наш взгляд, была присущая их поэзии обостренная лирико-романтическая тональность, непреодолимое стремление чувствовать жизнь во всех ее разноплановых проявлениях и быть непрременным участником социалистических преобразований. А еще было женское восприятие красот родной белорусской земли, привлекательности и неповторимости ее краевидов.

А теперь – о поэтике. Вот, к примеру, Анна Базыленко (Ореховская). Родилась 4 апреля 1908 г. в деревне Орехи (ныне городской поселок Ореховск Оршанского района Витебской области), выросла в бедной многодетной крестьянской семье, окончила школу второй степени и подготови-

тельные курсы Оршанского рабфака. Как лучшая выпускница была рекомендована на учебу в Оршанский педагогический техникум, впоследствии переведенный в Витебск. Будучи студенткой, увлеклась литературой, активно участвовала в литературной жизни города. Начала выступать в местной печати с первыми поэтическими опытами. К первой пробе пера можно отнести стихотворение «Я нарадзілася пастушкай убогай», датированное 1925 г. Это была своеобразная исповедь о горестном, бедном детстве. Предлагаем эту зарисовку сегодняшнему читателю.

*Я нарадзілася пастушкай убогай,
У вёсцы беларускай у глухой.
І з маленства мне далі ў рукі
Пугу з вяроўкі крутой.
За вялікім я статкам хадзіла,
Бізуном падганяла кароў.
Уставала я з ранняй расою.
А лажылася з вячэрняй парой.
Лягла важкая, горкая праца
На дзіцячых і квольх плячах —
З навальніцай і сонцам змагацца,
А тут сон як туман у вачах.
Мне хацелася вельмі вучыцца.
Заўладаць дасягненнем людзей
І вось гэта бяздольнае дзецтва
Асвятліць светам новых ідэй.*

Стихотворение не осталось незамеченным руководством Витебского филиала «Маладняка». И вскоре Ореховская стала одной из активных его членов. Ее стихи и под собственной фамилией, и под псевдонимом Анка Ореховская печатались в издаваемых Витебским филиалом «Маладняка» поэтических сборниках «Пачатак» («Начало») (1926) и «Світанне» («Рассвет») (1927), а также в витебской и оршанской газетах. О чем писала будущий педагог? Приведем хотя бы несколько строк о ее поэтических предпочтениях. И на первом плане будут мечты о будущем, о выборе жизненного пути:

*Шырокі шлях перада мною,
Убраны перламі вясны.
Стаю я з думкаю нямою,
А наваколе, як ранне, сны.
І шэпча ціха мне наветра:
“Ідзі ўперад! К сонцу ідзі!”
Там казкі дзіўныя ... Там светла*

Ты прыгорнеш усё к грудзі.

«Шырокі шлях», 1926

И несколько строк из лирического стихотворения «Весна» («Вясна»):

*...У карагоды збіраюцца зоры,
Свеціць месяц жамчужным сярпом
Ручаіныя дзіўныя ўзоры
Між каменяў блішчаць серабром.*

*Дзеці з вёскі гурбою збяруцца,
На лугу разальюць галасы,
Іх шчаслівыя твары смяюцца,
Як у жнівень аўса каласы.*

*Бы палотнамі сцелюцца лужы
І паветра шапоча: «Вясна!» ...*

«Вясна», 1926

Здесь уместно заметить, что «маладнякоўская» поэзия находилась под пристальным вниманием опытных белорусских литераторов. И, в этом смысле, Анне Базыленко повезло – с ее стихами познакомился Якуб Колас. Именно он посоветовал руководству «Маладняка» рекомендовать способную выпускницу Витебского педтехникума на учебу в Белорусский государственный университет имени В.И. Ленина, в котором и сам в то время преподавал методику белорусского языка. С 1927 по 1931 Анна Базыленко училась в БГУ на литературно-лингвистическом отделении, совмещая учебу с работой пионерской вожатой в одной из школ Минска.

После окончания университета была направлена на работу в Слуцкий педагогический техникум, а затем работала в таком же техникуме в белорусской столице.

В 1933 году была приглашена на работу в Институт языка и литературы Академии наук БССР. И уже в 1934 году в академическом сборнике «Писатель и язык» был напечатан ее первый исследовательский очерк «Язык раннего творчества Якуба Колоса». Поэтическое творчество постепенно уступало месту работе ученого-исследователя. Параллельно с исследовательской вела и педагогическую работу – вплоть до начала Великой Отечественной войны преподавала белорусский язык в Республиканском театральном училище.

Находясь в эвакуации преподавала русский язык в Саратовской авиационной школе и Новосибирском педагогическом институте. После возвращения в Минск началась ее педагогическая карьера в родном БГУ имени В.И. Ленина – старший преподаватель, доцент кафедры общего языка и общего языкознания, заместитель декана филологического фа-

культета. В университете была защищена кандидатская диссертация, написан целый ряд статей, посвященных исследованию творческого мастерства Я. Коласа, издана монографическая работа «Посторонние и уставные слова, словосоединения и предложения в современном белорусском литературном языке» (1964).

В белорусском языкознании Анна Базыленко известна и как соавтор учебника для филологических факультетов высших учебных заведений «Курс современного белорусского литературного языка: Морфология» (1962). Таким вот оказался творческий путь Анны Базыленко – от начинающего поэта до известного в науке специалиста-языковеда.

* * *

На Оршанщине начинался творчески путь и Акилины Мелешкиной: родилась в 1902 г. в многодетной крестьянской семье в д. Снегири на Ляднянщине (ныне Дубровенский район Витебской области). На Оршанщине получила начальные педагогические знания, начинала свой педагогический путь, в 1923–1927 гг. училась в Витебском педагогическом техникуме. В Витебске и началось ее активное сотрудничество с «Маладняком», членом которого она была до 1928 г. (т.е. до переезда по личным обстоятельствам в Могилев). В Витебском филиале выполняла обязанности казначея. Некоторое время входила в состав Центрального Бюро «Маладняка». После переезда в Могилев участвовала в работе Могилевского филиала Белорусской ассоциации пролетарских писателей. Стихи А. Мелешкиной печатались в газете «Заря Запада», коллективных поэтических сборниках «Начало» («Пачатак») (1926), альманаху «Раннее» («Ранне») (1929). Руководство Витебского филиала «Маладняка» характеризовало начинающуюся поэтессу как способную, стремящуюся познать все тайнства поэтического мастерства. Из творческого наследия А. Мелешкиной мы выбрали одно стихотворение «Мысли» («Думкі»), раскрывающие несколько необычный стиль ее поэзии:

*Ах, вы думкі,
ах, вы думкі.
разышліся з сэрцам вы.
Сэрца
б'ецца,
б'ецца,
дужа –
Думкі ж лётаюць ўвышы.
Сёння бура была страшна.
страшней буры –
гэта ноч.
Я не хочу спаць так рана,
я не хочу бачыць ноч.*

*Я іду...
Хістае вецер
ліхтароў агністы бляск.
Гудкі свішчуць у паветры –
чорным
дымам
дыша
век.*

*А тут сэрца несціхана
енчыць,
стогнець...
Ой – баліць!
А жыццё – бы акіян:
То спакойна,
то кініць.*

«Думкі», 1926 Не оставим без внимания и начинающую поэтессу, селькора Оршанской газеты, поддерживавшей тесные связи с Оршанским филиалом «Маладняка» Софью Палын. Активистку культпросветовского движения привлекало богатство фольклорного наследия. В сочетании с девичьими мечтами о новой жизни, на бумагу ложились строки, привлекающие читателя своей искренностью и мелодичностью. А потому стихам Софьи Палын всегда находилось место на страницах альманаха «Аршанскі маладняк» и альманаха «Росквіт», они получали поддержку у руководителя филиала М. Гончарика. Вот, к примеру, стихотворение «Бывайце здаровы...», навеянное знакомством поэтессы с устным народным творчеством:

*Бывайце здаровы,
старыя парогі,
дзе мае хадзілі
бялюсенькі ногі.
Дзе яны хадзілі, –
хадзіці не будуць
па светлую долю
пайшлі з сваім людам.
Ой, ды не ў полі
(у полі дзікі вецер),
не ў глыбокім небе
ды шырокім свеце,
знойдем сваю долю
мы ў чорнай глебе, –
ураджай вялікі:
радасці ды хлеба.*

Толькі ў чорнай глебе
залатыя горы,
горы залатыя,
радасныя зоры.
Зоры-весьялухі
разумнейшай долі
пойдуць карагодам
у хаце і ў полі.
Навіной вітаю
новыя парогі,
бо да вас прымчацца
чарнюсенькі ногі.

(1927)

И о девичьих мечтаниях, уверенности в правильности выбранного
жизненного пути:

Не прыйдзем мы
з пахіленаю галавою
і не схіліць яе
ардою навальніц.
Хай рогат грому
свет прад вачыма двоіць,
не ўбачыце вы нас
бярозы веццем – нібы
ніц.

Звініць звон дзён...
звон наш – далёка!..
хай золь злуе...
няхай аблогай золь!
Абмаршыруем свет, «une terre» –
нацыянальным крокам,
не кінем заклікаць
да салідарнасці
мазоль.

.....
Мінаюць караблі
на хвалях
выспы:
звон наших дзён
ружова-мудры вечар зменіць,
заціхне ўсплёск
апошняй пырскі...
А на шляху сваім
ні перад чым

*не станем
на калені!!*

(1927)

Во второй половине 1920-х годов в периодической печати страны и республики стали появляться стихи, корреспонденции, статьи публицистически-агитационного содержания секретаря одной из комсомольских ячеек Лиозненщины Валентины Журавлевой. Печаталась в газетах «Беднота» (Москва), «Заря Запада» (Витебск), «Беларуская сялянская газета» (Минск), журнале «Работніца і калгасніца Беларусі». Как активная рабселькоровка в 1928 г. была выдвинута «на женработу» и направлена для активизации рабселькоровского движения в г. Городок. В этом же районе работала заведующей избами-читальнями (на дому), в Александровском и Болецком сельских советах, привлекая женщин к журналистской работе. В 1931–1932 гг. училась на курсах подготовки газетных кадров при Комвузе Белоруссии, после окончания которых была направлена на работу ответственным редактором Кричевской райгазеты «Сацыялістычны шлях»*.

Увлеченность организаторской и журналистской работой, социалистические преобразования в Белоруссии и стране не могли не сказаться на поэтике В. Журавлевой – она носила ярко выраженный публицистико-пропагандистский характер. Вот, к примеру, названия только нескольких стихотворений: «Камсамолія» (1928), «Мабілізуйцеся, кабаты, да перавыбараў саветаў», «Рабкор-ударнік, ударнік-рабкор» (1931) и др. Весьма показательным в этом плане выйдялит, на наш взгляд, стихотворение «Трэці паверх»:

*Разносяць кроў электражылы,
Пад вёрт калёс раве завод
За Капэбэ магутнай сілай
Ударнікаў ідзе паход!*

*На рыштаваннях грае вецер,
Струны паўзуць да зор уверх,
Мы новы, моцны, ужо трэці
Упарта складваем паверх!*

*Пяціпавярхавы будынак
Рашылі скласць, будзе гатоў
Мускул расце бесперапынна
Ужо трынаццаць вось гадоў.*

Гісторыя складае шпарка

* Сведений о жизни и творческой работе В. Журавлевой после 1935 г. установить не удалось.

*З днёў тыдні, з месяцаў гады,
Нас кліча партыя і мы ўпарта
Будуем гмахі-гарады.*

*Гісторыя хай буйным шрыфтам
Адзнача пераломны год.
Еўропе трухлай нас не сцішыць,
Не перакроіць бег упярод.*

*Наш піянер – Кастрычнік вырас,
Праклаўшы шлях да ўзорных днёў.
Падлічым, што юнак наш вынес
За шэраг пройдзенных гадоў.*

*Гучыць серп з малатком на ўсходзе,
Берлінскі металіст гразіць –
Цярпець даволі, будзе, годзе,
Свет падзяліўшы, гадам жыць!*

(1931)

И несколько строк из еще более «мобилизующего» стихотворения «Мабіліруйцеся, кабеты, да перавыбараў саветаў»:

*Мабілізуйцеся кабеты,
Звоніць шустрая зіма.
Перавыбары саветаў
Правадзіць ідзе сама.*

*... Хусткі, хусткі... Ясны вочкі,
Сталь сцяны з жывых людзей.
Тут сацыялізму дочки
Лічуць новыя падзеі.
Асінбуды, Турксіб-буды,
Калгас-буды – гарады,
Па савецкаму краю ўсюды,
Выраслі ў гэты гады.
Лепшых, лепшых у саветы,
Хто калгасу блізкі, свой,
Хто на Ленінскіх заветах
З апошняй класай вядзе бой.
Лепшых, лепшых у саветы,
Хто жыццё гатоў аддаць
За сацыялізм сусветны,
Сцяг чырвоны вышэй узняць...*

Одной из интересных фигур в женской поэзии 1920–1930-х годов является поэтесса из Полоцка Анна Бреская (Авсеенко). Родилась в 1901 г. (1902–?) в имении Зельки Вольнецкого района Полоцкого округа (ныне деревня в Верхнедвинском районе Витебской области) в крестьянской семье. Поскольку имение находилось в 7 км от Дисны, то, вероятнее всего, начальное образование она и получила в Дисненской школе. В 1918 г. была принята на работу в Дисненский поветовый отдел народного образования. Вместе с будущим мужем Семеном Бреским некоторое время жила на Лепельщине и Верхнедвинщине.

С 1923 г. жизнь и творческая деятельность А. Бреской связана с Полоцком*. Муж работал в Первой Совестью школе, а Анна сосредоточилась на литературном творчестве. В январе 1925 г. журнал «Беларуская работніца і сялянка» напечатал ее первое стихотворение «Дзед! Ямчэй нам грай на дудцы!».

*Дзед! Ямчэй нам грай на дудцы!
Сабірайцеся, сябры,
Засьпявайце песьню дружна,
Бо ўвесь край наш у агні!*

*Нашы нівы чырванеюць
Вёскі польмем гараць,
Іх агнём рэвалюцыйным
Агарнула наша раць...*

В марте 1925 г. Анна Бреская была принята в члены Полоцкого филиала «Маладняка». Руководитель «Маладняка» А. Кучер дал начинающему автору следующую характеристику: «Брэская Ганна. Беспартыйная. Жонка аднаго настаўніка. Піша даволі добрыя вершы па-беларуску. Але над ёю будзе яшчэ шмат працы ў сэнсе ўмацавання ідэалёгіі, а таксама тэхнікі»²⁶. С А. Кучером («ўмацавання ідэалёгіі») можно вполне согласиться, если познакомиться со стихотворением «Сова» («Сава»). Особенность его состояла в следующем: в то время, когда начинающие авторы насыщали свои стихи жизнеутверждающими настроениями и возвышенно-романтическими эмоциями, лирическая героиня А. Бреской находится в беспокойном, даже драматическом состоянии и некоторой растерянности, передавая которые, автор сравнивала себя с бездомною совою. Читаем:

Крычы, крычы, сава ...

* Здесь в начале 1926 г. у Анны и Семена родился сын, названный в честь деда Максимом; здесь 14 февраля 1928 г. Семен Бреский был арестован за «контрреволюционную» пропаганду, осужден и выслан в Восточную Сибирь; 15 марта 1936 г. был арестован вторично и обвинен в шпионаже. Сведений о его судьбе не сохранилось. Известно только, что Семен Бреский был реабилитирован в 1989 году.

²⁶ Документы Полоцкого филиала «Маладняка» / БГАМЛИ. – Ф. 225. – Оп. 1. – Отл. хран. 13.

*У ночку чорнай восені,
Ты енкам жудасьці
Наводзіш страх.
Не маеш ты ў жыцці
Прытуленнасці –
Ты мне сястра.*

*Ізноў сканае дзень,
Заціхне ўсё наўкол...
Ахрытым голасам
Ты абуджаеш страх.
У чорнай цемні
Ты бачыш шмат агнёў –
Ты мне сястра.*

На наш взгляд «Сову» можно назвать явлением случайным. Тем более в том же 1925 г. на заседании филиала «Маладняка» (27 октября), посвященном 400-летию юбилею Белорусского книгопечатания, она прочтет почти «гимническое» стихотворение «Франциску Скарине». Всего лишь несколько строк:

*Запаліў ты праменьнем іскрыстым
Крыўдай вечнай засмучаны край.
Па грунтовай зямлі камяністай
Сьвежай ранай прайшла баразна...*

Предполагалось, что это посвящение будет включено в готовящийся к изданию «Скариновский сборник». По неизвестной причине выпуск сборника не состоялся и стихотворение было напечатано 1 января 1926 г. в газете «Красный пахарь» (впоследствии «Чырвоная Полаччына»), а затем – в альманахе «Надвинь» («Надзвінне»), вышедшем из печати в том же 1926 г.

Отметим, что, начиная с 1926 г., имя Анны Бреской в документах Полоцкого филиала «Маладняка» встречается неоднократно. Вот, к примеру, один из них – анкета, заполненная поэтессой собственноручно 3 февраля 1927 г.:

«Анкета

Для перавучобы сяброў “Маладняку”».

1. Прозьвішча, імя і імя па бацьку ... *Брэская Ганна*
2. Партыйнасьць і стаж ... *бесп<артыйная>*
3. Праца ў грамадзкіх арганізацыях ... –
4. Узрост ... *1902 год нараджэньня*
5. Якую займае пасаду ... *беспрац<оўная>*
6. Праца ў літ. арганізацыях ... *«Маладняк»*
7. Від творчасці ... *вершы*
8. Ці друкаваўся ... *друкавалася.*

Подпіс <Г. Брэская>
3/II-27 г., г. Полацк».

На наш взгляд, следует обратить внимание на 5-й пункт, поэтесса называет себя «беспрацоўная». Понятие, социальный статус которого трактовался весьма свободно – к безработным относились и вольные слушатели учебных заведений (возможно, А. Бреская и была одной из таких), и женщины, воспитывающие детей (а ведь сыну Максиму в день заполнения анкеты было всего лишь около года).

Однако обратимся к хронологии появления произведений «прыгажуні-палачанкі» (В. Моряков) А. Бреской в печати:

– 1927 г.: газета «Чырвоная Полаччына» на своей «Літаратурнай старонцы» (ее стал редактировать П. Бровка) печатаем стихи А. Бреской – «Зеленый свет» («Зелёны сьвет...»), «над озерами» («Над азёрамі»), «Посвящение Петрусью Бровке» («Прысвячэнне Петрусью Броўку»): «... А па твоему – / усё проста і ясна: / шчасце горн /, а жыццё гэта кузня – / перазвоны, напевы і лязгі / Эх, Пятрусь! Сінявокі Пятрусь мой!»*, и, пожалуй, лучшее в ее поэтическом наследии стихотворение «Настурции» («Настурцыі»)** – своеобразный гимн прекрасному и как жизненной ценности, и как универсальной эстетической категории (...Каб жыць і ня бачыць прыгожага / Лепш прыгожа і раптоўна згарэць...).

И несколько строк из наполненного оптимизмом стихотворения «Зялёны сьвет...»: «Сказала так ... / а песьні звонам сталі / пяшчотных струн крануўся перабор / І дзесьці сум згубіўся і растаяў / Як тае лёд над променем вясной». Стихи Бреской в этом же году («Не – восень на мяне не веяла журбой...», те же «Настурцыі» и «Зялёны сьвет...») будут напечатаны во втором выпуске литературно-художественного альманаха «Расцвет» («Росквіт»);

– 1928 г.: «Чырвоная Полаччына» печатает стихотворение «Сады цветут» («Сады цвітуць...»), навеянного арестом мужа (пусть и не любимого). Пережив неожиданный психологический удар, героиня не ломается и не потеряет мечту найти семейное счастье, она скажет себе: «Сады шумяць / цвітуць сады... / свабодная, свабодная ты, / і пакуль сады яшчэ цвітуць, / сабе каханага найду. / Пайду па сьцежках – травы мяць / і буду, буду цалаваць». (Правда, не известно нашла ли Анна свою мечту, хотя и напишет она в стихотворении «Примитив» («Прымітыў») о некоем комсомольце Янке). В этом же году третий альманах полоцких литераторов «Зарница» («Зарніца») напечатает стихи А. Бреской «Июльское» («Ліпеньскае») и «Красны мак» («Чырвоны мак»).

* Посвящение стало поводом для создания легенды о любовной связи между Бреской и Бровкой. Анна ведь была замужем ... (хотя чего в жизни не бывает ...).

** Распространенный на Белоруссии приусадебный цветок.

Многоплановая тематическая направленность поэтики Анны Бреской не осталась без внимания Максима Горьцкого, который в монографии «Молодняк» за пять лет (1923–1928) («Маладняк» за пяць гадоў (1923–1928)) отметил поэтессу среди авторов, которым присуща «найбольш асабістая лірыка»²⁷.

15 сентября 1928 г. А. Бреская заявила (причина неизвестна) о своем выходе из «Маладняка», хотя продолжала поддерживать с ним связь и печататься в его изданиях (правда, весьма редко? И этот собственно организованный уход от активной общественно-литературной жизни длился чуть более двух лет).

В 1931 г. А. Бреская представит читателю свою лирическую героиню в новом обличье фабричной работницы, которая не просто избавилась от душевного состояния конца 1920-х годов, когда лишь мечталось «... знішчыць мінуўшчыны цень. Расквітацца з жаночай нядоляй...»*. Теперь она заявляет:

*Я стаю ля станка,
усё мацнее рука.
Шэпчуць пасы машын:
ты жыві, ты пішы...*

Эти строки взяты из стихотворения «Хочется жить!» («Хочацца жыць!») (было напечатано в журнале «Беларуская работніца і сялянка» в 1931 г.), на наш взгляд, автобиографического – ведь разговор о недавнем жизненном прошлом ведется от первого лица:

*Помню чорныя ночы бяссонья:
стынь і мгла...
... Я адна...
муж у піўной,
муж з другой.
У калысцы галодны дзіцёнак.
А на сэрцы –
тупы боль...*

Но ведь перед героиней новая явь, в которой и будет она «жыць і славіць вясну маладую». Однако удалось ли ей это осуществить, читатели не узнали – поэтесса Анна Бреская больше не блистает на литературном горизонте, хотя она и продолжала жить в бурлящем литературном Полоцке. Правда, во втором следственном деле С. Бреского (1936) она упоминается, как «пралетарскі пісьменнік Савецкай Беларусі». Запись – записью...

Но ведь надо помнить, что перед белорусскими писателями уже маячил трагический 1937 год. Возможно вспомнили, что и Анна Бреская была

²⁷ Гарэцкі, М. Маладняк за пяць гадоў (1923–1928) / М. Гарэцкі. – Мінск, 1928.

* Стихотворение «Зимнее» («Зімовае») / Альманах «Надзвінне» («Наддзвінне»).

женой «врага народа». Хотя это лишь наше предположение, но «...усё магло быць».

Входившая в состав Витебского филиала «Маладняка», а затем и Витебское отделение БелАПП Бондарина Зинаида Александровна родилась 11(24) октября 1909 г., известна как автор трех книг – «Стихотворения» («Вершы»), изданной «Маладняком» в 1926 г. (в сотрудничестве с Пляфбаум и Вишневецкой), повести «Шумит тайга» («Шуміць тайга») (1928) и наиболее известного стихотворного сборника «Весноцвет» («Веснацвет») (1931).

В 1927 г. окончила Минский белорусский педагогический техникум, в 1933 г. – Государственный институт кинематографии в Москве. После открытия в Витебске кинотехникума работала преподавателем литературы. Студент техникума Григорий Релес оставил такие воспоминания: «Беларускую літаратуру выкладала паэтэса Зінаіда Бандарына. Лекцыі яе праходзілі дужа цікава і ажыўлена. Мы слухалі яе з вялікай увагай. Асабліва было слухаць Бандарыну, калі разглядаліся паэтычныя творы. Вершы чытала натхнёна, з выразнай інтанацыяй».

И это вполне понятно – ведь у преподавателя Бондаринной был, пусть и небольшой, опыт поэта. О том, как критика оценила этот опыт, можно судить по словам опытного М. Горьцкого, в уже упомянутой нами его работе: «Творчасць Бандарынай адрозніваецца ад іншых пісьменнікаў сваёй элегічнасцю, пяшчотнасцю і далікатнасцю» и что в стихах ее звучит «прыгожая ясная думка, але з некаторай нервовасцю» и начинающего критика Э. Голубка, глубоко проанализировавшего поэтический сборник «Веснацвет». Критик, «ничтоже не сумняшеся», следуя правилам БелАППовской риторике, уже в начале статьи выносит первый вердикт: «У даны момант мы маем права патрабаваць ад пісьменніцы, якая працуе ў шэрагах пралетарскай літаратуры (выделено нами. – А.Р., Ю.Р.) рашучага перагляду сваіх ранейшых творчых устаноў і падпарадкавання сваёй дзейнасці патрабаванням сучаснасці», чтобы в финальных строках своего опуса, заявить: «Павярхоўны падыход да з’яў рэчаіснасці, неўсведамленне гэтых з’яў ва ўсёй іх глыбіні накладвае пэўную адзнаку амаль на ўсе вершы Зіны Бандарынай і асабліва на тыя, дзе яна прабуе адбіваць з’явы грамадскага жыцця...»²⁸.

Комментарий, на наш взгляд, один: «БелАПП – за пролетарскую литературу и никакая “элегийность”, личные переживания и настроения ей не нужны» (?) Забыл, видно, Э. Голубок, что З. Бондаринной к выходу из печати «Весноцвета» было-то всего 22 года и мировосприятие поэтессы только складывалось, проходя через душевные поиски, сомнения, размышления о новом, о будущем, неожиданном. Лишь несколько строк из стихотворения «Не тревожь» («Не трывож»):

²⁸ Голубок, Э. Зіна Бандарына. Веснацвет / Э. Голубок // Скрыжалі памяці. З творчай спадчыны пісьменнікаў Беларусі, якія загінулі ў часы Другой сусветнай вайны. – Мінск, 2005. – Кн. 1. – С. 183, 185–186.

*«Загубіліся і зніклі міражы.
Буду цешыцца я будучыняй новай.
У парываннях, летуценнях жыць».*

На наш взгляд, они удачно коррелируются со стихотворением «Стремительность» («Імклінасць»):

*«Я на свет нарадзілася
з бурай,
Каб імкнуцца, тварыць,
кіраваць,
Каб пад гімны
магутных матораў
Для камуны
палац будаваць».*

Не найдем мы в этих стихах растерянности, поверхностности, печали – есть в них авторская позиция, есть мечта, есть жизнь.

Подсластив статью тем, что в «Весноцвете» есть несколько неплохих стихотворений, критик срезюмировал: «Такім чынам, вершы Зіны Бондарынай замест паэтычнай насычанасці ў яшчэ больш падкрэсленым выглядзе даюць нам матывы індывідуалізму, мэты свайго “я”...». Вот, как! И не иначе! Никаких личных устремлений, мечтаний... Есть одно решение: «Даёшь “палітычную насычанасць”!» Думаем, что и сегодняшний читатель понимает, что ни «лозунговость», а «личная творческая позиция» может обеспечить решительный успех.

Заметим, что признанием у читателя пользовались и рассказы З. Бондариной, напечатанные в журнале «Беларуская работніца і сялянка» «Портрет» («Партрэт») (1929), «Радость победы» («Радасць перамогі») (1930), «Первый май» («Першы май») (1933), «Встреча» («Сустрэча») (1934) и др.

После Витебска З. Бондарина окончила аспирантуру при Государственной Академии искусствознания (1937), работала в различных учреждениях культуры России и Соединенной Белоруссии. К примеру, это были и Дом народного творчества в Гродно, и филиал музея Я. Купалы в Вязинке, и газета «Зорька» и «Літаратура і мастацтва». (Думаем, что именно Вязинка и подстегнула Бондарину к написанию повести «Ой, рано на Ивана...» («Ой, рана на Івана...»), посвященной детским и юношеским годам Я. Купалы).

Такой вот увиделось нам жизнетворческая деятельность пяти, более или менее известных поэтесс довоенной Витебщины, творивших для белорусской советской литературы «женское поэтическое лицо». Несомненно были их жизненные пути, их поэтические искания и результаты, но одно – их вклад в тогочасную поэзию был достаточно заметным. А в наше время – он просто не может забыться!

§ 3. Несколько слов о литературоведческих делах

Говоря о поэтически-прозаическом творчестве «маладнякоўцаў», мы непременно должны уделить внимание литературно-критическому и краеведческому направлениям. Тем более, что у наших земляков (уроженцев Поозерья, Подвинья и Верхнего Поднепровья) есть серьезные литературоведческие и научные достижения.

Несколько слов о родившемся в д. Межево Полоцкого района (ныне Россонский район), известном этнографе, библиографе и фольклористе Витебщины 1920–1930-х годов **Александре Иосифовиче Шлюбском** (1897 – начало 40-х годов XX в.)^{*}.

Еще будучи студентом, А. Шлюбский увлекся изучением устного народного творчества и этнографии Витебского Поозерья. Изучал историю белорусской литературы, жизнедеятельность Е. Романова, Н. Никифоровского, В. Добровольского и др. Сотрудничал с журналами общественно-литературного («Полымя», «Узвышша», «Маладняк», «Радавая рунь») и краеведческого направлений («Наш край»), печатался в «Крывічах» и «Савецкай Беларусі». В 1919 г. опубликовал развернутую инструкцию «Сведения по собиранию устного народного творчества в Белоруссии», в 1924 г. издал в Минске книгу «Помещики и крестьяне в первой половине XIX ст.». Автор многих рассказов.

Для витебских читателей особый интерес представляют «Материалы к изучению фольклора и языка Витебщины» (первая часть издана в 1927 г., вторая – в 1928 г.), в которых А. Шлюбский дал подробное описание календарных и семейно-бытовых обрядов, фольклора, некоторых элементов материальной культуры и обыденного («звычайёвага») нрава белорусов. При этом каждому циклу собранных на Витебщине народно-поэтических произведений предшествовала библиография и предисловия, в которых были учтены обрядовые аспекты регионального фольклора. Записи сделаны и напечатаны с учетом диалектических особенностей языка всего Подвинья и Поозерья.

А. Шлюбский был одним из первых белорусских исследователей истоков белорусской художественной культуры. С интересом читаются современниками такие работы нашего земляка, как «Конфискация произведений Дунина-Марцинкевича» (1923), «Новые материалы к истории “Нашей доли”», «К истории конфискации “Нашей нивы”», «Бедуля как этнограф» (1925), «“Мужицкая правда”» К. Калиновского» (1926), «Этнографическая деятельность Добровольского», «Этнографическая деятельность

^{*} После окончания в 1922 г. Витебского отделения Московского архивного института А. Шлюбский активно участвовал в организации архивного дела в Витебске, Полоцке, Орше, Велиже. В 1923 г. приглашен на работу в Минск, в Институт белорусской культуры, в 1929–1930 гг. работал научным сотрудником Института истории АН БССР. Дважды репрессирован (1931, 1935). Погиб в начале Великой Отечественной войны.

Е.Р. Романова», «Набойка» (1928), «Белорусская политическая карикатура: (1905–1907)» и др. Уникальная работа А. Шлюбского «Материалы к белорусской библиографии» (Т. 4. Этнография, 1927) и «Материалы к изучению фольклора и языка Витебщины» (1927–1928. – Ч. 1–2) не утратили научной и общественно значимой ценности до нашего времени.

Весомым является вклад в художественную сокровищницу Витебщины краеведа, лексикографа, искусство- и литературоведа **Николая Ивановича Касперовича** (1900–1937)* (печатался под псевдонимом Василий Горючий). Работа на Витебщине (а она совпала с началом «белорусизации». – *А.Р., Ю.Р.*) позволила Н. Касперовичу подготовить и издать первый краеведческий сборник «Витебщина», перевод на белорусский язык книги немецкого искусствоведа А. Иппеля «Белорусское искусство», нескольких статей по проблемам художественного развития Витебщины. (Например, статья «Витебск как художественная среда» в республиканском журнале «Трыбуна мастацтва»); в 1927 г. в Минске был издан «Белорусско-российский словарь», в котором остро нуждались все кадры управления, культуры, образования, в связи с активной реализацией политики «белорусизации». В 1927 г. Н. Касперович предложил читателю (в первую очередь, витебскому) «Витебский краёвый словарь»**, который и до настоящего времени остается самым авторитетным лексикографическим справочником по поговоркам Витебщины. Может быть поэтому и чтят особо имя Н. Касперовича в северо-восточной части Витебщины: в подготовке словаря участвовали учителя и культработники, которые вместе с автором собрали и обработали 36071 карточку слов, более чем 600 словарных статей от 205 индивидуальных корреспондентов, проживающих в деревнях Езерищенского, Меженского, Городокского, Высочанского, Сиротинского, Суражского и др. советов (и отдельных деревень Кузнецовского района – ныне в составе Российской Федерации. – *А.Р., Ю.Р.*). И, что особенно важно, Н. Касперович не только работал над донесением до рабочих и сельских корреспондентов сведений об истории Витебского края, его выдающихся людях, но и сам обработал 10121 диалектическую единицу. Первым в Белоруссии создал:

– пособие для начинающих литераторов по теории литературы «Образцы для литературных кружков при “Маладняку”» и кружков селькоров» (1927);

– весьма содержательную инструкцию «Как собрать и уложить словарь языка своего района» (1928);

* Н.И. Касперович в середине 20-х годов работал инспектором Витебского отдела народного образования. После первого раскола «Молодняка» в 1926 г. вместе с оршанским «молодняковцем» В. Сташевским вошел в состав его руководства. Часто выступал с критическими и научно-исследовательскими статьями в республиканских журналах.

** Редакторами словаря были Н. Байков и Б. Эпимах-Шипило.

«Материалы к изучению витебской краевой литературы и искусства» (издание 1927 г.);

– «Краеведение» (очерки). – Минск, 1929.

Н. Касперович возглавлял Витебское окружное общество краеведения, действовавшее в 1924–1932 гг. Поставив целью изучение и популяризацию истории, культуры, экономики и природы Витебщины, общество организовывало вечера белорусской песни, экскурсии, лекции, конференции, экспедиции по сбору и изучению белорусского народного искусства и фольклора. Авторитет обществу придавало участие в его работе таких деятелей науки, культуры и искусства, как Б. Брежго, Е. Минин, Ю. Пэн, М. Энде, З. Азгур, М. Керзин, И. Фурман, М. Анцев, В. Адамов и др.

Есть основания утверждать, что деятельность Общества краеведения была значительным вкладом в развитие художественной культуры Придвинского края. Обществом было издано более 10 книг, в т.ч. такие, как «Новая белорусская литература» А. Богдановича, «Крашенина» И. Фурмана, «Гравюры по дереву» З. Горбовца, уникальный научный сборник «Витебщина» в двух томах (1925–1928 гг.).

Общезначимым явлением в культурной жизни Витебска стало создание Витебского отделения Белорусского государственного исторического музея, директором которого в самом начале был Н. Касперович.

Для витебского читателя особо значимы работы Н. Касперовича «Витебская архитектура в исторической перспективе», «На путях к белорусскому искусству», «Художественный “Маладняк”», «Белорусская наука до Октября и после него» (Минск, 1927). Кстати, большая часть из них опубликована в альманахах Витебского «Маладняка» и журнале «Аршанскі маладняк». Специально отметим изданную в 1925 г. вместе с М. Богородским «Библиографию Витебщины», которой и до наших дней пользуются краеведы и историки Витебска и Витебской области. Заметим, что Н. Касперович в 1920-е годы был одним из немногих белорусских авторов, кто переводил на белорусский язык труды В.И. Ленина*.

Сегодня мы уверенно можем сказать, что в истории художественного развития Витебщины фактически забыто имя уроженца д. Новое Село Бешенковичского района, литератора и историка-краеведа, активного автора «Аршанскага маладняка» **Данилы Миновича Василевского** (1889–1963)**. Еще в дореволюционное время печатался в журнале «Школа и жизнь» (псевдоним Н. Добрознавский), газете «Наша ніва» (псевдонимы Щедрый («Шчодры»), Витень («Вітэнь»). Будучи студентом Витебского учительского института, увлекся изучением фольклора, этнографии, а впоследствии и историей дооктябрьской белорусской литературы.

* Новая экономическая политика. Статьи и речи. – Минск, 1926.

** Лишь пройдя кандидатский стаж, Д. Василевский стал членом Оршанского «Маладняка» (1925 г.). Арестован в 1936 г., осужден в 1937 г. на 10 лет лишения свободы и 5 лет лишения избирательных прав. Реабилитирован в 1956 г. Умер и похоронен в Феодосии.

Работа Д. Василевского в Полоцке, накопленные им знания в области изучения фольклора и народного творчества позволили выступить организатором «Оршанского окружного общества краеведения» и «Витебского губернского бюро краеведения» (1923), работавшего в прямой связи с «Инбелкультом» в Минске.

Популярностью у читателя пользовалась краеведческая работа «Лечебник Анны Шаранды» («Лячэбнік Ганны Шаранды»), по которому местные знахари лечили людей. Д. Василевский называл «Лечебник...» памятником «волшебствующей литературы» конца XVII – начала XVIII в.

Лишь 15–20 лет назад в национальную культуру белорусов возвращено имя первооткрывателя белорусской прозы и знатока-фольклориста и поэта Яна Барщевского. А ведь по сути своей возратить это почетное имя в историю белорусской литературы предложил рядовой учитель, любитель фольклорного творчества белорусов Д. Василевский.

Думается, что не только «хрущевская оттепель», а события более близкие позволили углубиться в историю художественно-литературного развития. Вот поэтому стали читать стихи, искать и публиковать забытые (казалось бы. – *А.Р., Ю.Р.*) материалы.

Д. Василевский, в отличие от тех литераторов, кто ни в послереволюционное, ни в послевоенное время не предложил современнику свое видение исторического развития и литературно-художественного творчества, уже в середине 1920-х годов стал исследовать художественное наследие белорусов. Знакомство современников с его работами совпало с периодом «перестройки» в 80-е годы XX в., когда исследователям и читателям представилась возможность почитать опубликованные во второй половине 1920-х годов статьи Д. Василевского: «Поэт Я. Барщевский о Белоруссии»^{*}: (с собственных листов его к госпоже Корсак)^{**}, «Новые материалы творчества Яна Барщевского»^{***}, «Под охраной родной песни (из переписки Яна Барщевского)»^{****}.

Осмысление творческого наследия Я. Барщевского и материалов Д. Василевского, активность преподавателей и сотрудников УО «ВГУ им. П.М. Машерова» стали побудительным мотивом для организации чтений, посвященных творчеству Яна Барщевского, которые университет проводит уже более десяти лет.

Отметим и то, что Д. Василевский пытался установить время написания поэмы «Тарас на Парнасе». В статьях «Тарас на Парнасе» в свете краеведения»^{*****} и «Артем Игнатъевич Вериги и его литературно-

^{*} Заметим, что за публикацию этих статей Д. Василевский получил «разнос» на страницах газеты «Звезда» от 18 августа 1929 г. в статье некоего Е. Челядинского «Нужна решительная реорганизация». Д. Василевский был обозначен как разносчик «национал-демократизма».

^{**} Аршанскі маладняк. – 1925. – № 2.

^{***} Польша. – 1925. – № 5.

^{****} Маладняк. – 1928. – № 1.

^{*****} Наш край. – 1929. – № 5.

общественная значимость»^{*****} он ошибочно приписывал авторство поэмы А. Вериги-Доревскому.

Наш земляк, один из немногих «маладнякоўцаў», изучал историю Орши («3 гісторыі Воршы»^{*****}), редактировал первый краеведческий сборник «Аршаншчына» (1926), проявлял интерес к археологии, участвовал в раскопках впоследствии широко известной верхнепалеолитической стоянки первобытного человека у д. Бердыж в Гомельской области.

В когорте тех, кто напрямую был связан с литературно-творческим процессом в сфере прозы (романы, повести, рассказы, очерки и т.п.) особое место принадлежит уроженцу д. Алексиничи Сенненского повета Могилевской губернии (ныне Сенненский район Витебской области), литературоведу и критику **Михаилу Николаевичу Пиотуховичу** (1891–1937).

М. Пиотухович имел основательную научно-теоретическую подготовку: окончил Могилевскую духовную семинарию, Нежинский историко-филологический институт, стажировался в Петербургском университете для получения профессорского звания на кафедре русского языка и словесности.

В 1921 г. избран членом Научно-терминологической комиссии, а в феврале 1922 г. в должности научного сотрудника принят на работу в Инбелкульт.

С 1925 г. М. Пиотухович – действительный член Инбелкульта, с 1929 по 1936 г. – действительный член АН БССР. Свою научно-исследовательскую работу М. Пиотухович вел параллельно с педагогической. Он работал преподавателем белорусской литературы в Белпедтехникуме, доцентом и профессором кафедры белорусской литературы в БГУ имени В.И. Ленина, был заместителем декана педагогического факультета. В начале 1930-х годов вынужден был уехать из Белоруссии – комиссия по чистке и проверке АН БССР обвинила ученого в том, что его труды «являются боевым оружием национал-демократизма», а сам он повинен в своем «непролетарском происхождении» (М. Пиотухович родился в семье православного священника). В январе 1937 г. М. Пиотухович был арестован, а в декабре – расстрелян. Реабилитирован в 1957 г.

Литературоведческую деятельность М. Пиотухович начал в 1921 г., когда в печати появилась его первая научная статья «Природа в творчестве Я. Коласа». Примером для начинающих критиков служили лучшие статьи М. Пиотуховича, посвященные творчеству Я. Купалы, М. Богдановича, Ядвигина Ш., Т. Гартного, М. Чарота, П. Труса, К. Чорного, З. Бедули, М. Лынькова. Справедливости ради заметим, что в отдельных статьях М. Пиотуховича отмечается псевдореволюционное экспериментаторство, упрощенная, с вульгарно-догматических позиций трактовка художественного наследия. К примеру, в статьях, опубликованных в журнале «Полы-

^{*****} Полымя. – 1929. – № 6.

^{*****} Наш край. – 1926. – № 2–3.

мя» в 1923 г., М. Богданович называется «скептиком и пессимистом», «сторонником чистого искусства – искусства для искусства».

М. Пиотухович одним из первых белорусских ученых исследовал деятельность Ф. Скорины. В связи с 400-летием белорусского книгопечатания издал свою работу о нем. Наш земляк был редактором-составителем историко-литературной хрестоматии «Выписы из белорусской литературы: новый и новейший круговороты».

Широкая эрудиция, умение видеть литературный процесс в совокупности фактов и движений литературных течений наиболее ярко проявились в систематизированном труде «Очерки истории белорусской литературы: Обзор литературно-идеологических течений (XIX и начала XX ст.)», часть 1. Книга была столь популярной, что стала наиболее распространенным учебником по истории белорусской литературы.

Особо следует отметить тот факт, что М. Пиотуховичу удалось сохранить и описать рукописи одного из известнейших деятелей белорусской художественной культуры, уроженца Витебщины А. Рыпинского. Книга М.Н. Пиотуховича «Рукописи А. Рыпинского» была опубликована в 1990 г.

Не порывал связей и в послереволюционные, и в 1920–1930-е годы с родной Полотчиной известный деятель белорусской культуры, издатель, фольклорист, языко- и литературовед **Бронислав Игнатьевич Эпимах-Шипило** (1859–1934)*. Особенно активными были его контакты с земляками (литераторами, работниками библиотек, учителями) после 1925 г., когда Б. Эпимах-Шипило переехал из Петербурга в Минск и был избран действительным членом Инбелкульта. В 1927 г. под его редакцией был издан «Витебский краевой словарь М. Касперовича», ставший заметным явлением в художественной культуре Витебщины.

В 1929 г. передал в Академию наук БССР ценную личную библиотеку, которую собирал всю жизнь, – более 5 тыс. томов, главным образом по белорусоведению.

В начале 1930 г. репрессирован и выслан за пределы Белоруссии. В опубликованном в 1989 г. в журнале «Спадчына» письме к своему духовнику В. Шутовичу Б. Эпимах-Шипило писал: «Выпущенному (из следственного изолятора. – А.Р., Ю.Р.) сказано мне оставить Менск. И я должен выехать в Ленинград, где оказался выброшенным на асфальт... не могу найти не только квартиры, но даже и комнатки. И, возможно, придется умереть где-либо на улице, с голода и холода». Так оно и случилось: Б. Эпимах-Шипило умер в середине 1930-х годов фактически бездомным. Могила белорусского просветителя XX в. до сих пор неизвестна.

Вместе с Б. Эпимах-Шипилой в Инбелкульте активно работал уроженец Дисненщины (ныне Миорский район) старейший белорусский литератор, издатель, журналист, ученый **Вацлав Юстинович Ластовский**

* О дореволюционной деятельности Б.И. Эпимах-Шипило и В.Ю. Ластовского мы писали в книге «Художественная культура Витебщины: Поозерье, Подвинье, Верхнее Поднепровье». – Витебск, 2008.

(1883–1937). Возвратившись в апреле 1927 г. из Литвы в Белоруссию, он активно занимался проблемами развития национальной художественной культуры. В. Ластовский работал директором Белорусского художественного музея, секретарем Академии наук БССР, в 1928 г. избран академиком. В 1937 г. репрессирован. В. Ластовский в послереволюционные годы издал несколько книг, сыгравших важную роль в духовной жизни Белоруссии. В первую очередь, назовем «Историю белорусской (кривской) книги» (1926), раскрывающую развитие белорусской грамотности с древности до конца XVIII в. (специалисты считают, что и до настоящего времени – это «одна из наиболее солидных книг во всей истории белорусского литературоведения»), «Русско-белорусский словарь» (1924), несколько учебников по истории и культуре (1922–1927).

Активную литературно-критическую деятельность вели и сами «маладнякоўцы». О том, насколько остро ставились проблемы объективности литературной критики, свидетельствует статья М. Гончарика в альманахе «Аршанскі маладняк» (1927, № 6). «Молодая современность о нашей критике» («Маладая сучаснасць аб нашай крытыцы»): «То, что в нашей литературной современности часто претендует на критику, в значительной своей части является по своей сути не положительным, а отрицательным фактором нашей литературной жизни, ибо являясь в большей части субъективной, построенной на личных подходах к автору произведения, такая критика обычно ставит целью или удовлетворение (приятельское) автора, или сведение с ним личных расчетов, часто переходя на страницах нашей периодической печати в очевидную ссору в виде памфлетов, фельетонов и др.».

Сам характер молодой «маладнякоўскай» (в том числе и витебско-полоцко-оршанских «маладнякоўцаў») литературы хорошо определил один из популярных критиков 1920–1930-х годов А. Бабарека: «...первым словом их на свободе – была радость, радость великая, неожиданная, бодрость непомерная, юношеский восторг, пафос борьбы и полная грудь самых светлых надежд на будущее...»

Требовательным и принципиальным критиком проявил себя постоянный автор «Аршанскага маладняка» А. Лесной (псевдоним А. Мордвилка). Особенно выделяются его статьи, посвященные разбору повести З. Бедули «Соловей» и романа К. Чорного «Сестра».

Молодой критик **Юрка Гаврук**^{*} из Оршанского «Маладняка» (выпускник института им. В. Брюсова в Москве), отмечая несомненную ценность произведений современных ему белорусских литераторов (К. Крапивы, М. Громьки, М. Горецкого, М. Чачота), писал, к примеру, о творчестве К. Крапивы: «У Крапивы богатый, на редкость сочный лексикон. Белорусский язык, свободный от всяких искусственных нагромождений, у него очищается

^{*} Ю. Гаврук известен также как поэт и прозаик, литературный и театральный критик, переводчик и теоретик художественного перевода.

до кристальной конкретности. Каждое произведение, доведенное до поговорки, сжато до цитаты – черта общая для всех хороших баснеписцев». Выступая за чистоту языка, Ю. Гаврук требовал от авторов бережного отношения к слову, ухода от искусственности и надуманности. В статье «Проблемы таланта», посвященной поэме Я. Коласа «Сымон-музыка», Ю. Гаврук однозначно заявляет (в противовес тем, кто упрекал Я. Коласа в восславлении патриархальной жизни, умилении перед народной жизнью и т.п.): «Белорусская дореволюционная жизнь не выходила из рамок детской качалки, мы не имели еще своего макрокосма, так как не знали своей судьбы...». И далее продолжает: «За двадцать лет своей литературной деятельности Якуб Колас многое сделал, чтобы возвести белорусское художественное слово на уровень других культурных народов, смог в своем творчестве показать великую красоту и богатство белорусского языка»²⁹.

Принципиальной и требовательной оставалась позиция Ю. Гаврука и в отношении к творчеству коллег-литераторов по «Аршанскаму маладняку». Рецензируя первую книгу рассказов В. Коваля «Как весну зазывали», критик прямо советует: «Автору следовало бы сбросить с себя пасторальную одежду сентиментальности (...)» Народный поэт БССР Н. Гилевич называет Ю. Гаврука человеком высокой духовной культуры, «верным рыцарем поэзии и искусства», который «руководствовался лишь одним: горячей и убедительной заинтересованностью в том, чтоб было лучше для поэзии, для родной белорусской культуры».

Бюро ЦК КП(б)Б в декабре 1928 г. приняло резолюцию «О белорусской литературной, художественной и театральной критике», в которой резко осуждались субъективизм, групповщина в критике, указывалось на необходимость ориентироваться на «самостоятельный путь развития белорусской культуры» и активно вести работу по «разрыву с традициями провинциальной ограниченности и рабского копирования». Официально – это была поддержка молодой литературно-художественной критической мысли; неофициально – речь шла об укреплении антибелорусских тенденций и партийного контроля над художественной жизнью Белоруссии.

Приход в литературу людей, плохо владеющих культурой языка, культурой слова, все же оказал негативное влияние на формирование творческого кредо «маладнякоўцаў», выразившееся в отрицании ими достижений белорусской и мировой художественной культуры, нигилистическом отношении к дореволюционному творчеству даже таких авторов, как Янка Купала, Якуб Колас, Максим Богданович. По сути «маладнякоўцы» заявили о себе как о единственных творцах новой литературы, претендовали на полную монополию в литературном творчестве. М. Лыньков вспоминает: «Само “ниспровержение” шло иногда не от разума, не от сердца, а было чаще всего позой, определенной только данью моде, отрыжкой, эхом

²⁹ Аршанскі маладняк. – 1926. – № 3(5).

пролеткультовских “теорий”, футуристских наскоков на классическое наследие в литературе, отметками разных других “измов”, пишущих в литературной атмосфере того времени».

По-своему отражали преобразуемую действительность поэты-«маладнякоўцы». Новая экономическая политика и начало белорусизации, строгая регламентация поэтики большевистской идеологией и массовый приток в литературу новых поэтических талантов, расцвет поэзии в условиях существования двух великих идей – национального возрождения и революционного преобразования мира – все это было настолько неожиданным, а иногда и непонятным, что порождало в творческой среде ощущение растерянности, неуверенности и незащищенности Человека. Поэтому в «маладнякоўскай» поэзии середины и второй половины 1920-х годов тесно переплетаются революционный поэтический авангардизм (наиболее ярким представителем выступает один из руководителей белорусского «Маладняка» М. Чарот, который «первым на белорусской пашне осуществил на практике марксистский взгляд на литературу, как на оружие классовой борьбы» (А. Бабарека) и непонимание исторической роли Октябрьской революции для Белоруссии, отрицание культурно-исторического наследия прошлого и стилизация народных преданий, апокрифические элементы сюжетно-композиционного строения, образы народной фантазии и мифотворчества.

* * *

Конечно, становление новой литературы, поиск новых форм, новых способов и средств художественного выражения, соответствующих массовому революционному подъему для поэтов, прозаиков, литературоведов, критиков Витебщины середины и второй половины 1920-х годов не были простыми и безболезненными. Были колебания, ошибки, были срывы и неудачи. Как выяснилось, организационные рамки, сыгравшие положительную роль на этапе выявления и консолидации молодых литературных сил, уже к началу 1927 г. оказались неэффективными – «Маладняк» как литературная организация, неоднородная по своему социальному составу, по характеру творческих устремлений, по отметкам художественного стиля, наконец, по уровню литературной квалификации, уже не мог оставаться организационно единым целым. Первый раскол произошел в мае 1926 г. (вышедшая из «Маладняка» группа поэтов и писателей в количестве 9 человек создала свое литературное объединение «Возвышенность» («Узвышша») со своим печатным органом такого же названия); на рубеже 1927–1928 гг. происходит второй раскол (из «Маладняка» вышло руководящее ядро – М. Чарот, А. Дудар, А. Александрович и др., которые вместе со старейшими писателями и поэтами, не входящими ни в одно из объединений, – Я. Купала, Я. Колас, Т. Гартный и др. – создали новое литературное объединение

«Полымя»; наконец, 28 ноября 1928 г. «Маладняк» реорганизуется в БелАПП («Белорусскую Ассоциацию пролетарских писателей и поэтов»).

Процесс распада захватил и филиалы «Маладняка», действующие на Витебщине. В мае 1926 г. выходит из «Маладняка» В. Дубовка, на рубеже 1927–1928 гг. организацию покидают А. Дудар, А. Александрович, М. Зарецкий, В. Сташевский, весной 1927 г. из «Молодняка» исключаются (по словам А. Дудара, «слабонадежные») А. Звонак, Т. Кляшторный, В. Моряков, П. Шукайло, В. Коваль.

Мы хотели бы сослаться на мнения участников того исторического времени, которое породило и витебско-полоцко-оршанский и первые белорусские литературные альманахи «Наддвинье», «Рассвет» (полоцкий и витебский) и «Аршанскі маладняк», чтобы почувствовать их роль и значение для становления новой белорусской литературы.

Народный писатель БССР, активный «маладняковец», уроженец Лизненщины Михась Лыньков* считал, что: «...для творчества большинства маладняковцев была характерна определенная непосредственность, искренность, увлечение новой жизнью, глубокий оптимизм, молодой энтузиазм, стремление отдать все силы революции, народу». И далее подчеркивает: «Не хватало почти всем образованности, эрудиции, литературного опыта». С присущей ему открытостью Лыньков писал: «Творчество большинства маладняковцев желало много лучшего. Много здесь было примитивного, поверхностного». «Для многих маладняковцев, – писал М. Лыньков, – не ясными были пути развития советской литературы, выявлялся вульгарно-социологический подход к литературным явлениям, недостаточное освоение марксистско-ленинского учения. Сама массовость... создавала определенные трудности в развертывании творческой работы. По характеру своей деятельности “Маладняк” похож был на культурно-просветительскую организацию, чем творческую». Из отрицательных черт в деятельности «Маладняка» Лыньков отметил «недостаточное изучение жизни», эмпирический подход в ее отражении, прямолинейность, попытки «лобового решения сложнейших проблем, небогатый запас общих знаний», обычную ограниченность и эмоциональную близорукость. Обобщая, М. Лыньков иронически замечает: «Шумели, шумели здорово... Чего-чего, а шуму было много. Братия была неугомонная».

Воспитанник Полоцкого «Маладняка» Семен Хурсик, вспоминая начало своего творческого пути, отмечает: «Вообще мы, писатели, очень дружные были, как дети одной матери. Правда, немного злились на “возвышенцев” (члены литературного объединения “Узвышша” за их, на наш “белапповский” взгляд, мелко-шляхетский гонор...»

Писатель Я. Скрыган, выходец из Полоцкого «Маладняка», отмечает: «По существу до “Маладняка” литературное движение было стихий-

* Был организатором филиала «Маладняка» в Бобруйске.

ным; мы знали лишь символы литературной жизни Белоруссии – Я. Купалу, Я. Коласа, З. Бедулю. С “Маладняком” же литературная жизнь стала фактом общественного звучания». И далее, рассуждая о влиянии официальных установок, теоретических положений, эстетических программ, пишет: «Никаких установок не помню; теоретические взгляды разделял; понимал их как потребность славить революцию, романтику подвигов, борьбу с классово чуждым, мещанским, отжившим».

Сохранились и коллективные мнения. К примеру, в резолюции Витебской окружной конференции «Маладняка» (ноябрь 1925 г.) отмечалось, «что “Маладняк” в целом и Витебский филиал, в частности, все время ведут правильную линию в борьбе со старыми белорусскими культурниками» (из архива “Маладняка”). В шестом номере “Маладняка” за 1925 год можно прочесть: «Мы – молодняк этих новых всходов и разрастаемся на полях (загонах) белорусского художественного творчества, удаляя всю горечь (чэмер) и полынь, что отдают затхлостью минувшего».

Причины и последствия дифференцирующих процессов в белорусской советской литературе изучены. Для нас же важно то, что получившие творческое «благословение» в рамках «Молодняка» и заявившие о себе интересными произведениями поэты и писатели сохранили верность «маладнякоўскім» витебско-полоцко-оршанским традициям, развивая их в рамках других писательских объединений («Узвышша», «Полымя» и др.).

Подытоживая, можно отметить, что консолидация творческих сил, продолжавшаяся в рамках «Маладняка» чуть более 5 лет, позволила создать на Витебщине литературную летопись революционной борьбы и социалистического строительства, создать образ нового человека, начавшего движение по неизвестному ранее пути. В противостоянии с болезненными настроениями пессимизма и разочарования, «привкуса» мещанства и пьяной богемщины, влиянием формализма складывалось литературное пространство Витебского края, из которого в национальную литературу выйдут писатели, поэты, драматурги, составившие впоследствии золотое ядро художественной культуры Беларуси.

Литературная жизнь Витебщины формировала духовно-нравственное пространство новой художественной культуры Советской Белоруссии. Именно творчество молодых (начинающих) литераторов (в содружестве с мастерами поэтически-прозаического творчества) было и примером, и образцом для самореализации начинающих авторов в разных сферах и жанрах искусства. Связав воедино литературное творчество с жизнью, непознанной, развивающейся по неизведанному историческому пути, поэты и прозаики, драматурги и литературные критики рисовали богатейшую палитру творческих сил и возможностей раскрепощенных людей, сохраняя за собой и в конце 1920-х годов право на ведущую роль в формировании социалистической художественной культуры в Придвинско-Поозерском и Верхне-Поднепровском регионах Белоруссии.

Репозиторий ВГУ

ГЛАВА III ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ВИТЕБЩИНЫ В 1930-е годы

При анализе литературной жизни на Витебщине в 1930-е годы мы видим почти полное отсутствие публикаций как о деятельности БелАППа (1928), так и о Витебской ассоциации пролетарских писателей (1932). Однако в условиях сегодняшнего дня, в условиях создания истории суверенной Беларуси хотелось бы видеть не только общие процессы (они достаточно широко отражены в советских историко-литературных исследованиях), а их конкретику, их реализацию именно на белорусской почве. Именно поэтому скрупулезно (иногда выделяя, может быть, несущественные детали) ведем свое исследование, чтобы показать: мы не были теми, кто, получив русскую художественную культуру в готовом виде, переложил ее на белорусскую «глебу» в сложных условиях социалистических преобразований; мы сами создавали новую культуру, проходя испытания историей и временем.

Пережив в течение 5 лет период становления, взлета и распада, «Маладняк» в конце 1928 года реорганизовался в БелАПП (Белорусскую ассоциацию пролетарских писателей и поэтов)*.

Следует особо подчеркнуть, что именно в недрах «Маладняка» возникли новые литературные объединения – «Белорусская литературно-художественная коммуна» («Беларуская літаратурна-мастацкая камуна»), «Возвышенность» («Узвышша»), «Пламя» («Полымя»). Многие писатели, поэты, драматурги переходя из «Маладняка» в новые организации, так и оставались в плену непонимания, противоречий, возникших в бывшей единой писательской организации.

Для более определенной ориентации современного читателя в литературных спорах второй половины 1920-х годов приведем один из тезисов инициаторов создания литературно-художественного объединения «Возвышенность», опубликованных в журнале «Узвышша»: «Выказваньне

* Одним из организаторов и руководителей БелАПП был человек драматической судьбы, уроженец Дисненщины (ныне Миорский район) Иван Михайлович Лимановский (1896–?). Член РСДРП с марта 1918 г., участник боевых действий против немецких и белопольских войск, военный комиссар дивизии. Написал повести «Найденные сокровища» («Знойдзеныя скарбы»), «Ветер с востока» («Вецер з усходу»), «Два пути» («Два шляхі»), роман «Над обрывом» («Над абрывама»). Печатался в альманахах Полоцкого филиала «Маладняка». Увлечшись принципами РАППовского (и БелАППовского. – *А.Р., Ю.Р.*) руководства, в начале 30-х годов «громил» попутчиков, «вяскоўцаў», был активным сторонником «ударничества» в литературе («Звезда». – 1931. – 20 янв.). Хотя и против него печатались разгромные статьи. (Например, Клімковіч Н. Нацдэмаўскае і трацкіскае ахвосце – вон з літаратуры: (Да пытання аб прыбыванні ў Саюзе савецкіх пісьменнікаў БССР Я. Ліманаўскага) // ЛіМ. – 1937. – 23 ліп.). Тем не менее в конце 1930 г. Я. Лимановский занимал высокую должность заместителя директора Института литературы и искусства АН БССР... И в то же время – «бегун» сначала в Германию (1944), а затем эмигрант в США. Член эмигрантского правительства БНР (хотя впоследствии и вышел из него)... В эмиграции литературной деятельностью не занимался.

паэтаў і пісьменнікаў фактамі з'яўлення саміх творцаў на конт пытання аб беларускім пралетарскім мастацтве выявіла патрэбу ў такім мастацтве, якое б замяніла сабою рэлігію, забабонасць і ўсё, што з іх вынікае, і якое-б арганізавала рытм жыцця на сацыялістычных пачатках. Гэта мастацтва павінна быць работніцкім і сялянскім па матар'ялу, культурным па спосабах апрацоўкі матар'ялу і клясава-пралетарскім па сваёй ідэянасці і духу (мастацкае выражэнне усвядомлення сябе, як клясы для сябе). Яго "форма" – нацыянальная, "змест" – пралетарскі. Яно па сваёй культуры і глыбіні адбітку жыцця павінна стаць вышэй мастацтва як буржуазнага, так і сучаснага, якое часта выдае сябе за пралетарскае, гэтакім не зьяўляючыся. Яно павінна стаць адным з тых фактаў агульнай беларускай творчасці, які скажа ўсяму свету, што могуць утварыць работнікі і сяляне, калісь прыгнечанай нацыі, які скажа, што работнікі і сяляне гэтай нацыі маюць багатую фармальную культуру, якая з культурамі іншых, раней прыгнечаных нацый, ідзе на змену, "закатам" розных "вялікіх Эўропаў". Мастацтва павінна быць узвышаным»³⁰.

Сітуацыю, сложившуюся в «Маладняке», и его филиалах к середине 1928 г. как бы предвосхитило Постановление ЦК КП(б)Б от 26 мая 1928 г. «О белорусской литературно-художественной и театральной критике», явившееся логическим развитием позиций, сформулированных в резолюции ЦК РКП(б) от 18 июня 1925 г. «О политике партии в области художественной литературы». Предостерегая белорусских авторов, в т.ч. и специалистов в области критики, постепенно подпадавших под влияние РАППа (Российской ассоциации пролетарских писателей. – *А.Р., Ю.Р.*), утверждавшего **в теории литературно-художественного творчества, казалось бы, перспективный диалектико-материалистический творческий метод*** с его теорией живого человека и углубленного психологизма (на начальном этапе своего развития сыгравшего положительную роль – за лозунгами и призывами стояла живая творческая практика, стремление обратить внимание писателя на правдивое, реалистически-конкретное отражение действительности), **а на практике, исповедовавшего субъективизм, групповщину и сектантство****. Постановление ЦК КП(б)Б, на наш взгляд, сыграло в конце 1920-х – начале 1930-х годов важную роль в нормализа-

³⁰ Узвышша. – 1927. – № 1.

Печатается на языке оригинала – программном заявлении (тезисах) «Ад беларускага літаратурна-мастацкага згуртавання "Узвышша", датированном 26 мая 1926 г.

* «Пролетарская литература должна показывать живых людей, но не однообразных плакатных героев, «ужасно» выдержанных людей, у которых не бывает ни ошибок, ни даже маленьких отрицательных черточек, или героев – односторонних преступников, у которых нет ничего человеческого. Такие герои фальшивые и не убеждают читателя», – так на страницах журнала «Маладняк» (1930. – № 4. – С. 9–10) разъяснялся смысл понятия «диалектико-материалистический метод».

** Небезынтересно и то, что руководство РАППа особенно негативно относилось к тем литературным группам и объединениям, в которых писатели отображали жизнь деревни и сами были выходцами из крестьянской среды. В Белоруссии не в угоду РАППу и социальный писательский состав, и содержательная сторона литературных произведений были соотносимы именно с деревенской тематикой.

ции литературной жизни в Белоруссии. Знакомство с этим документом, его оценка с научных позиций позволяет и сегодня быть уверенным в том, что предпринимаемые партией меры были актуальными и злободневными, направленными на формирование национальной художественной культуры, в т.ч. литературы и литературно-художественной критики. Вот лишь несколько положений, подтверждающих наши выводы.

Во-первых, постановление фиксировало достижения белорусской художественной литературы, выражающиеся «в создании кадров писателей, творчество которых созвучно нашей эпохе, в приближении к современности старых писателей, в наличии ценных как по содержанию, так и по форме литературных произведений, в крупнейших достижениях в литературной форме, в выявлении нового писательского молодняка из рабочих и крестьян, в увеличении тиража литературных произведений, в увеличении кадра читателей из пролетариата, крестьянства, рабоче-крестьянской молодежи».

Во-вторых, открыто признавало недостатки, присущие непосредственно критике в области литературы и искусства. Основными из них называются:

– почти полное отсутствие марксистских критиков среди старшего поколения белорусских писателей (а это ведь так и было. – А.Р., Ю.Р.);

– неудовлетворительное преподавание истории, социологии и искусства в высших учебных заведениях для подготовки зрелых литературоведов и почти полное отсутствие исследовательской работы марксистов в области белорусской литературы (перестройки высших учебных заведений вели к полному отсутствию стабильно изучаемых учебных курсов. – А.Р., Ю.Р.);

– недостаточное привлечение к литературной и художественной критике наиболее квалифицированных в этой области коммунистов, недостаточный культурный уровень и недостаточная марксистская, а временами и литературно-художественная подготовленность молодых марксистов, работающих в области литературной и художественной критики;

– неумение театральной и кинокритики как в газетах, так и в журналах решить даже свои профессиональные задачи;

– увлечение психологически-эстетическим подходом к оценке литературных и художественных произведений, диалектизмом, выдаваемым за марксистскую оценку творчества, а в итоге, направляющим белорусское искусство на ложный путь развития, уводя его от современности социалистического пути развития.

В-третьих, постановление без лакировки и приукрашивания оценивало сложившуюся ситуацию, в которой «белорусская литературная и художественная критика не играет ... той роли, которую она должна и могла бы играть как в отношении к литературе и искусству, так и в деле организации широких слоев трудящихся вокруг литературы и искусства».

Вполне обоснованным является и вывод о том, что все это, вместе взятое, достаточно часто способствовало появлению негативных тенденций, а именно – *безосновательному делению отдельных писателей на очень близких пролетарской литературе или чуждых нам на основании выхваченных строк из контекста отдельных произведений писателя; безосновательному квалифицированию или деквалифицированию художественных достижений того или иного писателя и т.д.*

Среди конкретных мер, призванных улучшить литературно-художественное воспитание писателей и критиков (в первую очередь, молодых), предлагалось:

- организовать Дом писателей для улучшения воспитательной и литературной работы;
- укрепить отделы литературной и художественной критики членами партии, работающими в сфере культуры или имеющими «склонность к литературному и художественному творчеству»;
- принять меры «по созданию национального по форме и пролетарского по содержанию театрального и кинорепертуара»;
- развить народную инициативу в обсуждении театральных и кинопостановок как в прессе, так и на отдельных собраниях «при рабочих клубах и при общественных просмотрах»;
- содействовать «такому развитию крестьянской литературы, чтобы она была проникнута глубоким осознанием необходимости прочного союза рабочего класса и крестьянства и энтузиазмом эпохи социалистического строительства...»*.

Мы обратились к этому документу не случайно. Практически за полгода до роспуска «Маладняка» были определены основные направления в развитии литературно-художественного процесса в Белоруссии. Теперь доподлинно установлено, что «Маладняк» к середине 1928 г. (в реализуемой им программе) шел к тупику в своем развитии. Предложив свое видение дальнейшего становления художественной культуры, литературы**, специалисты-партийцы (из ЦК ВКП(б)Б) и новых литературных объединений) не вмешивались, не навязывали своей точки зрения на творчество и критику, они ориентировали, подсказывали, иногда предупреждали (это ведь 1928 г.!) о необходимости понимания творцом происходящих в стране процессов (тем более критиком его творчества. – *А.Р., Ю.Р.*) и объективного их воссоздания.

Прошедший 25–30 ноября 1928 г. первый съезд БелАПП принял документы, определяющие суть, цели и задачи новой литературной органи-

* Этот пункт, на наш взгляд, напрямую направлен против РАППа, отрицающего необходимость отражения жизни деревни как мелкобуржуазного уклада и отказывающего писателям-«деревенщикам» в праве на публикации.

** В целях изучения опыта работы российских писателей в апреле–мае 1928 г. в заседаниях Всесоюзного съезда пролетарских писателей в Москве приняли полоцко-витебско-оршанские «маладнякоўцы» М. Лыньков, Е. Мазуркевич, А. Вечер, В. Коваль, Г. Мурашка.

зации. В декларации съезда было прямо заявлено, что БелАПП «растет» из литературного «Маладняка»: «Первый съезд Белорусской ассоциации пролетарских писателей, соединив в своих рядах все национальные отряды пролетарских писателей и вступая в новый этап творчества и борьбы за чистоту пролетарской идеологии, заявляет, что тем корнем, из которого выросла Белорусская ассоциация пролетарских писателей, была, главным образом, организация пролетарских писателей “Маладняк”».

Цель и задачи БелАПП кратко формулировались следующим образом: «Съезд декларирует, что, продолжая все славные традиции “Маладняка”, Белорусская ассоциация пролетарских писателей будет и дальше с еще большей энергией бороться за качество произведений пролетарских писателей и их идеологическую выдержанность»*.

О том, что наблюдалось следование определенным традициям «Маладняка», свидетельствует определение в качестве печатного органа БелАППа «молодняковского» журнала «Маладняк».

И действительно, следуя программным заявлениям, БелАПП немало сделала для укрепления идейных позиций белорусской советской литературы. Речь идет, *во-первых*, о твердом и последовательном отстаивании принципов партийности, коммунистической идейности литературы в борьбе против враждебных влияний буржуазной идеологии; *во-вторых*, о развенчании вредных национал-демократических теорий; *в-третьих*, об ориентации писателей на активное участие в жизни общества, обращении их к современности, к проблемам социалистического строительства. В этом, пожалуй, и состоит положительная миссия БелАППа.

О том, что значило преобразование БелАППа в единую писательскую организацию, можно судить, хотя бы по словам такого авторитета, как К. Крапива: «Ощутить себя не “попутчиком”, а полноправным членом писательской семьи было для меня большим моральным удовлетворением» (Савецкія пісьменнік». Аўтабіяграфія).

Разграничение творческих сил, создание новых литературных объединений происходило не только по чисто творческому принципу или по степени мастерства писателей и поэтов, но и по идейной близости, идейной направленности тех или иных группировок. Если судить с высоты сегодняшнего дня, то объединение творческих сил в самую крупную по тому времени писательскую организацию БелАПП было на определенном этапе литературной жизни Белоруссии явлением необходимым и закономерным. И это особенно заметно на первом этапе деятельности БелАППа в 1928–1930 гг., когда ассоциация, несмотря на внутренние противоречия, проводила значительную работу по созданию пролетарской литературы, укреплению ее идейных позиций, содействовала объединению литературных сил, налаживанию связей с литературами народов СССР. Сегодня есть все

* Маладняк. – 1928. – № 12.

основания говорить о том, что поисковый неординарный дух молодых белорусских литераторов (в т.ч. и участников витебско-полоцко-оршанских «малданякоўскіх» и БелАППовских организаций), формировавших новую белорусскую литературу, их «стремление соединить эстетически-прекрасный и социальный (достаточно часто социально-заземленный. А шли-то ведь авторы, главным образом, от земли. – *А.Р., Ю.Р.*) аспекты реальности в одно неразрывное целое» (В. Журавлев) не только вырабатывали художественно-эстетические принципы и правила развития литературы, но и, по сути своей, играли определяющую роль в становлении национальной художественной культуры, определении направления ее развития.

Правда, справедливости ради нужно вспомнить и о том, что БелАППовское руководство перенимало формы и методы литературных процессов происходящих в России (и творческие, и организационные. – *А.Р., Ю.Р.*) – («диалектико-материалистический творческий метод», «показ живого человека»), и его организационные принципы («союзник или враг», «ударник производства – центральная фигура в литературе»), и саму практику присущей ему групповщины, диктаторства, «комчванства».

БелАПП, сознательно или нет, внедряла их в литературную жизнь Советской Белоруссии. Особенно заметными подобными направлениями в деятельности ассоциации стали на втором этапе ее существования – в 1930–1932 гг. БелАППовцы, претендовавшие на представительство партийной линии в литературе и исключительное положение среди писательских объединений, даже больше, чем «маладнякоўцы» «болели» на групповщину, злоупотребляли администрированием в литературном деле, навешиванием ярлыков политического характера (к примеру, М. Зарецкий, перешедший из «Маладняка» в «Узвышша», именовался не иначе как «предателем», «апологетом мещанства» и «перебежчиком»^{*}; Я. Скрыган – это представитель кулачества. О В. Дубовке пишут, что он – писатель буржуазной направленности; В. Коваль и Н. Никонович – крестьянские авторы, которым понимание творчества труднодоступно и т.п.), вульгаризаторством и догматической прямолинейностью вульгарно-социологической литературной критики (А. Кучар, М. Олехнович, Л. Бенде, И. Барашка, Я. Бронштейн и др.). Кое-кому из критиков хотелось, чтобы авторы фиксировали все детали и разлома старой, и поиска новой жизни; хотя некоторые из них и искали понимание происходящих в республике преобразований. Правда, и те, и другие иногда забывали, что творит автор, а они лишь интерпретаторы, оценщики изложенного в стихотворной строке, рифме, метафоре. Говорят, известный российский историк В. Ключевский, описывая перипетии военных действий России и Швеции, даже отказался от описания Полтавской битвы. Ее итог зафиксирован в последующих петровских реформах – военной, административной, учебной и др. Нашим же строителям новой литературы непременно нужен был победный со-

^{*} Уничтожающей критике писатель и его роман «Вязьмо» подвергнуты в статье Я. Бронштейна «Последний рейд искателей прекрасного из Сивецкого сельсовета». (Полымя рэвалюцыі. – 1933. – № 8–9).

циалистический марш. И поэтому под критику БелАППовцев попали бывшие витебские «маладнякоўцы» З. Житкевич, П. Ананьев, Е. Мазуркевич, Н. Никонович, С. Барановых, М. Пиотухович и др. Хотя тот же Е. Мазуркевич в статье «Актывізаваць літаратурна-масавую работу АПП» (Витебской ассоциации пролетарских писателей) в газете «Віцебскі пралетарый» (1931, 2 чэрв.) очень требовательно подошел к реализации роли и задач новой писательской организации.

Можно было думать, что от выходцев из рабочих пролетарских или крестьянских семей читатель ждет адекватного и последовательного изложения событий, ими самими пережитых или увиденных (этакий народный натурализм), но важнее было то, что авторы (не прошедшие «академических» классов) пытались выразить мысли, чувства, надежды людей, оказавшихся в новых социальных условиях, вселить им своими словами веру в необратимость новых общественных отношений. Практика литературного творчества 1930-х годов как раз и показала, что в «выигрыше» остались не люди фактика (особенно, если он брался выдернутым из контекста социальных событий), а те, кто фактическую подлинность соединял с интеллектуальным анализом, обращенным к сознанию личности (Ю. Таубин).

Примером «идеологического клистира» (А. Мариенгоф), в котором эстетическая ценность произведения измеряется политическими постулатами, могут быть статьи Я. Лимановского «За два года классовой борьбы в литературе»^{*} и А. Кучера и А. Кулешова «Разоружить красную халтуру»^{**}, в которых стихи и поэмы авторов, пронизанные собственным видением и оценкой процессов социалистического строительства начала 1930-х годов, назывались «крокодиловыми слезами», одевались в теорию «особенной мессианской роли интеллигенции, противопоставляемой роли компартии, роли пролетариата».

Если обратиться к Витебщине, то в историко-литературоведческой литературе можно прочесть, что здесь первоначально были созданы Витебский и Полоцкий филиалы БелАППа, но уже в 1930 г. Полоцкий филиал будет ликвидирован (в г. Полоцке в трудовых коллективах создадут литературные кружки).

Витебский филиал БелАППа работал до конца 1931 г. Упразднен на первой конференции в связи с созданием Витебской ассоциации пролетарских писателей, состоявшейся в марте 1932 г.^{***} и насчитывающей к этому времени 14 человек (Е. Мазуркевич, П. Ананьев, А. Ушаков (А. Безмежный), З. Житкевич, Л. Лукашенко, Б. Люговский, С. Мурзо, Н. Шутко и др.). Первым ответственным секретарем Витебской АПП был З. Житкевич. Затем организационными делами занимался Е. Мазуркевич.

^{*} Маладняк. – 1933. – № 6–7.

^{**} Звезда. – 1931. – 24 нояб.

^{***} От БелАППа в работе конференции участвовали бывшие «маладнякоўцы» М. Лыньков, А. Александрович, И. Барашка, М. Хведарович.

Отметим, что в начале 1930-х годов его авторитет в литературной среде Витебщины был достаточно высок. Творческая интеллигенция знала его как одного из организаторов и активных участников Витебского филиала «Маладняка», как автора предисловий и участника изданных в 1926–1927 гг. альманахов «Начало» и «Рассвет». Обзорный очерк «Литературное движение на Витебщине»^{*} представил Я. Мазуркевича знающим краеведом и филологом-белорусистом (М. Зувев).

Следуя традициям укрепления связей с иноязычными журналистами, Витебский филиал имел свои секции – русскую, еврейскую, польскую. К примеру, 10 марта 1929 г. польская секция успешно провела интернациональный литературный вечер с участием польских поэтов и писателей Мысливского, Горовского, Свица, Рымашевского. Вечере принимали участие практически все члены ВитАППа.

Некоторое представление о творческой деятельности, духовной атмосфере и актуальных организационных проблемах витебских литераторов дает докладная записка руководителя филиала ответственного секретаря Бронислава Люговского в адрес Витебского городского комитета КП(б)Б. Заметим, что токарь витебского завода «Красный металлист», поэт, активный участник «Маладняка» и ВитАППа Б. Люговский был хорошо известен в творческой и молодежной среде.

Его стихи регулярно печатались на страницах областных и республиканских периодических изданий. Поэзии присущ тонкий лиризм с музыкально-песенными интонациями и фольклорным мировоззрением. Ее главная тема – крестьянская жизнь, работа на земле, красота поозерских пейзажей.

В начале 1930-х годов Б. Люговский – один из ярких представителей так называемой поэзии ударников, характерной для творчества многих литераторов-БелАППовцев. В поэме «На лесах» («На рыштаваннях») на основе хорошей стихотворной техники воспеваются ударный наступательный ритм 30-х годов, ударные мгновения, воссоздается процесс борьбы «с прогорклыми подвалами неволи». Конфликты поэмы – в русле требований БелАППа – производственно-классовый (поиск виновного во «вредительском» сломе станка) с выразительной установкой на то, что нам «враг везде ставит преграды», и на традиционное для начала 30-х годов противопоставление старого («смертной ржавчины» «новому зданию»). Правда, в поэме встречаются и проникновенно-лирические мотивы. Последние известные публикации Б. Люговского датируются 1940 г.

Следует отметить, что и в Союзе советских писателей БССР Б. Люговский (в соавторстве с Г. Железняком) постоянно анализировал, подсказывал, давал рекомендации начинающим авторам (например, «Штодзённа і ўпарта вучыцца» (Агляд пісем пачынаючых аўтараў)^{**}; «Уважліва выхоўваць літаратурныя кадры»^{***}).

^{*} Молодняк. – 1929. – № 4.

^{**} Віцебскі рабочы. – 1939. – 8 жн.

^{***} Там же. – 29 жн.

Так уж получилось, что к 1932 г. он стал во главе Витебской писательской организации. Из его официальной записки следует, что городская писательская организация в конце 1932 – начале 1933 года состояла из 15 человек – А. Ушаков, Г. Релес, З. Бондарина, З. Житкевич, В. Шеряков, Н. Никонович, С. Барановых, Е. Мазуркевич, Б. Люговский, Журомский, Веремейчик, Балабошка, Василенко, Розенблюм (имена 5-ти последних не указаны). Правда, сразу же подчеркивается, что только 6 из них являются активными и способными авторами.

Творческим лидером организации называется Андрей Ушаков, который к этому времени уже издал несколько стихотворных сборников («Труд и молодость» («Праца і маладосць»), «Зарево вагранок» («Зарава вагранак»), «Рабочий пульс» («Рабочы пульс»)) в соавторстве с П. Ананьевым.

Из 15 членов организации 2 человека были членами КП(б)Б, 2 – кандидатами, 6 – членами ЛКСМБ, что свидетельствует об устойчивом партийно-комсомольском ядре, способном вести активную идеологически-пропагандистскую работу. Кстати, Б. Люговский в своей записке отмечает, что благодаря усилиям писателей и поэтов в Витебске созданы и работают литературные кружки на заводе «Красный металлист» и фабрике «Знамя индустриализации», проходят литературные встречи, выступления поэтов А. Ушакова, Г. Железняк, Б. Люговского и др. в учебных заведениях, в рабочих и учебных аудиториях, перед бойцами и командирами Красной Армии и т.д.

Однако, по мнению Б. Люговского, в филиале наблюдались заметные негативные явления: *«во-первых*, притупление классового чутья со стороны писателей (Журомский, Веремейчик, Балабошка), что позволило активизироваться классовому врагу в литературе и несвоевременно начать разговор о контрреволюционных вылазках Никоновича, Сидоренки и Барановых; *во-вторых*, неспособность организации охватить своим вниманием большинство предприятий, учебных заведений». И далее Б. Люговский отмечает, что в организаторской и пропагандистской работе недостаточно активны Е. Мазуркевич и Василенко. «Преподавая литературу в веткомбинате, не развернули там массовой работы», а непосредственно Мазуркевич («старый писатель»), «совершенно слабо перестраивается, провалил порученную ему работу литературного кружка». А. Ушаков вместо того, чтобы в оценке идеологических «шатаний» коллег по перу проявить принципиальность, «считал настроения Журомского неумышленными, «наносными» и вместо решительного отпора классовому врагу начал разговоры о его перевоспитании». По мнению Б. Люговского, допускали ошибки и другие писатели и поэты. К примеру, старый еврейский писатель, беспартийный Шолом Израэлит, который издал несколько книг, навязывал другим членам организации свое мнение о том, что «пятилетка ничего рабочему классу не дала, а постановление партии от 25 апреля (постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года “О перестройке литературно-

художественных организаций». – *А.Р., Ю.Р.*) оценивал, как отступление партии перед трудностями».

Информируя о делах творческих, Б. Люговский пишет: «Очень трудно с творчеством. За последние шесть месяцев вышло всего две литстра- ницы (в газете «Віцебскі пралетарый». – *А.Р., Ю.Р.*). Более резко и одно- значно высказывается руководитель писательской организации в адрес ре- дакции: «Политредакция в составе т.т. Розенблюм, Рубинштейн и Крамен- берга своей бездеятельностью срывает выпуск сборников... Сборник Уша- кова маринуется уже три месяца...»

В докладной записке затронуты и бытовые трудности писателей, сложности с получением продовольственного пайка и другие вопросы.

Последние данные о жизни и творчестве Б. Люговского датируются 1940 г.

Признанием авторитетности и популярности витебско-полоцко- оршанских «маладнякоўцаў» является факт избрания в руководство БелАППа М. Лынькова, А. Александровича, Ю. Таубиня, П. Бровки, З. Ас- тапенки, А. Звонака, Я. Скрыгана и других поозерских и верхнеднепров- ских «маладнякоўцаў».

Известный еврейский и русский советский писатель, поэт, драма- тург, уроженец г. Чашники Г. Релес вспоминает: «Молодых поэтов Андрея Ушакова и Григория Железняк знали в Витебске как неразлучных друзей. В минуты отдыха они всегда были рядом, вместе выступали на литератур- ных вечерах. Их вместе видели в кино, в театре и на танцплощадках, в кру- гу друзей и знакомых. Только в компании Железняк был более активный, чем Ушаков. Григорий любил шутить и это у него получалось. А Андрей мило ухмылялся, при этом радовался тому, что те, кто окружает его, ак- тивно и живо реагируют на шутки друга.

Работали они в разных местах. Андрей в то время работал мастером на заводе, а Григорий был сотрудником редакции газеты «Віцебскі рабо- чы». (В 1929–1938 гг. газета выходила под названием «Віцебскі пралета- рый». – *А.Р., Ю.Р.*). Однако внешне Андрей был более похож на интелли- гента, чем Железняк. Ушаков был красиво сложен, выше среднего роста, блондин, утонченный, красивый и со вкусом одевался. И чего же грешить – очень нравился женщинам, но как-то не замечалось, чтобы он увлекался ими. Григорий Железняк был невысок, волосы имел с коричневатым от- тенком, немного картавил. Вот такими я их и запомнил...».

Члены ВитАППа печатали свои произведения в городской газете «Віцебскі пралетарый» и ее литературном приложении – сборнике «Штурм» (первый номер вышел в 1931 г.). В конце 1931 г. из печати вы- шел сборник «Ритмы строительства» (правда, на обложке выходные дан- ные датируются 1930 г., издателем значился Витебский филиал БелАППа).

В сборник были включены стихи П. Ананьева и его поэма «Июль- ская радость» («Ліпнёвая радасць»), Л. Лукашенко, С. Мурзо, рассказы

Н. Шутко, поэма А. Ушакова (А. Безмежного) «Разговор машин» («Размова машин»), Б. Люговского «На лесах» («На рыштаванні»), сценические наброски Е. Мазуркевича, стихи и очерки З. Житкевича.

Здесь подчеркнем, что принятое ЦК ВКП(б) 23 апреля 1932 г. постановление «О перестройке литературно-художественных организаций» (на его основе ЦК КП(б)Б принял 27 мая 1932 г. подобное постановление, касавшееся перестройки литературно-художественных организаций Белоруссии) явилось тем важным, жизненно необходимым шагом, который не просто ожидался всей литературной общественностью, но и без которого дальнейшая дорога советского искусства могла оказаться бесперспективной. Здесь особенно уместны слова народного поэта Белоруссии Максима Лужанина: «Все мы легко вздохнули, когда партия распустила литературные объединения, увидев, что за организационной волтузней, мелкими стычками и придирами люди забывают о своем основном деле – писать! Межорганизационные перегородки исчезли, как будто и не существовали, исчезла обидная кличка “попутчик”, литераторы собрались под одной крышей».

Перестройка литературных организаций несомненно способствовала привлечению в творческую среду молодых, начинающих авторов. В поэтической среде этот приток связан с именем поэтов:

– выпускника коммунистического института журналистики, уроженца г. Бешенковичи **Аркадия Андреевича Гейне** (1919–1942). Первые публикации А. Гейне в периодической печати появились в 1934 г. Работая в редакциях белорусских газет, публиковался в «Чырвонай змене», «Літаратуры і мастацтве», журнале «Полымя рэвалюцыі», выступал со стихами, рецензиями, статьями. В 1939 г. издал первый и единственный поэтический сборник «Счастливая звезда» («Шчаслівая зорка»)*.

В одноименном стихотворении, входящем во многие антологии белорусской поэзии, А. Гейне смог дать образец настоящей лирики, в которой слиты воедино глубокое чувство любви личностной, возвышенной с чувством гражданской любви к Родине. Предлагаем читателям познакомиться с этим стихотворением.

ШЧАСЛІВАЯ ЗОРКА

*Помніш, летняй ноччу цёмна-сіняю –
Шчаслівейшай нашаю парой –
Слухалі мы песню салаўіную
У зялёным садзе над ракой.*

*Месяц з-за высокіх ліп квітнеючых
Усміхаўся ласкавым святлом;
Зоркі, ясным бляскам палымнеючы,
Падалі далёка за сялом.*

* Уже в январе 1940 г. появилась рецензия Гр. Березкина на книгу А. Гейне «Счастливая звезда».

*У народзе ёсць павер'е гэткае,
Быццам мае кожны чалавек
Зорку ў небе, для яго прыметную,
І яе жыццё – ягоны век...*

*Парашылі мы тады з усмешкаю –
Ты – сабе асобна, я – сабе –
Выбраць шчаслівейшую, найлепшую Зорку...
Я спытаўся ў цябе:*

*– Ну, твая, напэўна, там, што свеціцца
Дзе ляжыць вялікі Млечны Шлях,
Або там, дзе зорная Мядзведзіца,
Самая ярчэйшая...
Ці так?..*

*Ты зірнула ў ночы даль маўклівую
І сказала: – Не, не адгадаў;
Выбрала я самую шчаслівую,
Што ў Крамлі...
І выбар наш супаў...*

Как сын своего времени, А. Гейне не просто чувствовал его пульс, но и откликался на все события и явления, происходящие рядом с ним. Содержательная сторона стихов самая разнообразная, но все они объединяются темой гражданственности, любви к Родине, необходимости быть готовым к ее защите (стихотворение-сказка «Три сына» («Тры сыны»), «Мой буланы» («Мой буланы»), «В дозоре» («У дазоры»), «Песня о герое» («Песня пра героя») и др.

В стихах А. Гейне острая публицистика соседствует с мягким лиризмом, социальные мотивы – с интимным чувством, романтические мечтания и фантастика («Я падумаў: гады пракоцяцца / І па Млечнаму Шляху тады / Будуць такжа звычайна праносіцца / Міжпланетныя паязды / І маёй загаёнай мараю – Гэта жыць у той слаўны дзень / Каб сусветным экспрэсам над хмараю / Узляцець к таямнічай звяздзе»).

Стихи А. Гейне можно даже назвать простыми. Они не поражают «сложной ритмикой и мудрагелисто-философским подтекстом, яркостью метафор, эпитетов и сравнений, и вместе с тем они волнуют и остаются в памяти, создают своеобразное настроение, в котором ты находишься очень долго»³¹.

³¹ Фомчанка, А. Зорка паэта / А. Фомчанка // Скрыжалі памяці: 3 твораў спадчыны пісьменнікаў Беларусі, якія загінулі ў гады Другой сусветнай вайны. – Мінск, 2005. – Кн. 1. – С. 228.

Еще одна подборка стихотворений А. Гейне была напечатана в 1939 г. в поэтическом сборнике «Комсомол на границе». Погиб при защите Сталинграда;

– выпускника Минского педагогического института, уроженца г. Орши **Юрия Константиновича Богушевича** (1917–1983). Известен, главным образом, как автор произведений для детей и юношества. Печататься начал в 1938 г. Участвовал в Великой Отечественной войне, дошел со своей воинской частью до Берлина*;

– поэта, писателя и переводчика **Михася Богуна** (Михаил Федорович Блошкин (1908–1938). Представ перед читателем в своих первых стихах романтически-пафосным поэтом-трибуном:

*Будуем харомы
блісучаму дню –
адзінай сусветнай краіне,
і нашу радасць
не могуць сагнуць
ні буры, ні ветры, ні стыні.*

М. Богун и не представлял для себя другой творческой задачи, как утверждение неотвратимости порожденных революцией социалистических преобразований. Но судьба распорядилась по-своему: в ноябре 1936 г. он был незаконно репрессирован и выслан в Сибирь, где и умер в 1938 г. в 30-летнем возрасте. Реабилитирован в 1954 г.

До прихода на работу в редакцию газеты «Чырвоная Полаччына» в 1931 г. М. Богун уже стал автором двух поэм – «Над болотом» («Над балотам») и «Шаги в веках: поэма без героя» («Крокі ў вяках: паэма без героя»), в которых, по мнению критиков, последовательно воплотил все основные принципы революционного концептуализма. В 1931 г. издал поэтический сборник «Эхо бурь» («Рэха бур»), в 1932 г. – книгу стихов «Революции» («Рэвалюцыі»).

Особенно ярко мотив противопоставления отмирающего старого и рождающегося нового развернут поэтом в поэме «Над болотом». Лейтмотив поэмы – дореволюционная деревня с символическим названием «Гниль» («метели, пожары ее не трогали совсем») в ходе социалистического движения принимает новые черты и становится деревней «Новая судьба».

О своей авторской позиции М. Богун открыто заявил во второй поэме, поместив в качестве эпиграфа следующие строки: «*Когда-то революцию мы делали, теперь революция делает нас!*».

Увлекался В. Маяковским, С. Есениным. Вот примеры подражаний: под Маяковского:

* Анализ послевоенного творчества Ю. Богушевича будет сделан несколько позднее.

Я
сваю
пяцігодку –
на стол
і ў сэрцы
такая
шалёная
бура
быць пралетарскім
на ўсе,
на сто,
ці –
пакінуць
літаратуру.

Под Есенина:

*Растраслі старыя клёны
Ночы чорную кару,
На блакітныя загоны
Хтосьці выкінуў зару.*

*...Жыць так хораіа на свеце!
Жыць без суму і тугі!
Малады бадзяка-вечер
Грае сонцу ціхі гімн...*

*І ў душы грымязь акорды
Ды на розныя лады:
Я сабой і сонцам горды
І, як ранне, малады!*

*Пахам іскрыстага рання
Я абмыю юны твар,
На красуючай паляне
Вып'ю радасць хараства.*

*І пайду назад дадому
Праз расквечаную гаць,
Каб другой або другому
Свежасць рання перадаць.*

«Растраслі старыя клёны...»

А вот собственное, авторское видение жизни нового общества: пронизанное лирическими мотивами, стихотворение посвящено рядовому эпизоду – ночному солдатскому лагерю:

*Як толькі на плечы
Сярэбраны серп
Ускіне туманная ноч,
Распleshчуца зоры
Па белай расе
Халодным і чыстым віном.
Прыціхнуць даліны,
Задрэмлюць бары,
Апошніх агонь
Папярос дагарыць...
Палаткі, як белы
Натоўп птушанят,
Нячутна склікае
К сабе цішыня...
...Ды там,
На дарозе,
Стаіць вартавы
З вінтоўкай
Ў надзейных руках...
Узад і ўперад
Гушкаецца цень,
Маўкліва знікае,
Раптоўна расце.
З-за чорных гарматаў
Праз змрок, праз кусты
Ўсміхаецца зорам
Прыкручаны штых...
На ціхай дарозе
Нікога няма,
Калышацца ноч над ракой...*

«Лагер уначы», 1929

М. Богун известен как один из первых переводчиков на белорусский язык романа Н. Островского «Как закалялась сталь», революционно-романтических стихов Э. Багрицкого, В. Маяковского и других авторов.

В предвоенные годы на литературном горизонте Полотчины загорится звезда начинающего поэта **Николая Петровича Семашки** (родился в 1914 году в деревне Барылы Полоцкого уезда. Погиб на фронте в 1941 г.).

Творческий путь Н. Семашки начинался в Ветринской районной газете, которая в 1926 г. напечатала небольшое стихотворение 12-летнего паренька. В 1939 г. был призван в Красную Армию, участвовал в освобождении Западной Белоруссии. После демобилизации работал заведующим отделом Белостокской областной газеты «Вольная праца» («Свободный труд»). В 1939 г. из печати вышел его первый (и единственный) сборник «Шчырасць» («Искренность»). Лейтмотивом многих стихотворений Н. Семашко («Из стихов о Родине», «Красная звезда», «В дозоре», «Граница» и др.) – каждый должен быть готов к защите социалистического Отечества.

Конечно, в гражданских стихах Н. Семашки в духе времени восславлялась и Красная Армия (цикл стихов «Красная звезда»), и великий Сталин, и осуществляемые в стране преобразования, здесь налицо пафосность, эмоциональность, влияние времени.

*Мы ў свет вялікі ўвайшлі,
Гарачым сонцам абагрэты, –
Гаспадары сваёй зямлі,
Гаспадары сваёй планеты.*

Однако в стихах личностных, интимных прослеживается глубоко лирическое чувство восторженности жизнью, размышления, пронизанные, пусть и не богатым, но конкретным жизненным опытом поэта («Жизнь бьет нам своим челом», «Ты выйди в сад», «Нерушимое слово», «Студентке» и др.).

*Ты выйдзі ў сад. У гэты цёплы вечар
Так добра ў ім – расцвіўшым, маладым.
І неба сіняе з любоўю чалавечай
Прасцера рука зорныя над ім.*

Во многих стихах Н. Семашки ощущается влияние фольклорной поэтики, что делает их легко воспринимаемыми, прозрачными, легкими («Девичье», «Ожидание», «Ожидая письма», «Ненужные тревоги» и др.).

Ряд стихотворений посвятил Ш. Руставели, А. Пушкину, М. Горькому. К примеру, несколько строф из посвящения М. Горькому:

*У капялюшы, крыху сутулы,
Знаёмы, родны чалавек,
Глядзіць ён, добры, мужны, чулы
У наш вялікі, ясны век.*

*Жывы, здаецца, ён. Вясновай
Усмешкой цёплаю ізноў*

*Усіх асветліць, скажа слова
Старонкамі сваіх тамоў.*

*І Волга загаворыць песняй,
Дзе ён хадзіў з багаццем мар,
Узляціць над морам буравеснік –
Спрадвечны сябра грозных хмар.*

*Расправіць крыллі горды сокал
Над круцізнай нямых вяршынь
І паляціць у свет шырокі,
Ў прастор нязведаных вышынь.*

*Ён уладар тварэнняў вечных,
Здаецца, зноў жывы стаіць,
Заве, глыбока чалачечны,
І ненавідзец, і любіць*

*...Ды неўміручага не сцерці, –
Жывым ты будзеш з века ў век,
Ты вечна ў сваім бясмерці,
Пясняр, баец і чалавек.*

*У нашых буднях, нашых справах
Прад намі будзе вобраз твой,
Авеяны вялікай славай,
Жыццём, любоўю, барацьбой.*
1938 г.

В конце 1930-х годов в печати появились очерки Н. Семашки «Безработный», «Как холодная наступит тьма», «Я слышу твой голос издали», посвященные жизни воссоединенной Западной Белоруссии, преобразованию края на советских началах.

Как образец поэтических исканий современному читателю предлагается стихотворение Н. Семашки «Красная звезда» («Чырвоная зорка»):

*І на прывале, і ў паходах,
І днём, і ранкам на зары
Са мной яна, на мне заўсёды
Агнём рубінавым гарыць.*

*Устане дзень – жывы, вясновы,
І сонца промень залаты*

*Сальеца з ёй, пяціканцовай,
Ў малюнак дзіўнай яснаты.*

*А ў вечаровы час лагодны,
Пад дымкай цёплае зары,
Адлюстраваны край свой родны
Ў ёй бачу я: лясы, бары,*

*Азёр блакітнасць залатую
І шыр бяскрайнюю палёў.
Радзіму бачу, за якую
Ў смяротны бой ісці гатоў.*

Через газету «Віцебскі пралетарый» пришёл в белорусскую поэзию член ВитАППа, уроженец г. Полоцка, учитель и поэт **Николай Васильевич Гвоздов** (1916–1937). Писать начал в 1929 г., когда жил в Витебске. Увлёкшись в конце 20-х годов творчеством С. Есенина, А. Блока, В. Маяковского, Н. Гвоздов постепенно переориентировался на современную ему проблематику – писал о преобразовательных процессах, гражданской войне, в стихах предупреждал об опасности немецкого и итальянского фашизма. Первое стихотворение «Рабочий-призывник» («Рабочы-прызыўнік») напечатано в 1932 г. в газете «Віцебскі пралетарый». В творческом арсенале поэта немало интимно-лирических стихов. Печатался в республиканской периодике – газетах «Звезда», «Чырвоная змена», «Літаратура і мастацтва», журналах «Работніца і калгасніца Беларусі», «Пламя революции».

По свидетельству однокурсников Н. Гвоздова по учебе на литературном факультете Минского педагогического института и начинающих поэтов М. Седнева, П. Широкова, С. Мурзо, Н. Гвоздов был чрезвычайно начитанным, эрудированным человеком, знал наизусть много стихов С. Есенина, современных ему белорусских поэтов. В кругу друзей и однокурсников часто сетовал на то, что запрещается писать на свободные темы, высказывал «крамольные» по тому времени мысли о том, что современное им общество «не прогрессирует, а деградирует», что социализм строится только на словах, ибо в стране господствует не диктатура пролетариата, а диктатура одной партии. Создал цикл неопубликованных стихов, в которых выразительно звучали есенинские мотивы неудовлетворенности жизнью. Неопубликованные стихотворения в 1936 г. были «арестованы» вместе с самим поэтом и в ходе следствия использовались как доказательство его пессимизма и «упаднических» настроений. В протоколах следствия по делу Н. Гвоздова записано: «Будучи учителем в школе г. Черикове в 1935–1936 гг. среди учеников проводил контрреволюционную нацдемовскую работу, высказывал в процессе лекций контрреволюционные мысли, рас-

пространял среди учеников стихи контрреволюционного фашистского содержания и принижал в глазах учеников руководителей партии и советской власти. В последнее время, находясь в Минске, Гвоздов высказывал контрреволюционные и террористические тенденции, а поэтому решено подвергнуть Гвоздова Н.В. обыску и аресту и провести следствие...». В итоге следственных действий молодой поэт был осужден на 10 лет воркутинских лагерей. В одном из лагерей погиб около 1937 г. Реабилитирован в 1989 г.

Под влиянием БелАППа заявил о себе в литературе уроженец д. Горовец Сенненского повета (ныне Ушачский район) преподаватель и будущий известный критик и литературовед **Дмитрий Антонович Политика** (1915–1965). Его первое стихотворение (напечатано в газете «Коммунар Могилевщины» в 1933 г.) называлось «Большевицкий хлеб» («Бальшавіцкі хлеб»). Однако большую известность Д. Политика получит в послевоенные годы, когда будут опубликованы такие его литературоведческие работы, как «О значении советской литературы в коммунистическом воспитании трудящихся», «Белорусская послевоенная проза», «Янка Купала-переводчик» и др. Лучшие работы Дмитрия Политика собраны в сборнике литературоведческих исследований и критических статей «Следы времени» (1967).

С 1931 г. заявил о себе в печати выходец из рабочей семьи уроженец г. Витебска поэт и прозаик **Григорий Самойлович Железняк** (1914–1942). В 1931 г. в газете «Віцебскі пралетарый» и журнале «Штурм» напечатаны первые поэтические произведения Г. Железняка. Занимаясь на сценарном отделении Витебского кинотехникума, одновременно работал в «Віцебскім пралетарый». Воспеванию трудового героизма молодежи, ударного социалистического строительства посвящены его книги стихов – «Первый вытоп» («Першы вытап», 1933) в соавторстве с Б. Люговским и «Весенние будни» («Вясновыя будні», 1934). В 1934 г. вместе с А. Ушаковым и Г. Релесом принят в Союз советских писателей БССР, во второй половине 1930-х годов печатался в «Звездзе», «Літаратуры і мастацтве».

Еще будучи учащимся кинотехникума, увлекся творчеством М. Богдановича. Работа над его изучением продолжалась и в Ленинграде (переехал в 1933 г.), где Г. Железняк учился сначала в Институте философии, истории, литературы и лингвистики, а затем в Ленинградском государственном университете (окончил в 1938 г.). Получив диплом I степени, был оставлен для работы на кафедре русской литературы, специализировался на изучении истории русско-белорусских литературных взаимоотношениях.

В июле 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию «Поэзия М.А. Богдановича»*. Работа, написанная в контексте связей творчества М. Богдановича с русской классической литературой, сразу же обратила на

* Машинописный текст кандидатской диссертации Г. Железняка с авторскими правами хранится в БГАМЛИ. – (Ф. 66. Оп. 1. Ед. хр. 1505).

себя внимание специалистов. С одной стороны, это была первая белорусская диссертация, защищенная в Ленинградском университете; с другой – Г. Железняку удалось постичь художественный мир М. Богдановича, своеобразие его поэтического мастерства. Вот лишь несколько обобщений.

Г. Железняк. *«Уже в первые годы творчества у Богдановича складывался взгляд на роль поэзии как на средство пробуждения в человеке некогда его волновавших и давно угасших чувств. Наметился мотив своеобразного «поэтического воспоминания». Особенно сильно он звучит в стихотворении в прозе «Паўка, любіце вы, пане...» (1911).*

В 1913 году в прозаическом этюде «Мадонна» Богданович устами одного из героев говорит: «Не кажется ли вам, что все искусство – а живопись и музыка особенно – тем на нас действуют, что заставляют прошлое вспоминать? И не потому ли мы их любим, что они этому потоку воспоминаний столь широкое русло пролагают!..»

Цикл «Старая спадчына», состоящий, главным образом, из сонетов, терцин, триолетов Богдановича, в определенном смысле разрабатывает эту же тему «поэтического воспоминания».

...Безраздельная отдача себя и своего творчества общественному служению – таковы принципы Богдановича. Поэзия должна не только показывать беспросветный мрак действительности, но и красоту жизни, во имя которой стоит бороться, а если надо – и погибнуть. Отсюда – и в прозаических этюдах, и в поэзии Богдановича – горьковская тема романтического преображения действительности в искусстве.

Творчество Максима Богдановича – образец великого подвига, который в условиях Белоруссии является чуть ли не единственным по своему высокому трагическому пафосу и значению»³². По своему уровню исследования Г. Железняк стоит в одном ряду с последними достижениями богдановичеведения. В предисловии к фрагментам диссертации, опубликованным в журнале «Нёман» под рубрикой «К 75-летию со дня рождения Максима Богдановича», известный советский литературовед М. Смолкин пишет: «Способности Григория Железняка, тогда аспиранта Ленинградского университета, открылись нам однажды на текстологическом семинаре, которым руководил профессор Б.М. Эйхенбаум.

Железняк делал доклад о стихотворении Лермонтова «Сосна». Задача состояла в том, чтобы сравнить оригинал Гейне с переводом Лермонтова. От изолированного стихотворения Железняк перешел к стихотворному циклу, и тема одиночества предстала перед нами как момент в развитии русского общества и внутренней жизни Лермонтова.

Б.М. Эйхенбаум ко всем относился доброжелательно. Никого особенно не хвалил и никого не ругал. На этот раз свое обобщение он начал словами: «В докладе талантливого Железняка...»

³² Жалязняк, Р. Паэзія М. Багдановіча / Р. Жалязняк // Скрыжалі памяці: 3 твораў спадчыны пісьменнікаў Беларусі, якія загінулі ў гады Другой сусветнай вайны. – Мінск, 2005. – Кн. 1. – С. 288–289.

Потом мы узнали, что Гриша Железняк из Витебска»³³.

В июле 1941 г. ушел добровольцем на фронт. Воевал на Ленинградском, а затем на Волховском фронте, был командиром минометной батареи.

Старший лейтенант Г. Железняк погиб в августе 1942 г. в районе Мги и был похоронен в рабочем поселке № 8 Мгинского района Ленинградской области*.

У нас есть все основания заявить, что столь высокий уровень научно-литературного исследования о творчестве М. Богдановича формировался на витебской земле. Давайте вспомним хотя бы несколько из его публикаций: «Правление Союза советских писателей оторвано от периферии»^{**}; «Внимательно воспитывать литературные кадры»^{***}; «Горький и дореволюционная белорусская литература»^{****}.

Как поэту Г. Железняку ближе был лирико-публицистический стиль, свободный от искусственной декларативности.

Вот, к примеру, одно из стихотворений Г. Железняка – «Военморская» («Ваенмараўская»):

*Сіняй пенай,
мора, пенься,
За кармою,
вал, цяжкі;
Разлівайся,
наша песня,
Па прасторах
Балтыкі.
...Мы былі
ў глыбі Гальштроду,
У Гамбурзе і Любеку.
А цяпер –
імчым праз стромы
Да свае рэспублікі.
Завірухі і навалы
Бачны
праз пацёмкі нам,
У гамбургскім парту
паўстала
Грозна здань
Пацёмкіна.*

³³ Смолкин, М. Предисловие к статье Г. Железняка «Преклонение» / М. Смолкин. – Нёман. – № 12. – С. 160.

* Книга памяти Ленинградского-Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Выпуск первый. – СПб., 1995. – С. 96–97.

** Літаратура і мастацтва. – 1937. – 30 жн.

*** Віцебскі рабочы. – 1939. – 19 жн.

**** Ленинград». – 1940. – № 11–12.

*Узнялася гладзь марэй,
час разліку
блізак.*

*Будзе час –
дамо мы рэйс*

*Праз сусвет
без візы.*

*А пакуль
пільней за вахту,
... Узрастай, наш творчы ўздым.*

*Хай цячэ
краіне з шахтаў*

*Мора вуглю
і руды.*

*Узвядзём
затвор на ўзвод,*

*Узвеем
вымпел вышай,*

*Каб у сіль
савецкіх вод*

*Вораг зноў
не выйшаў.*

(1932, кастрычнік)

Таким же патриотическим пафосом насыщено стихотворение «По дороге в часть» («Па дарозе ў часць») (1939). Молодой солдат, призванный в ряды Красной Армии, ничуть не сомневается:

*...Можга, усхвалявала невядомасць?
Толькі што ж тут думаць, варажыць, –
Дзе б мы ні былі – мы ўсюды дома.
Будзем жыць і прыкладам служыць.*

И особенно, как нам кажется, впечатляют следующие строки:

*Многа працы ўперадзе чакае,
Я рабіць любую працу рад.
Усё, што мне, Радзіма, загадаеш –
Выканаю твой святы загад.*

*Дай вінтоўку, стану з чыстым сэрцам
Берагчы граніцу. Толькі мне б
Ты сказала на сваёй паверцы –
Не дарма жыву і ем твой хлеб.*

Неотделимой от своего времени выглядит и поэзия уроженца д. Литвиново Оршанского повета (ныне Дубровенский район) комсомольского работника и журналиста **Сергея Ракиты** (настоящее имя Сергей Васильевич Законников (1909–1942 гг.).

Первые стихи С. Ракиты появились в «Аршанскім маладняку» в 1928 г., а уже в 1929 г. молодой поэт был направлен на работу в гомельскую областную газету «Полесская правда». Здесь же, в Гомеле, в 1930 г. С. Ракиту избрали ответственным секретарем Гомельского филиала БелАППа. После службы в армии в 1932–1933 гг. работал в Минске в редакциях газет, на Белорусском радио, в Госиздате БССР, одновременно учился в Минском Коммунистическом институте журналистики. Печатался в журналах «Полымя», «Маладняк», «Беларуская работніца і сялянка», республиканских газетах «Чырвоная змена» и «Звезда». В 1936 г. незаконно арестован и осужден на 10 лет гулаговских лагерей. Погиб в лагере в Горьковской области. Реабилитирован в 1956 г.

С. Ракита начал печататься в 1930 г., избрав для себя псевдоним С. Осот. Под этим псевдонимом в Гомеле издал две книги стихотворений: «Или – или» («Альбо – альбо») и «Я агитирую за пятилетку» («Я агітую за пяцігодку»)*. Идеал создания нового искусства, воспринимаемого не иначе как «оружие пролетариата» в борьбе за победу мировой революции и которое отметало все личное, интимное, был воспринят С. Ракитой (как и большинством поэтов 30-х годов) как абсолютно прогрессивное явление и повседневная революционная задача. И искренне, вдохновенно, всем своим талантом он ей служил, создавая на практике неконъюнктурные образцы «пролетарской поэзии». Этим и объясняется во многом агитационный и декларативный характер многих его стихов, их «ударная», фабричная тематика, безудержные мотивы противопоставления «позорного вчера» «счастливому сегодня», искреннее желание «заново переделать мир», горячая вера в справедливость революционных идеалов и коммунистическое будущее. Его поэзия согрета чувством возвышенного, гордости за свою страну, за тот мощный революционный подъем – «энтузиазм масс», который будит в людях святую веру в светлое завтра. Поэт не думал, что он находится в плену иллюзий, которые будут окончательно похоронены за лагерной колючей проволокой.

Вот, к примеру, одно из «ударнических» стихотворений С. Ракиты:

ДРУГУ-ЎДАРНИКУ

*Табе мая песня,
Таварыш і друг,
Агнём парыванняў сагрэтая.*

* В 1930 г. С. Ракита издал в соавторстве с Г. Казаком и В. Полесским стихотворный сборник «Разгон» («Разгон»).

*Табе, мой таварыш,
Я песню дару –
Запал і імкненне паэта.
Мы разам з табою
Нясём у грудзёх
Вялікую палкую радасць
За тое, што змогу
Бяруць у баёх
Рабочага фронту атрады.
Мы разам з табою
Імкненнем гарым –
Юнацтва парыў нарадзіла.
...У вас на заводзе
Натхнёны ўздым –
Змаганне за творчыя высі.
Я ведаю, дружа,
Што ты, малады,
У гэтых баёх не здасіся.
Я тэмы лірычных трывог пазабыў:
Я песні й сябе перайначыў.
І вось адчуваю да сэрца прыліў
Крыві маладой і гарачай.
Табе мая песня,
Таварыш і друг...*

(1931)

В 1932 г. увидели свет две книги уроженца Городокщины, учителя, выпускника Витебских педагогических курсов (1928) **Павла Ананьева** (родился в д. Андросковичи Городокского повета в бедной крестьянской семье в 1905 г., умер в 1932 г. на одном из курортов г. Гагры). Это сборники поэзии «Героика дней» («Героіка дзён» и «Рабочий пульс» («Рабочы пульс»)) (совместно с А. Ушаковым).

Пронизанные лиризмом, воспеванием любви и родной природы, личностным пониманием послереволюционной действительности, всей радости преобразований и обновления жизни, стихи и поэмы П. Ананьева (поэмы «Июльская радость» («Ліпнёвая радасць» и «Поэма об изобретательстве» («Паэма пра вынаходніцтва»)) были воинственно встречены тогдашней БелАППовской критикой*.

Справедливости ради отметим, что не все произведения П. Ананьева отличались высокой поэтической культурой и глубиной художественной мысли. Однако вместо того, чтобы показать молодому поэту слабость его

* Віцебскі пралетарый. – 1930. – 8 ліст.

произведений в художественном отношении, открыто сказать о причинах творческих неудач (например, об увлечении абстрактно-лозунговой поэтикой), авторы критических статей придерживались вульгарно-социологизаторских позиций, буквально заклеили его творчество как халтурное, политически ошибочное и идеологически вредное. Воинственная, критическая кампания вокруг произведений П. Ананьева отрицательно сказалась на моральном и физическом состоянии уже больного поэта. В 1932 г. он уехал из Белоруссии на лечение в Гагры. Небольшое творческое наследие А. Ананьева, на наш взгляд, достойно изучения в наши дни.

Из Полоцкого филиала БелАППа «вырос» и такой известный белорусский советский писатель, как **Эдуард Людвигович Самуйленок**. Хотя, по сути, «бацькаўшчынай» для Эдуарда станет родина его родителей – д. Бандели на Дриссенщине (ныне Верхнедвинский район). Именно отсюда родители выехали в Петербург в поисках работы (здесь 23 июля 1907 г. и родился будущий писатель) и именно сюда вернулась семья в 1918 г. Но и в родительской деревне для юноши постоянной работы не было – приходилось перебиваться заработками на стороне: был пильщиком дров, заведовал избой-читальней, избирался секретарем комсомольской организации в местечке Росица, занимался самообразованием.

В двадцатилетнем возрасте Э. Самуйленок заявил о себе в печати как начинающий поэт. Стихотворение «Партизан» («Партызан») (по рекомендации редактора и поэта С. Семашки. – *А.Р., Ю.Р.*) было напечатано в газете «Чырвоная Полаччына» где-то в ноябре–декабре 1928 г. П. Бровка, работавший в то время секретарем окружной газеты, вспоминает: «Самуйленак і ў пачатку сваёй літаратурнай працы ўмеў вельмі востра, займальна перадаць, аб чым пісаў». И далее П. Бровка подчеркивает, что Э. Самуйленок относился к тем писателям, «што зацікавяць чытача, калі можна так саказаць, адразу. ...Вядомасць яго вырасла вельмі хутка. Праз год-два працы (у газеце “Чырвоная Полаччына”. – *А.Р., Ю.Р.*) ён стаў прызнаным і масцітым пісьменнікам не толькі ў Полацку, але ў Мінску і ва ўсёй Беларусі»³⁴.

Однако сам поэт высказывался о себе однозначно и определенно: «Стихи я не пишу, или точнее – бросил писать, стал разумнее, да и вижу, что никакой Пушкин из меня не получится. Это так, забава, навеянная ветереными переживаниями. Меня больше привлекает проза...»³⁵.

Забросив поэтическое «дело», автор обратился к освоению искусства прозы – первый рассказ «Последний заказ» («Апошні заказ»)*, не оставшийся незамеченным критикой, был напечатан в 1929 г. и надо было держать «марку». Случилось неожиданное: после службы в Красной Армии Э. Самуйленок был приглашен на работу в газету «Чырвоная Полаччына»,

³⁴ Броўка, П. Пра сябра і таварыша / П. Броўка // Збор твораў: у 9 т. – Мінск, 1991. – Т. 8. – С. 149–150.

³⁵ Там же.

* Чырвоная Полаччына. – 1929. – 2 сак.

где с 1931 г. был секретарем ее редакции (раньше был селькором). Постигание жизни в повседневных противоречиях, личная журналистская помощь в их разрешении, общение с партийными, комсомольскими, хозяйственными работниками – все это в творческой лаборатории писателя переплавлялось в очерки, повести и рассказы, написанные в Полоцке в течение 1930–1934 гг.: «Русалочьи тропы» («Русалчыны сцежкі») (1931), «Кирпич каземата» («Цагліна каземата») (1932), «Охотничье счастье» («Паляўнічае шчасце»), «Точка опоры» («Пункт апоры») (1933), «Теория Каленбрун» («Тэорыя Каленбрун») (1933), «Герой нации» («Герой нацыі») (1934). Полоцкий период в жизни Э. Самуйленка окончился в 1934 г. – он переехал в Минск.

Позволим себе не акцентировать внимание на рассказах, воссоздающих сложные, а часто и драматические перипетии сельской жизни. В то же время подчеркнем, что Э. Самуйленок был одним из белорусских писателей, кто в остро художественной форме вскрывал и доносил до читателя Советской Белоруссии 1930-х годов сущность политики реакционной польской военщины, постоянно мечтавшей о «крэсах усходніх» (восточных областях Белоруссии, которые непременно должны стать частью Польской Республики. – *А.Р., Ю.Р.*).

После переезда в Минск работал в республиканской газете «Літаратура і мастацтва». Сложившееся влечение к постижению сути нравственно-психологических конфликтов, существовавших в обществе, подкрепленное поездками по Советскому Союзу (например, в Грузию), заставляло его снова и снова вернуться к избранной тематике. Думается, что роман «Будущность» («Будучыня») и стал результатом подобных социально-творческих исканий. Роман Э. Самуйленка (к сожалению, почти забытый в наше время. – *А.Р., Ю.Р.*) – это оригинальная по своей сути попытка белоруса проникнуть, постичь и донести до тогдашнего отечественного читателя обобщенный образ народа, отдаленного и малоизвестного в Белоруссии Закавказского края.

В 1935 г. из печати выйдет сборник прозы «Точка опоры» («Пункт апоры»), в 1937 – книга рассказов «Дочь эскадрона» («Дачка эскадрона»). Прозаические произведения Э. Самуйленка пронизаны магистральной линией – верность революционной традиции и ее развития в условиях социальных преобразований как в городских условиях, так и в отдаленных городах и поселках Советской Белоруссии.

В белорусских театрах (БГТ-1, БГТ-2, БГТ-3) были поставлены пьесы Э. Самуйленка «Сержант Дрозд» (инсценировка повести «Теория Каленбрун») и «Гибель волка» («Пагібель ваўка»). К. Чорный вспоминал, что последнюю Э. Самуйленок «написал будучи больным». В тяжелом состоянии своего здоровья окончил он и роман «Будущность». Тяжелая болезнь – туберкулез – отняла у него голос. Он уже едва ходил, едва шептал слова, но неустанно работал и довел начатые произведения до конца. Он спешил

написать, держался до последней минуты, юмор никогда не покидал его. Совсем больной, в постели, он писал произведения о смелых и мужественных советских людях, о радостной жизни, рассказывал о героике наших дней, о борьбе за социализм. Человек великого таланта и исключительной трудоспособности, он обогатил белорусскую литературу произведениями, которые горячо полюбил наш читатель»³⁶.

В феврале 1939 г. Э. Самуйленок в числе немногих белорусских писателей был удостоен высокой правительственной награды. Ему вручили орден Трудового Красного Знамени. В послевоенные годы произведения Э. Самуйленка были переведены на русский, польский, немецкий, румынский языки. Умер в 1939 г., похоронен в г. Минске.

В начале 30-х годов в белорусскую литературу пришел воспитанник Оршанского комсомола, уроженец д. Кашино Оршанского повета прозаик, сценарист и переводчик **Алесь Иосифович Стахович** (1907–1956). Его первый рассказ «Ее путь» («Яе шлях») был напечатан в 1930 г. в журнале «Беларуская работніца і сялянка». Работая с 1933 г. ответственным секретарем редакции журнала «Полымя», активно способствовал созданию Союза Советских писателей Белоруссии. Первую книгу рассказов «Маленькие герои» (1939) посвятил детям. В 1940 г. из печати вышла повесть о жизни колхозной деревни «Помпей Щупак» («Пампей Шчупак»). Участник Великой Отечественной войны, был журналистом армейской печати.

В 1929 г. появилось в печати первое стихотворение «Моя весна» учителя русского языка и литературы, журналиста, уроженца д. Звоня Ушачского района **Сергея Знакомого** (Сергей Дмитриевич Клопов) (1909–1937). После окончания в 1933 г. Минского высшего педагогического института С. Знакомый, отказавшись от аспирантуры, ушел в журналистику. Являясь членом Минской ассоциации пролетарских писателей, С. Знакомый активно выступал в печати с очерками и корреспонденциями. В очерках «Видогорищи: Дорожные заметки участника красноармейского агропохода» («Відагорышчы: Дарожныя нататкі ўдзельніка чырвонаармейскага аграпаходу»), «Дом № 31» («Дом № 31»), «За дамбой» («За домбай»), «Лес горит» («Лес гарыць»), «Биография моего героя» («Біяграфія майго героя»), «Гончары» («Ганчары») показал себя знатоком жизни рабочих и заводских окраин, которую хорошо изучил во время работы на спичечной фабрике «Красная Березина». Очерки захватывали убедительной жизненной фактурой, конкретикой деталей, колоритным народным языком, привлекающими читателя публицистическими приемами. Писатель утверждал идеи коллективизма, раскрывал процесс социалистического строительства, становления нового человека, психологию его формирования. Изучавший творчество С. Знакомого К. Кабашников называет его «одним из первых исследователей рабочей поэзии, которому удалось постичь "...динамизм

³⁶ Цит. по: Вольскі, В. Эдуард Самуйлёнак / В. Вольскі. – Мінск, 1951. – С. 114.

рабочей поэзии как одну из характерных черт рабочего фольклора”. Мы не можем не познакомить современного читателя с авторской позицией С. Знакомого. Он еще в 1935 г. писал: «Рабочая поэзия, рабочий фольклор очень отличается от крестьянской поэзии не только своим содержанием, но и художественной формой. Вы редко найдете в рабочей песне ту сентиментальную напевность, которой так много в крестьянской, особенно в древнем творчестве.

Рабочие песни сжатые и суровые, динамические и всегда социально-насыщенные. Песня не имеет той анимастики и природной символики, которую очень часто имеет крестьянское творчество. (Хотя она и восприняла многие художественные средства и даже отдельные образцы лирической крестьянской песни. – *А.Р., Ю.Р.*).

Но было бы совершенно несправедливым утверждение об абсолютной разнице между фабрично-заводской песней и поэзией деревни; оба вида народной поэзии имеют между собой много общего»³⁷.

Здесь нет резкого противопоставления, здесь очевидно лишь одно утверждение – и для рабочей, и для крестьянской поэзии определяющим является богатство традиционного фольклора с его разнообразием стихосложения, форм и существования.

И еще об одном. Может быть, одним из первых С. Знакомый обратился к теме-«табу»: «государственный лидер и фольклор». Тем не менее именно он в «горячий 1936 год опубликует статьи “Ленин и Сталин в фольклоре”*, “Сталин в народном творчестве”**».

Положительную оценку критики получили повести С. Знакомого «Гончары» и «Биография моего героя».

Если сказать несколько слов о последней (это наш авторский вывод. – *А.Р., Ю.Р.*), повесть (и в то время) заслужила справедливую позитивную оценку. Авторский рассказ о безрадостном детстве беспризорника Казима дополняется характеристиками жизни дореволюционного города с его контрастами и противоречиями. Убедительны сцены полуголодного существования жителей городских окраин, поданные через восприятие мальчика, через его «биографию». В правильной тональности выдержаны и те разделы, где рассказ идет об «обнищавшем и разрушенном» гражданской войной Минске, нелегкой нищенской судьбе семьи Казима и тех жителей Нижнего базара, с которыми был связан маленький человек.

Несколько статей анализу прозы С. Знакомого посвятил К. Чорный, называя его перспективным и интересным автором. К примеру, в аналитической статье «Замечания к стилевым тенденциям в творчестве Сергея Знакомого» («Заўвагі да стылёвых тэндэнцый у творчасці Сяргея Знаёмага») он подметил и недостатки прозы молодого писателя – фольклорную

³⁷ Знаёмы, С. Рабочая песня / С. Знаёмы // Полымя рэвалюцыі. – 1935. – № 8.

* Літаратура і мастацтва. – 1936. – 22 студз.

** Там же. – 12 ліст.

стилизацию очерков, увлечение уменьшительно-ласкательными формами слов («заработок невеличкий», «в руках с посошком», «кирпичики-красавицы», «ветрик»), нагромождение фактов, иногда противоречащих один другому. «Для понимания тогдашнего состояния творчества Сергея Знакомого... важно видеть, что здесь не осмысливаются проявления быта, а подаются в своей моментальной застылости. Иногда эти факты могут глубоко волновать, но это от них самих, от того, что они от самой жизни. Что же до автора, то временами его самого необходимо побеждать. Вместо того, чтобы композиционной комбинацией этих самых фактов, соответствующей обрисовкой людей, усилением и ослаблением (где это необходимо) определенных черт и деталей вести читателя через произведение к полной идее, взять его в плен образов и таким порядком воздействовать на него, автор оставляет читателя перед лицом голых, оторванных от процесса своего развития и преобразования, застывших в определенном моменте фактов, страшно противоречивых, противоположных, без ясного определенного конца и начала. Автор оставляет читателя перед лицом фактов, не приведенных в систему, характерную каждому художественному произведению. Автор ограничивается лишь фактографической подачей материала, подачей застывшего и недвижимого момента», – писал К. Чорный.

И как бы обобщая, К. Чорный пишет: «О Сергее Знакомом можно сказать, ... что это писатель рабочий, но не каких-либо крупных промышленных центров, а рабочих окраин, рабочих поселков, рабочих из ранее называемых поветовых городов. Близость к крестьянству – эта печать достаточно выразительно накладывается на творчество Сергея Знакомого. Глубокое знание быта, жизни, труда, выше упомянутой рабочей среды – это черты Сергея Знакомого как писателя. Знание это очень конкретное, очень выразительное и органическое. С этим материалом Сергей Знакомый ощущает себя как хозяин. В подаче этого материала он конкретен. Здесь нет никакой лакировки, надуманности. Этот момент очень важен для писателя. Но сюда вклеивается наносная стилизация, серенький колорит мелкоты, сентиментальщина».

Последняя книга очерков «Контакт», сданная в издательство, получила негативную оценку М. Лынькова. В статье «Творческий обзор молодежной литературы» («Как не следует писать о комсомоле») М. Лыньков напрямую обвинил молодого автора в лакировке действительности, поклепах на партию, комсомол и т.д. Усилия С. Знакомого и его знакомых, предпринимаемые для выхода книги, успехов не достигли. Книга так и осталась в издательстве. В 1936 г. С. Знакомый был незаконно репрессирован*, осужден на 8 лет лагерей. Сохранилось несколько документов, рас-

* Обвинялся как участник «контрреволюционной фашистской организации, ставившей своей целью активную борьбу с советской властью за создание Белорусской Народной Республики путем отторжения БССР от СССР и присоединения к Польше».

крывающих содержание допросов писателя-«предателя». Из протоколов допросов С. Знакомого (декабрь 1936 г.):

«[Я говорил, что] в условиях советской власти развитие белорусской национальной культуры невозможно. Белорусских писателей преследуют. Они находятся в бедственном положении. Но скоро придет наше время, сменится власть, и мы будем свободно писать...

Моряков мне неоднократно высказывался, что в условиях советской власти талантливые белорусские писатели гибнут. В качестве примера он приводил Чарота и Кляшторного, которые спились только потому, что их унижали как белорусских писателей...

Алехнович, после разгрома «нацдэмовщины», ушел в «подполье» ...Зарецкий, Граховский, Шашалевич, Вольный и Сташевский саботировали в творческой работе – занимались только переводами...

Огнецвет, работая на радио, вела там детские передачи и популяризировала («нацдэмов») Барановых и Ковалю...

Дудар [...] вынял спрятанные фото высланных нацдэмов и, вспоминая о совместной с ними деятельности, высказывался об этом периоде как о расцвете белорусской культуры...

Сташевский говорил, что белорусская литература в загоне, [происходит] упадок культуры... белорусские пьесы даже театры не стали ставить, печатаются только писатели-коммунисты...

Тишка Гартны говорил то же самое...

С этими высказываниями я был согласен... Во всех разговорах я высказывал свою солидарность...»

Есть воспоминания, что, приняв решение суда, С. Знакомый поставил одну цель – выжить. Но... не удалось, в 1937 г. он умер на Колыме.

Думается, что мы незаслуженно забываем тех литераторов – уроженцев Витебщины, которые, пусть и не стояли в одном ряду с П. Бровкой или В. Дубовкой, Э. Самуйленком, но своей «скромной» поэтикой формировали многослойный фундамент новой белорусской литературы, добавляя в общую палитру собственное видение, восприятие и осмысление происходящего. И здесь мы непременно назовем имя журналиста и поэта-самоучки, уроженца д. Холомерье Городокского района, активного комсомольского лидера и советского работника **Змитера Максимовича Житкевича** (1904–1955). Не получив фундаментального образования в стенах учебного заведения, З. Житкевич постигал «университеты» жизни на Городокской земле. О том, что «уроки» местных больших и малых дел давали результат, можно судить по следующим биографическим фактам: в 1925–1926 гг. – заведующий Езерищенского народного дома; в 1926–1927 гг. – секретарь редакции «Віцебская сялянская газета»; 1927–1931 гг. – секретарь Витебской городской газеты «Віцебскі пралетарый». В 1933 г. З. Житкевича призвали на работу в железнодорожный отдел НКВД. В конце 20-х – начале 30-х годов XX века в местной и республиканской печати регулярно появлялись стихи,

рассказы, очерки и публицистические заметки З. Житкевича. Его произведения вошли в литературно-художественные сборники «Начало» и «Рассвет», изданные Витебским филиалом «Маладняка», а также в сборник Витебской БелАПП «Ритмы строительства». В 1931 г. витебские литераторы избрали З. Житкевича ответственным секретарем Витебского филиала БелАППа. Хотя он и был литературным организатором, но печатался в витебской прессе редко – позиции автора и позиции газет часто не совпадали. Умер и похоронен в Риге.

В когорте Витебской ассоциации пролетарских писателей значится и проживший только 25 лет, уроженец г. Витебска, рабочий Витебского станкостроительного завода «Коминтерн», а затем выпускник Белорусского высшего педагогического института **Сергей Мурзо**.

Его стихи (к примеру, «Весна в литейной» («Вясна ў ліцейным»)) – поэзия поэтов-ударников – это восславление ударнического труда первых пятилеток (завод, цех, рабочее место), это юношеское восприятие невиданного на Белоруссии трудового (ударничество и соревновательство) подъема, это, наконец, попытка соединить лирическое мировосприятие, собственное видение красот родной природы с требованиями БелАППовской критики о восславлении промышленного производства, «машинной» тематики. Заметим, что литературное наследие С. Мурзо практически не исследовано. Незаконно репрессирован в 1936 г. Есть сведения, что погиб в лагерях в 1937 г.

Перед войной заявил о себе прозаик и журналист, уроженец д. Заболотье Лепельского повета Витебской губернии (ныне Лепельский район) **Петр Дмитриевич Дудо** (1911–1958). После окончания в 1940 г. Коммунистического Института журналистики в Минске работал заместителем редактора белостокской газеты «Свободный труд» («Вольная праца»).

В печати со статьями начал выступать в 1934 году, а в 1935 г. читатель познакомился с его первыми рассказами. Обратившись к некоторым из них («Не доехали» («Не даехалі»)) (1935), «Заносы» («Заносы»)) (1938), «Профессор» («Прафесар»)) (1939) и к «Киноповести о великом летчике» («Кінаапавесці аб вялікім лётчыку»)) (1941), мы сегодня почувствуем озабоченность писателя сложностями тогдашней жизни, его стремление сделать для читателя эту жизнь более понятной.

Уже упоминали имя Степана Семашки – редактора газеты «Чырвоная Полаччына». В контексте разговора о литературе БелАППовского периода приходится констатировать, что он был одним из тех, кто пытался постичь смысл социалистических преобразований в придвинско-поозерской деревне, донести до читателя все трудности перестройки деревенской психологии, постичь настроения участников этого движения. Статьи С. Семашки, печатавшиеся на страницах альманаха «Рассвет», журнала «Маладняк», газет «Чырвоная Полаччына», «Калгаснік Беларусі»,

«Шлях калектывізацыі», находили понимание у читателя, получали широкий общественный резонанс.

В 1932 г. уже опытный журналист и прозаик С. Семашка опубликовал свою книгу рассказов «Перелом» («Пералом»). Рассказы, очерки, зарисовки С. Семашки посвящены, главным образом, коллективизации, анализу тех сложных процессов, которые имели место при переходе от частнособственнического к коллективному хозяйствованию. Автор стремился психологически мотивировать поступки своих героев, показать их размышления, постичь крестьянскую рассудительность, обуславливающую их личностный выбор, дела и поступки. Он стремился донести до читателя драматизм событий того времени, когда родные и близкие люди становились заклятыми врагами («Братья» («Браты»)).

Казалось бы, психологизация поступков, белорусская природа, действия героев (не всегда продуманные) должны были вызвать интерес у читателя. Этого не произошло, и с 1936 г. С. Семашка в печати не выступал. Прошел журналистские дороги Великой Отечественной войны. Умер в 1965 г., похоронен в Минске.

На первом этапе своей деятельности БелАПП и ее филиалы на местах особое внимание проявляли к начинающим авторам, занимающимся разработкой новых жанров. Одним из таких прозаиков стал уроженец г. Глубокое учитель, журналист и писатель **Леонид Свэн** (1900–?). Его фельетоны (первый «С Новым годом» («3 Новым годам»)) опубликован в газете «Савецкая Беларусь» за 1 января 1927 г.), репортажи, очерки, рассказы печатались в газетах «Савецкая Беларусь» и «Сялянская ніва». Первая книга фельетонов «Волшебная игла» («Чароўная іголка») вышла из печати в 1929 г. Однако уже в 1930 г. Л. Свэн как «нацдем» арестовывается по делу т.н. Белорусского национального центра и высылается сначала в Сибирь, а затем в Коми АССР.

Возможно, психологический надрыв, личная обида на необоснованность обвинений стали поводом к тому, что в оккупированном Минске он стал пособником немецких властей (сотрудничал с редакцией «Белорусской газеты», печатался под псевдонимом Л. Кривичанин, объединяя свои произведения в один прозаический цикл «Дневник Чуженинова»), а затем в 1944 г. бежал в Германию. Из борца с советской бюрократией во второй половине 20-х годов Л. Свэн во второй половине 1940-х превратился в «кусачую собачку» «холодной войны» – активно сотрудничал с антисоветскими газетой «Отчизна» («Бацькаўшчына»), журналом «Март» («Сакавік») и другими эмигрантскими изданиями.

Воспитанник и активный участник Оршанского «Маладняка», уроженец д. Кривуше Оршанского повета прозаик **Владимир Наумович Межевич** (1907–1988) заявил о себе в литературе в 1931–1932 гг., когда из печати вышли его первые книги очерков и рассказов «Шаг в будущее» («Крок у будучыню») и «Дорогой героев» («Шляхам герояў»), посвящен-

ные показу трудовых достижений белорусов. Печатался в журнале «Беларуская работніца і сялянка», газетах «Малады араты», «Звязда», «Сялянская змена», «Чырвоная змена». Работая с 1933 г. редактором бегомльской районной газеты «Колхозный боец» («Калгасны змагар»), активно выступал за создание Союза Советских писателей Белоруссии. В 1937 г. арестован и приговорен к 10 годам лагерей. Долгое время жил за пределами БССР. Умер и похоронен в Минске.

Нельзя не вспомнить поэта, прозаика и драматурга, уроженца г. Витебска **Тодара Лебеду** (Петр Федорович Широков) (1914–1970). Выходец из бедной рабочей семьи, он прожил сложную и драматическую жизнь.

Начал печататься в 1932 г., когда в газете «Віцебскі пралетарый» были опубликованы его первые стихи и очерки. Поступил учиться в Минский педагогический институт. В это время начал писать очерки («Другая жизнь» («Другое жыццё»), «Первая пахота», («Першае ворыва») и стихи, которые печатались в газетах «Савецкая Беларусь», «Піянер Беларусі». Но в 1936 г. был арестован, обвинен в «буржуазном национализме» и осужден на 5 лет ссылки. В 1940 г. по ходатайству жены перевезен в Минск «для пересмотра дела». Затем перевезен в г. Червень, где его и застала война. Во время оккупации жил с семьей в Витебске, в 1943–1944 гг. редактировал газету «Белорусское слово». Писал стихи, рассказы, драматические произведения. Здесь же написал пьесу «Загубленная жизнь» – первое антибольшевистское произведение в белорусской литературе (была поставлена на сцене Минского городского театра, а в 1952 г. в Канаде издана отдельной книгой).

В 1944 г. издал в Минске поэтический сборник «Песни изгнания», в который включил стихи, написанные в сталинских лагерях. В 1947 г. снова арестован, осужден на 25 лет лагерей. Но в 1956 г. был освобожден. Жил и работал сначала в Слониме (здесь написал трехактовую пьесу о деревенской жизни «У нас, на Гродненщине»), а затем в Червене. В 1962 г. эмигрировал из СССР.

Яркой страницей в довоенной белорусской литературе является творчество уроженца г. Сенно, выпускника Московского института истории, философии и литературы, аспиранта Академии наук БССР, поэта и детского писателя **Алеся Жаврука** (Александр Дмитриевич Синичкин) (1910–1942).

Печататься начал еще в 1926 г. Но первый поэтический сборник «Ручьи» («Ручаі») вышел из печати лишь в 1936 г. В 1938 г. читатель познакомился с новыми книгами А. Жаврука – сборником стихов «Днепро выходит из берегов» («Дняпро выходзіць з берагоў») и поэмой «Кровью сердца» («Крывёю сэрца»), посвященной борьбе с фашизмом в республиканской Испании. Примечательным явлением в белорусской поэзии 1930-х годов стала «Рогачевская тетрадь» молодого поэта, посвященная г. Рогачеву, в котором после переезда из Витебска он прожил более 20 лет и где учился и в школе, и в педагогическом техникуме. Анализируя стихи и поэмы А. Жаврука, можно увидеть, что произведения пронизаны зрелостью

содержания, поэтическим осмыслением жизни, эстетической завершенностью. В них зафиксировано восприятие мира тем поколением, которому посчастливилось ощутить пафос первых пятилеток и стать в суровое военное время на защиту независимости своей родины.

Творческое содружество с А. Ушаковым позволило ярко раскрыться еще одной стороне таланта молодого автора – умению писать для детской аудитории: в 1939 г. вышли в свет книги «О моем товарище» («Пра майго таварыша») и поэма «О славных папанинцах нашего детсада» («Пра слаўных папанінцаў нашага дзетсада»). А. Жаврук – соавтор либретто первой белорусской оперетты «Заречный борок» («Зарэчны барок»).

В подтверждение многоплановости поэтического мастерства нашего земляка предлагаем читателю несколько стихотворений, написанных в разные годы и характеризующих чертами открытости, простоты мысли и чувства, доверчивостью поэтической интонации.

– В 1929 г.:

*Гаварылі, часамі ўвосень
Завінаюцца сцезкі ў сум,
І юнацкія свежыя крозы
Маладую губляюць красу,*

*І што сэрца ў цемрадзі стыне,
І цішэе слоў песенных цок,
Як каханне чарнявай дзяўчыны,
Як сяброўства кудравых хлацоў.*

*Толькі я, мо таму, што прысады
Адмаячылі золатам ліп,
Калышу ў сэрцы ціхую радасць
Ў адцвітанні вячэрняй зямлі.*

*Можэ, з часам завяне бадзёрасць
І гады лягуць шэрагам плям,
Толькі сёння агністыя зоры
Адзначаюць мой песенны шлях.*

*...І звініць непаўторнасцю чыстай
Ў кожным слове юнацкай штрафы
І бароў маладая ўрачыстасць,
І сумэтаў чарэшневых пыл.*

– В 1938 г.:

*У лёце гэтых дзён бясконцым,
Пад гэтым небам маладым*

*Твой лёс маім быць ясным сонцам,
А мой – сланечнікам тваім.*

*Куды ні пойдзеш, ні павернеш –
Я ўслед вярнуся за табой,
Як той сланечнік сонцу верны,
Сваёй кудравай галавой.*

«Сланечнік»

Мы несколько раз вспоминали имя оршанского «маладнякоўца» **Юлия Таубина**. Здесь же приведем одно из последних произведений 26-летнего автора. Это перевод стихотворения «Законы Бога и людей» английского поэта Альфреда Хаусмана, осуществленный незадолго до ареста в 1937 г.:

*...Себе другой избрал я путь –
Они хотят меня вернуть.
Но я, хуля законы их,
Им не навязывал своих.
Мол, как угодно, господа, –
Раз вы туда, так я сюда.
Так нет же! Им стерпеть нельзя,
Что у него своя стезя.
Они грозят – иди назад,
Не то – тюрьма, петля и ад.
Как не робеть мне! Суд их скор.
Могу ль вступить в неравный спор?
Не я построил этот мир.
Я в нем блуждаю, чужд и сир.
Хоть глупые, но господа –
Они. Их сила, их права.
А нам на Марс не улететь
С тобой, душа моя... Так впредь
Смирись и следовать сумей
Законам Бога и людей...*

Отличительной особенностью рассказов, повестей, очерков уроженца г. Орши, прозаика и журналиста **Александра Евгеньевича Миронова** (1910–1992) стало их посвящение показу жизни, работы и героических свершений советских моряков (сам А. Миронов плавал на многих судах советского торгового флота, был участником героической челюскинской эпохи (1933–1934 гг.).

В довоенное время и военные годы издал сборник рассказов «Морские будни» (1932), «Чукотские новеллы» (1936), «У студеного моря» (1937), «Большое сердце» (1939), повести «Мужество» (1942), «Крепость во льдах» (1944)*.

Было бы несправедливым не вспомнить уроженку д. Торгуны Борисовского повета Минской губернии (ныне Докшицкий район) образованнейшую учительницу, жену и сподвижницу М. Горецкого, детского писателя и переводчицу **Леонилу Устиновну Чернявскую (Горецкую)** (1893–1976). Заявив о себе в печати в 1919 г., Л. Чернявская издаст в конце 1920-х годов книги для детей «Варька» («Варка», 1928), «Кот Найдён» («Кот Знайдзён», 1929).

В 1930-е гг. писательница была особенно активной – из печати вышли ее книги для детей «Андрейка» («Андрэйка»), «Победа» («Перамога»), «Стальная лошадь» («Сталёвы конь») и взрослых «Валуй – комиссар времен керенщины» («Валуй – камісар часоў кераншчыны») (1929), «Бездетность» («Бяздзетуха»), «Путешественница» («Падарожніца»). «Рассказы» («Апавяданні»). Печаталась в журналах «Маладняк», «Польмя», «Искры Ильича», «Бібліятэка работніцы і сялянкі», «Бібліятэка школьніка», газетах «Літаратура і мастацтва», «Звязда», «Савецкая Беларусь», «Беларускі піянер». Критики тех лет (П.Г., Н. Кабаков и др.) писали, что Л. Чернявской присуще тонкое осмысление народного слова, глубокое понимание психологии детского и взрослого читателя, занимательность и интрига сюжетного построения. Но в то же время в некоторых рассказах («Класная газета» («Класная газета»), «Победа» («Перамога»)) ощущалась искусственность, «свайго роду запраграмавіраванасць, калі абавязкова павінна быць так, а не інакш» (А. Марціновіч). На белорусский язык перевела произведения А. Чехова, И. Тургенева, В. Короленко, В. Гаршина, Э. Ожешко, Р. Киплинга, Э. Сетон-Томпсона, Ш. де Костера, Г. Крауса, А. Доде и других писателей.

В истории белорусской культуры Л. Чернявская (Горецкая) известна и тем, что в невероятно тяжелых условиях жизни (находилась в ссылке вместе с мужем – М. Горецкий был одним из первых, кого как «нацдема» выслали из Минска); в годы Великой Отечественной войны потеряла сына) сохранила богатый литературный архив М. Горецкого. Умерла и похоронена в Ленинграде.

В художественной культуре Витебщины довоенных лет заметное место принадлежит поэту и прозаику, уроженцу д. Шайтерево Дриссенского повета Витебской губернии (ныне Верхнедвинский район) **Тарасу Константиновичу Хадкевичу** (1912–1975).

Окончив Вольнецкую семилетнюю школу, Т. Хадкевич поступил на учебу в Полоцкий педагогический техникум, затем работал в газете «Красная Палаччына». В Полоцке Т. Хадкевич вступил в комсомол, был принят

* Анализ прозаического творчества А. Морозова будет сделан несколько позднее.

в полоцкий филиал «Маладняка». Работая в газете, подружился с уже известными А. Астрейком и Э. Самуйленком.

Первое стихотворение напечатал в 1925 г. в журнале «Малады араты». В 1932 г. издал сборник поэзии «Смелее, товарищ» («Смялей, таварыш»).

Осенью 1931 г. поступил на учебу в Белорусский высший педагогический институт в Минске, занятия в котором совмещал с работой в Белорусском телеграфном агентстве и газете «Рабселькор». В 1933–1934 гг. работал в газете «Чырвоная змена», печатался в «Комсомольской правде», в 1936–1941 гг. – разъездной корреспондент газеты «Звезда».

Активный участник Великой Отечественной войны. Демобилизовавшись из Советской Армии, работал в газетах «Звезда», «Літаратура і мастацтва», Союзе писателей БССР.

Умер и похоронен в Минске.

Особое место в художественной жизни Витебщины довоенных лет принадлежит писателю **Юрке Витьбичу** (Георгий Щербаков) (1905–1975), имя которого в 30-е годы часто встречается на страницах белорусских газет и журналов рядом с именами П. Бровки, М. Лынькова, К. Чорного, А. Кулешова, Э. Самуйленка, других писателей и поэтов. Однако вплоть до начала 90-х годов XX в. (о нем писали Б. Саченко, Л. Юревич, Г. Стукалич, Л. Прончак) Юрка Витьбич в литературоведческих работах практически не упоминался*. А ведь он стоял у истоков белорусской исторической прозы, придавал большое значение художественно-краеведческой литературе и, как пишет А. Мартинович, «во многом обгонял свое время, благодаря художественной интуиции был способен смотреть далеко вперед»³⁸.

Детские и отроческие годы Ю. Витьбич провел в семье родителей в г. Велиже (в то время входил в состав Витебского повета Витебской губернии). Окончил педагогический техникум, служил в Красной Армии, работал на стройках и предприятиях Москвы. В начале 30-х годов вернулся в Витебск. Активно сотрудничал с журналами «Узвышша» и «Полымя рэвалюцыі», принимал участие в работе литературного объединения «Узвышша», возглавлял витебскую, гомельскую, белостокскую экспедиции по учету и охране памятников истории и искусства, вместе с другими авторами работал над созданием истории витебских, гомельских, борисовских фабрик и заводов. В 1939 г. стал членом Союза Советских писателей Белоруссии (жена Ю. Витьбича Г. Стукалич вспоминает, что любовь к истории будущему писателю привил ее отец Иван Кондратьевич Кондратьев, заведующий Велижским городским архивом).

* В своем полном объеме этот вывод будет не совсем точным. Имя Ю. Витьбича упоминалось тогда, когда речь шла о предательстве отдельных писателей, в годы Великой Отечественной войны сотрудничавших с оккупантами, а впоследствии эмигрировавших в США. Появились и публикации, в которых Ю. Витьбичу отказывали в литературном мастерстве, по сути ставили крест на его творчестве (Не вам беларусамі звацца // Літаратурная газета. – 1966. – 22 окт.).

³⁸ Марціновіч, А. Дзе ж ты, храм праўды? / А. Марціновіч. – Мінск, 1996. – С. 153.

Свой первый рассказ «Жаўнер Юрка Загар» Ю. Витьбич напечатал в 2 номерах страницы «На Белоруссии», являющейся приложением к общероссийской газете «Гудок»*. Правда, сам писатель начало творческой деятельности связывает с публикацией рассказа «Млынарова рука»**. Мы же вспомнили «Жаўнера...» по следующей причине. Во-первых, в этом рассказе намечается та литературная стезя, которую выбирает для себя молодой автор и, во-вторых, становится заметной та языковая эквилибристика, которая впоследствии станет предметом острой литературной критики. (Кстати, в письме к поэту Петру Глебке Витьбич признается: «Не ведаю, наколькі мая мова (і наогул – ці існуе яшчэ мова Віцьбіча?) вычурная, кніжная, некалькі архаічная, бо дрэннае веданне жывой мовы не дае мне крытэрыя ў гэтым стасунку»³⁹).

Тем не менее именно этим рассказом Ю. Витьбич открыл свой первый прозаический сборник «Смерть Ирмы Лайминг», изданный БелГизом в 1932 г. Думается, сделано это было вполне сознательно – в рассказах, включенных в сборник («Крик Габриэля Кавки» («Крык Габрыэля Каўкі»), «Смерть Ирмы Лайминг» («Смерць Ірмы Лаймінг»), «Ветры западные» («Вятры заходнія»)), Ю. Витьбич пошел по заявленному в первом рассказе творческому пути: попытался постичь сущность духовных и душевных изменений личности, попавшей под не совсем понятную идеологию нового общества. С одной стороны, показ революционной действительности у Витьбича это почти прочитанная по-своему теория Пролеткульта («...Сожжем Рафаэля!..») и подкрепленная личностными эмоциональными оценками автора («У бакавой галярэі зрывалі са сцен сямейныя партрэты рыцараў і пекных паненак у гарнітурах і зачосах сярэднявечнае Польшчы, талачылі іх ботамі ў шкумаццё, рвалі шаўковыя крывавай чырванні брусельскія заслоны, разгарнулі сякерамі старыя сямейныя клавікорды і струны, што калісьць нараджалі паланезы, у якіх дзіўна перапляталіся і журба па старой Польшчы, і каханне да радзімага люду, рваліся і, аганзуючы, спявалі апошнюю лебядзіную песню старых клавікордаў»). Натурализм автора особенно заметен, если обратиться к описанию погромных действий одной из героинь – бабки Мальгретты: «Яна пачала біць кійком па струхнелым генеральскім мундзіры, які рассыпаўся пылам, і ордэны, падскокваючы, правальваліся праз рэбра ў пустую парожніцу».

Авторская позиция Ю. Витьбича, зафиксированная в первом рассказе, как будто невидимая ниточка, высвечивает жизненную позицию других героев первого сборника, особенно Ирмы Лайминг – не врага Советской Белоруссии, но человека метущегося, думающего и в итоге ... ушедшего из жизни со своими раздумьями и психологическими взрывами.

* Гудок. – 1929. – 23 марта.

** Узвышша. – 1929. – № 9–10.

³⁹ Лісты Юркі Віцьбіча да Пятра Глебкі // Польшчы. – 1998. – № 3. – С. 249.

Он был активным литератором, думающим о развитии белорусской художественной культуры, следил за достижениями коллег по перу, высказывал свои суждения и оценки современному ему литературному процессу. Вот, к примеру, несколько ссылок на переписку Ю. Витьбича с П. Глебкой:

– письмо от 14 апреля 1933 г.: «Анэгды прыехаў з Віцебску, дзе пазнаёміўся асабова з Ушаковым, Люгоўскім і Жалезьняком... Надзвычай цікавыя і здольныя хлопцы, з якімі вырашыў 1001 пытанне...»⁴⁰;

– письмо от 25 августа 1933 г.: «Артыкул Бандарынай выклікае адзіны дыягназ – некаторая затрымка з мэнструацыяй шкодна адбілася на разумовай працы, і сталая дзяўчына пачала з пяціпудовай грацыяй юрыць... нават з крытыкамі»⁴¹;

– письмо от 22 октября 1933 г.*: «Хочацца пагаварыць з Вамі наконт некаторых віцеблян. Кагадзе чытаў у “ЛіМе” артыкул Ушакова аб адсутнасці належнай увагі з боку літкрытыкаў да маладых пісьменнікаў. Артыкул добры і патрэбны, бо наш Аргкамітэт раскачваецца ў гэтым стасунку, як (выбачайце за вульгарнасць) у старога каня пэўная зброя. Найлепшым прыкладам неабходнасці большай чуласці да маладых і з’яўляецца сам аўтар артыкулу. Неяк віцебскі Кучар-Васілёнак адзначыў у “ЛіМе” як дасягненне (нават артыкул мае загаловак “Нашы творчыя дасягненні”) тое, што Ушакоў “выдае чацьверты зборнік сваіх твораў, з якіх тры прыпадае на апошні год”. Зразумела, спрэчна такое ўзважванне творчых поспехаў на пуды паперы, і досыць тут толькі прыгадаць словы М. Горкага наконт Бязыменскага – яны больш чым добра кваліфікуюць і гэтае “дасягненне”. Паэт ведае чыгунку, як, магчыма, з беларускіх пісьменнікаў ведае яе толькі Шынклер, але якой часамі бескаляровай атрымоўваецца яна ў яго, дзякуючы няўменьню яшчэ адрозніваць адзначае ад выпадковага – агульшчына, павярхоўнасць. Андрэй Ушакоў добра пачаў пісаць, а апошнім часам неяк спыніўся і не расьце, бо нельга ж лічыць яшчэ за рост нават 24-ы зборнік твораў з супер-вокладкай. Яго абганяе Жалязьняк, які, на маю думку, самы моцны з віцебскіх пісьменнікаў. У яго адчуваецца і своеасаблівасць, чаго няма дагэтуль у Ушакова. Зайзд-рошчу ягонай мове, падыходу да тэмы. Спатыкаюцца часам добрыя рэчы ў Люгоўскага. Што датычыцца Мазуркевіча і Жыткевіча, дык я наогул ня ведаю, што да іх датычыцца – толькі не літаратура»⁴²;

– письмо от 27 октября 1933 г.: «Цяжка сёння Хадыку і Кавалю – шчыра спачуваю ім. Першы вельмі суб’ектыўна для аб’ектыўных тэм, і тут няма яшчэ пэўнага суходздызя паміж суб’ектам і аб’ектам. У другога

⁴⁰ Лісты Юркі Витьбича да Пятра Глебкі // Полымя. – 1998. – № 3. – С. 204.

⁴¹ Там же. – С. 214.

В письме от 28 сентября Ю. Витьбич сменит свою оценку и скажет, что она «нашла себя именно как поэта».

* Приводится на языке оригинала.

⁴² Там же. – С. 201.

жыцьцё выбівае з-пад ног усю яго ранейшую, прасякнутую панаваньнем зямлі над чалавекам тэматыку. Іх своеасаблівасьць, іх таленавітасьць тут супроць іх». И здесь же: «Цікава, ці дасылаюць што-небудзь віцебскія хлопцы ў часопісы і лёс гэтага дасланага. Пытаю ў сувязі з іх шматлікімі за апошні час артыкуламі ў газэтах наконт працы філіі ССП»⁴³.

В литературной жизни Витебщины 30-х годов XX в. Ю. Витьбич не только автор с собственным прозаическо-лингвистическим выражением. Это и человек, деятельность которого внутренне согласовывалась с общесоюзной и белорусской писательской организацией. В подтверждение – еще одно обращение к письмам к П. Глебке. Первое датировано 15 июля 1934 г.: «P.S. Вельмі цікавіць з’езд ССПБ. Чамусьці не даю веры, каб мяне прынялі нават у кандыдаты»⁴⁴. На этом съезде его действительно не приняли в СП. Это произойдет позже...

У нас мало говорят об этом. Но, может быть, именно Ю. Витьбич сыграл определенную роль в поддержке жизнотворческой деятельности витебского художника Юдея Пэна, влачившего в 30-е годы нищенское существование.

В письме к П. Глебке, датированном 28 сентября 1933 г., он описывает это нищенство. Вот он, пример того, насколько можно быть внимательным к человеческим невзгодам:

«P.S. Прашу Вашай парады ў наступным. У Віцебску жыве народны мастак Пэн. У дзеда няма асабовага жыцьця – дзесьці за малюнкам калбейніка з выразам абсалютнай прызначанасьці на твары прытуліўся спартанскі ложак, на падвакоўні, побач з палітрай і крэйдай – 2 цыбуліны і 200 гр. хлеба. З сыцен яго чатырох пакойчыкаў глядзіць уважліва на глядача старое беларускае мястэчка – Віцебскі Пескавацік (мястэчка, якое трапіла ў губернскі Віцебск), Янавічы, Веліж, Сураж, Парычы і г.д. А глядачоў гэтых, з якіх дзед не бярэ ніякой платы і перад якімі кожную хвіліну ўдзень і амаль што ўначы адчынены дзьверы, шмат – у пераважнасці моладзь. Магчыма, дзед любіць моладзь, таму што ў яго няма сям’і і ён самотны разам са сваімі калбейнікамі, шайвецамі, балмылохэс, дробнымі гандлярамі, балагуламі і г.д. Стары Юлі Пэн даў такіх славетых мастакоў, як Сорын (сын калбейніка), які зусім нядаўна маляваў у Лёндане партрэт з Георга ангельскага, як колішні сын жабрака з Лёзны, а цяпер сусветна вядомы Марк Шагал, які нядаўна (я бачыў гэты ліст) пісаў:

«Любы мой настаўнік!

Бярыце маю славетую парыскую майстэрню і аддайце мне мой Віцебск.

Як Шульман, як Грынберг і др. Усё гэта дзеці местачковай бядноты, для якой былі зачынены дзьверы і дзяржаўных майстэрняў, і прыватных майстэрняў Рэпіна, Айвазоўскага, Клевера (жыў у Віцебску) і інш. Нядаўна

⁴³ Лісты Юркі Віцьбіча да Пятра Глебкі // Полымя. – 1998. – № 2. – С. 205.

⁴⁴ Там же. – № 3. – С. 254.

Пэн атрымаў прапанову праехаць у Лёндан, раней – у Парыж, але ён ніколі ня здолее спакінуць шайвецаў дзеля Гэоргаў ангельскіх і парыжскіх курв. Сёньня дзед літаральна галадуе (трэба адзначыць, што ён гэта дбайна, як гамсунаўскі гэрой, захоўвае, але дрэнна), ходзіць у абшарпаным паліто і нейкіх стопках. Ён як народны мастак атрымоўвае 250 руб. у месяц, і гэтага досыць для абывацеля, а не для мастака, якога цікавіць пэўная літаратура, якому патрэбны натуршчыкі, фарбы, палотны. Мне здаецца, што становішча Пэна на-сёньня пэўнае дыскрэдытаваньне сучаснасьці, і дайце параду, тав. Глебка, як узварухнуць афіцыйную мастацкую багну, як мабілізаваць (праз друк гэта зрабіць нельга) савецкую грамадскую думку вакол гэтага пытання. Магчыма, патрэбна ператварыць яго квартиру ў мастацкую галерэю з пэўным % на карысьць гаспадара, магчыма, патрэбна павялічыць пэнсію да 600–700 руб., магчыма, патрэбны заказы ад дзяржаўных устаноў, я не ведаю, гэта, на маю думку, місія кампэтэнтнага таварыша, які мае выехаць з Менску ў Віцебск. Я толькі, акрамя жабрацкага становішча Юлія Пэна, ведаю, што на гэтым становішчы ворагі сёньняшняга будуць (у чым у мяне быў выпадак пераканацца) надзвычай дрэнныя рэчы. Парайце, калі ласка, што зрабіць»⁴⁵.

О том, что просьба Ю. Витьбича не осталась без внимания Петра Глебки, свидетельствует письмо в его адрес, датированное 22 октября 1933 г.:

«Дарагі тав. Глебка!

Вельмі шкадую, што не давалося разам з вамі трапіць да Ю.М. Пэна, і вельмі рад, што Ваш артыкул і вашы захады перад СНК і ЦК прымаюць да дзеда належную ўвагу грамадзкасьці і палепшаць яго становішча наогул»⁴⁶.

Не все однако было радостным и беззаботным. На общем собрании Минской писательской организации 11 декабря 1933 г. с докладом «Классовая борьба на языковедческом фронте и реформа правописания белорусского языка» выступил известный «борец» за чистоту пролетарских идей А. Александрович. Вот его пассаж в сторону творчества Ю. Витьбича: «...сродкамі архаічнай, штучнай мовы, мовы, ад якой нясе пахам сярэдневяковых палацаў, працягваецца выразная дваранска-нацыяналістычная сутнасць... У яго аповесці “Лшоно Габоо Бійрушалайм” (“Лшоно Габоо Бійрушалайм”) зробленай на яўрэйскім “матэрыяле”, асабліва выразна працягваюцца ад пачатку да канца, густа, слова за словам, нацыяналістычныя сіяністкія, клерыкальна-містычныя ідэі. Слёзы па яўрэйскай “патрыярхальнай самабытнасьці” і беспрасветнасці разліты па ўсіх старонках аповесці...»⁴⁷.

⁴⁵ Лісты Юркі Віцьбіча да Пятра Глебкі // Полымя. – 1998. – № 3. – С. 200.

И первое, и второе письмо печатаются по тексту оригинала.

⁴⁶ Там же. – С. 201.

⁴⁷ Цит. по: Марціновіч, А. Дзе ж ты, храм праўды? / А. Марціновіч. – Мінск, 1996. – 168 с.

Еще один критик М. Климкович обвиняет Ю. Витьбича в более «смертных» грехах. В статье «На страже большевистского интернационализма» он сожалеет о том, что произведения писателя печатались в журнале «Польмя рэвалюцыі» и что не была вскрыта «перекличка Витьбича с еврейскими националистами»; в статье «Постановление XVII съезда ВКП(б) и задачи художественной литературы» утверждает, что «сам Витьбич выражает давление на литературный язык враждебных нам слоев классового общества, сам выражает нацдемовское влияние на интеллигенцию»; наконец, в Отчетном докладе Оргкомитета Союза Советских писателей БССР первому съезду писателей «Литература Советской Белоруссии за 15 лет» тот же Климкович заявляет совершенно определенно: «Мы должны перед Витьбичем поставить вопрос: или полное признание своих ошибок и полное разоружение, или Витьбич перестает быть советским писателем».

Пришлось Ю. Витьбичу перестраиваться – к рассказам-однодневкам типа «Поэзия» («Паэзія»)* добавляются «идеологически выдержанные» «Тихая Руба» («Ціхая Руба»), «Год» («Год»), «Янак Гай» («Янак Гай»), «Адносис» («Адносіс»), «Курт Лебен анализирует азот» («Курт Лебен аналізуе азот»), «Эжен Делакруа» («Эжэн Дэлякруа»), в которых главенствуют надуманные производственные конфликты, разрешаемые по «классовой схеме», отсутствуют живые, полнокровные характеры. Произведения казенно-повседневного содержания составят вторую книгу Ю. Витьбича «Формула супраціўлення касцей» (Минск, 1937). Книга, как и следовало ожидать, получила положительную оценку. Вот как Ю. Витьбич о своей перестройке П. Глебе: «Прыхапкамі 5 месяцаў працаваў над ап[авяданьнем] “Мартин Пуцьра” (“Мартын Путра”). Перамагаў у гэтым апавяданьні ідэалёгічныя крэны і сёньня мне не сорамна за яго, бо яно спадабалася, між іншым, і такому нават “жестоковийному” рэдактару, як Т. Клімовіч. ... “Мартын Пуцьра” – тэрмометр маёй пербудовы»⁴⁸.

Ю. Витьбич был рекомендован в члены Союза Советских писателей Белоруссии, а на заседании правления Союза писателей в феврале 1941 г. был назван в качестве примера для начинающих авторов.

Неожиданные коррективы в жизнедеятельность Ю. Витьбича внесла Великая Отечественная война. Он оказался «по ту сторону» баррикад, согласившись из-за обеда в редакции работать сначала в витебской городской оккупационной газете, а затем в Минске, в литературно-художественном журнале «Узвышша» (из печати не вышло ни одного номера. – *А.Р., Ю.Р.*).

А затем – жизнь в Германии, эмиграция в США. Однако это находится уже за рамками нашего временного исследования.

Завершим размышления о творчестве Ю. Витьбича суждениями символического смысла из рассказа «Мы дойдем» («Мы дойдзем»), написан-

* Польмя рэвалюцыі. – 1932. – № 3.

⁴⁸ Лісты Юркі Віцьбіча да Пятра Глебкі / Польмя. – 1998. – № 2. – С. 207–208.

ного далеко от Родины: «І мы ідзём далей. Ідзём праз дзень, праз ноч. Ідзём і ўзімку і ўлетку. Ідзём і ў навальніцу і ў спякоту. Мы цягнем з сабой у сціпрых хатылях няўтольны сум, што бялейшы ад Гімалаяў і глыбейшы за Атлантыку. І ніколі не можа таго стацца, каб мы не дайшлі нарэшце да свае непаўторнае любові, да сінявокай Беларусі. Занадта вялікае наша замілаванне ёю і занадта глыбокая варажнеча да яе ворагаў, каб гэта не здзейснілася. Але я бачу, як нечакана спазма сціснула вам горла і задрыжэлі вашы вусны. На нашых нагах кроў, і крывёю сцякаюць нашы сэрцы. Дык дайце руку і пойдзем далей. Вунь-вунь бачыце там, далёка-далёка, дзе яснішае неба, зноў сінеюць рэкі, чарнеюць лясы і ўздываюцца ўзгоркі.

Мы дойдзем! Абавязкова дойдзем! Пашчасціў нам Божа! Так станься!»⁴⁹.

Дойти, к сожалению, до родной Витебщины Юрке Витьбичу не пришлось. В 1975 г. он умер и похоронен в американском городе Саут-Ривер.

И «Маладняк», и БелАПП активно работали над развитием иноязычной литературы (например, еврейской)*. В конце 20-х – 30-е годы ХХ в. среди литераторов становятся известны имена Ц. Долгопольского, Гр. Релеса, И. Басса, М. Моделя, Г. Каменецкого и других авторов, пишущих на еврейском и белорусском языках.

Придя в литературу в дореволюционное время, добившись через экстернат учительного права, своей активной деятельностью заявляет о себе уроженец г. Городка **Цодик Львович Долгопольский** (псевдоним Городокер) (1879–1959). У автора так сложилась жизнь, что его просьбы об издании произведений на еврейском языке постоянно где-то «зависали». И только в начале 30-х годов (Ц. Долгопольский был активным сторонником БелАППа. – *А.Р., Ю.Р.*) из печати выходят его книги на еврейском языке: «У открытой калитки» («Каля адчыненай брамы», 1928), «На советской земле» («На савецкай зямлі», 1931), «Моим пером» («Маім пяром», 1932), «Агитпоезд» («Агітцягнік», 1935), роман «Шелк» («Шоўк», 1933) и др. Умер и похоронен в Ленинграде.

Зрелым автором в довоенной еврейской литературе Белоруссии выступает уроженец г. Городка **Бэр Оршанский** (1883–1945), человек непростой жизненной судьбы. Подпольщик на оккупированной поляками территории Литвы и Белоруссии, член ВКП(б)Б с 1918 г., заведующий еврейской секцией Инбелкульта и ... «житель» Колымы в 30-е годы. (Может быть поэтому его «Колымские рассказы» (Минск, 1941) вышли ограниченным тиражом и в короткий срок нашли своего читателя).

Известен как автор нескольких драматических произведений, в т.ч. трагедии «Кровь», драмы «Жертва», пьес «Желтый пояс» и «Начало востока», посвященной революционным событиям в Белоруссии в 1905–1906 гг.

⁴⁹ Цит. по: Літаратура і мастацтва. – 1991. – 8 ліст.

* Этому активно способствовало развитие любительского литературного творчества в середине и второй половине 20-х годов под руководством опытных еврейских литераторов.

Его пьеса «Кровь» ставилась на сцене еврейского театра БССР. Писал для детей, исследовал процессы развития еврейских литературы и театра в Белоруссии*.

Еще одним представителем еврейской литературы, вышедшим из Витебщины, является **Григорий Львович Релес** (1913–?), член Союза Советских писателей Белоруссии с 1936 г. Родился в городе Чашники, окончил Витебский педтехникум и литературный факультет Минского педагогического института (1937), учительствовал, во время Великой Отечественной войны был ответственным секретарем газеты пермских шахтостроителей «Строитель», литсотрудником брестской областной газеты «Заря». После войны работал в республиканских средствах массовой информации (газета «Зорька», журнал «Вожык»).

Своими публикациями заявил о себе во время подготовки к созданию Союза писателей Белоруссии (начиная с 1933 г., его стихи и очерки публиковались в еврейских изданиях – журналах «Штерн», «Советиш Геймланд», газетах «Октобэр» и «Эйникайт». Писал также на русском и белорусском языках. В 1939 г. им изданы книги «Начало» («Пачатак»), в 1941 г. – «Стихи» («Вершы»).

Произведения Г. Релеса – это маленькая летопись того, как евреи Белоруссии, живя в добрососедстве с белорусским и русским народами, определяли свои пути в социалистическом строительстве; это повествование о том, как судьба отдельного еврейского семейства получала новое решение и в своих делах и в судьбе общины; это, наконец, единение жизненных интересов белорусов, русских, евреев, украинцев, живущих на единой территории в условиях нового государственного строя.

Выходец из бедной рабочей семьи в Витебске, выпускник Витебского педагогического рабфака и Минского Коммунистического Института журналистики **Исидор Самуилович Басс** (1910–?) заявил о себе как один из первых белорусских литературоведов. Начиная с первых печатных работ (1937), он системно исследовал вопросы развития дооктябрьской белорусской литературы. Изучал (на основе архивных материалов) неизвестные (или малоизвестные) страницы творческих биографий П. Багрима, Ф. Богушевича, Я. Купалы, Я. Коласа. И. Басс сделал смелую попытку изучить обстоятельства создания «Энеиды наоборот» и «Тараса на Парнасе». В многочисленных статьях и рецензиях показал наличие связей белорусской литературы с литературами русского, украинского и польского народов.

Неожиданным стало решение И. Басса (в то время он работал доцентом кафедры литературы и журналистики Минской высшей партийной школы. – *А.Р., Ю.Р.*) в конце 70-х годов эмигрировать за границу. О творческой деятельности И. Басса в эмиграции практически ничего не известно.

* И в наши дни вызовут интерес рассуждения Б. Оршанского, изложенные в книге «Еврейская литература в Белоруссии после революции» (Харьков; М.; Мн., 1931) и статье «Еврейская литература в Белоруссии» («Маладняк». – 1929. – № 10).

Почти забыто и в белорусской, и в еврейской литературе имя поэта **Гирши Мордуховича Каменецкого** (1893–1957), уроженца д. Чернявка Сенненского повета Могилевской области (ныне Сенненский района). В довоенное время издал напечатанные на еврейском языке книгу поэзии «Простой дорогой» («Простай дарогай», 1933), «Стихотворения» («Вершы», 1938), в соавторстве – сборник стихов «Биробиджан» («Бірабіджан», 1939). В 1940 г. в Минске вышла из печати книга Г. Каменецкого «Заказ на молодость» («Заказ на маладосць»).

Пример БелАППовских подходов к литературно-критической деятельности являет творчество уроженца д. Камень Лепельского повета (ныне Лепельский район) **Михаила Мовшевича Моделя** (1904–1980). Занимая в 30-е годы руководящие посты в учреждениях культуры и искусства Белоруссии (научный сотрудник Института литературы и искусства АН БССР, начальник территориального отдела Управления по делам искусств при Совете Министров БССР и т.д.), М. Модель в своих статьях и очерках, посвященных, главным образом, белорусскому и еврейскому театрам, придерживался апологетических, вульгарно-социологических взглядов. Драматургические произведения и спектакли по ним оценивал в основном с позиций «правильности раскрытия классовой ситуации драматических конфликтов». По форме выглядело для того времени привлекательно*. А по сути – критика режиссуры, основ театра, игровой ситуации на сцене и т.п.

Воинственно выступал против произведений белорусской тематики. Предвзятость и субъективность М. Моделя особенно заметны в его оценке пьес «Неистовая» («Апраметная») В. Шашалевича, «Кастусь Калиновский» («Кастусь Каліноўскі») Е. Мировича, «Скарина, сын из Полоцка» («Скарына, сын з Полацка») Е. Громыки и др. В послевоенные годы сам подвергался критическим нападкам в прессе, поэтому печатался редко. Умер и похоронен в Минске.

Позицию объективного критика занимал уроженец Витебска, выпускник Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина **Петро Федорович Хатулев** (1912–1937). Незаконно репрессирован в ноябре 1936 г., расстрелян в 1937 г. Реабилитирован в 1966 г.

Следовало быть поистине мужественным человеком, чтобы в противовес таким «мэтрам» БелАППовства, как Бенде, Бронштейн, Модель Лимановский и др., в статьях и рецензиях, посвященных анализу творчества А. Александровича, П. Бровки, Э. Самуйленка, Ю. Таубина, В. Ходьки, В. Шаповалова и др., выступить против вульгаризаторского подхода к литературе, вживания, втискивания в «архив революционной «востребованности» (кавычки наши. – А.Р., Ю.Р.) многопланового, богатого по содержанию и тематике творчества белорусского народа.

* Мастацтва і рэвалюцыя. – 1933. – № 1–2; Звезда. – 1933. – 18 крас.

Сегодня ясно, что его критика «рыцарей от критики», анализирующих каждую букву книжки с точки зрения «мировой революции», в которой нет места «голубым... васильковым глазам» Белоруссии с ее древностью и самобытностью культурного развития, была объективно-научной, но неожиданной, непривычной в те годы. И сразу же появились публикации, обвиняющие П. Хатулеву в прославлении националистической «васильковой Белоруссии».

Подобные толкования подталкивали П. Хатулеву к спасению в эстетическом направлении критики. Хотя на этом пути он часто ошибался, давал повод к восприятию своей собственной личности как антипода литературного процесса. К примеру, анализируя статью М. Пиотуховича, посвященную творчеству М. Богдановича, запутался в оценках. Казалось бы, и лирика М. Богдановича, и разумные рассуждения М. Пиотуховича не давали поводов, чтобы разделить творчество М. Богдановича на: а) которое «следует использовать» в белорусской культуре; б) которое «повторяет “задние двери” (“зады”) белорусского буржуазного национализма, русского и западного символизма» (как говорится, смешал воедино «и блох, и свинок»).

Противоречивая жизнь 30-х годов XX в. (может быть это и можно понять) тем не менее сохранила для современника острую авторскую позицию А. Хатулеву – быть объективным в оценке литературного творчества, видеть процесс в его историческом развитии, не искать врагов белорусского культурного развития XIX в.

Маленький пример из жизни конца 1920-х годов, имеющий, на наш взгляд, прямое отношение к Витебщине.

Один из героев гражданской войны (его именем названа улица в современном Витебске. – *А.Р., Ю.Р.*) Витовт Путна в изданной в Москве в 1927 г. книге «К Висле и обратно» приглашал историков, критиков, читателей к откровенному разговору о трагических событиях молодого советского государства: «Я не хотел историю делать прилизанной. Я стремился сделать свою книгу по содержанию и стилю непохожей на обычный тип наших исторических очерков, в которых все гладко, события планомерно развертываются и разумно одно из другого вытекают, и мы, главным образом, показываем себя героями и победителями... Моя работа не является произведением, которое успокаивает. Местами она, быть может, даже проникнута некоторой горечью, но она ближе к настоящей реальности, чем остальные, которые от начала и до конца весьма и однозначно приятны»*.

Книга имела прямое отношение в Белоруссии и вызвала (несмотря на небольшой тираж) огромный читательский интерес своей правдивостью (которая в те годы еще была возможна. – *А.Р., Ю.Р.*). И с помощью критики могла бы помочь читателям в постижении подлинности исторических

* Путна, В. К Висле и обратно / В. Путна. – М., 1927.

событий, понимании роли и жизни людей, в них участвующих, наконец, открытости авторов, издательств и публикуемых произведений.

Однако все это осталось, как говорится, «за кадром». БелАППовский критик И. Барашка не просто не заметил широкого гражданского аспекта, эстетического и человековедческого начала, изложенных непрофессиональным В. Путной (а ведь огромное число страниц касалось белорусских территорий и читателям было бы интересно увидеть общественную, литературную, художественную оценку. – *А.Р., Ю.Р.*), но упрощенно отнес книгу к т.н. специальной военной литературе.

На любом отрезке человеческого развития индивидууму нужен был пример, показ утверждения позитивного начала в жизни через гуманизм и человеколюбие, видение и утверждение этого начала на примере живущих с ним членов сообщества.

В конце 1930-х годов читатели Витебщины познакомятся с начинающим автором – сотрудником газеты «Віцебскі рабочы», автором очерков и фельетонов, уроженцем г. Полоцка **Леонидом Януарьевичем Прокшей** (1912–1994).

В качестве обобщающего вывода приведем слова современного исследователя русской советской литературы А. Желковского, совершенно справедливо отмечающего: «При любом строе искусство создает свою особенную, другую реальность, обогащая таким образом жизнь, помогая ее осмыслению и примирению с ней. Писатели, которым пришлось жить в необычайных советских условиях, одарили нас интереснейшими гибридами и этим внесли свою лепту во всех отношениях в трудное и рискованное дело – тренировку моральных, интеллектуальных и эстетических мускулов нашей непутевой нации».

Уроженцы Витебщины свое литературное мастерство заявляли и в сопредельных с Советской Белоруссией государствах. В **Латвийской Республике**, к примеру, широкой популярностью пользовались имена уроженца г. Полоцка, преподавателя Витебского учительского института, секретаря Витебской ученой архивной комиссии, писателя и фольклориста **Сергея Петровича Сахарова** (1880–1954) и его жены **Ольги Сахаровой (Никонович, 1884–1943)**, родившейся в д. Казановка Лепельского повета Витебской губернии (ныне Лепельский район), окончившей Полоцкую русскую гимназию и заявившей о себе как автор пьес (остались ненапечатанными), стихотворений и детских сценических произведений.

Творческая деятельность С. Сахарова для нас интересна тем, что она является убедительным примером верности белорусским национальным традициям, обычаям, фольклору. В буржуазной Латвии, несмотря на редакционные и цензурные требования, он публикует очерки, эссе, наброски (журналы «Голос Белоруса», «Мысль Белоруса», «Белорусская школа в Латвии»), посвященные древней истории Полоцкого княжества, таким ее легендарным личностям, как князь Всеслав Брючиславович («Чародей»), просветительница

Евфросинья Полоцкая. Для белорусскоязычного читателя познавательное значение имели очерки об изучавших фольклор Витебщины, Полотчины, Оршанщины П. Шейне, Е. Романове, Н. Никифоровском. Историка А. Сапунова в ряде изданий С. Сахаров называл «белорусским Нестором».

Назовем две наиболее известные книги С. Сахарова, посвященные народной художественной культуре: «Белорусский календарь на 1937» и «Народное творчество латгальских и илукстенских белорусов». Первая – включала описание праздников, астрономических явлений, исторических заметок на каждый месяц, народные приметы, советы земледельцам, литературные и фольклорные материалы. Вторая – состояла из 414 песен, расположенных по принципу:

– календарные песни (рождественские, пасхальные, хороводные, купальские);

– бытовые песни (крестьянские, колыбельные, свадебные, похоронно-поминальные и др.);

– повседневные песни (солдатские, шуточные, девичьи напевы и т.п.).

К некоторым песням прилагались нотные записи.

Приходится сожалеть, что творческое наследие нашего земляка находится за пределами родины и мало изучается отечественными исследователями.

Среди написанного Ольгой Сахаровой выделяется пьеса «На Полоцком замчище», в сюжетную основу которой положена драматическая поэма Я. Купалы «Сон на кургане». В 1928 г. пьеса вышла отдельным изданием и ставилась в белорусских деревенских школах. Особый успех имела на Полотчине и Витебщине, а композитор К. Галковский обработал для нее несколько народных мелодий. Успехом у зрителей пользовались любительские спектакли (с исполнением народных песен) по пьесе О. Сахаровой «Птица на свободе». Из неопубликованных работ выделяются пьесы «Молодые побеги» («Маладыя пабегі»), «Письмо к Президенту» («Ліст да Прэзідэнта»), «Аксюткина елка» («Аксютчына елка»), инсценировка «Белорусская свадьба» («Беларускае вяселле»), сборник стихотворений «Отзвуки сердца» («Водгукі сэрца») (хранится в Национальной академической библиотеке в г. Вильнюсе, Республика Литва).

В России станут известными автор сборника юмористических рассказов «Вороная кобыла» (1936) и романа «Горная дорога», уроженец м. Видзы (ныне Браславский район) известный впоследствии советский писатель **Евгений Александрович Федоров** (1897–1961)*; советский писатель, уроженец г. Глубокое **Леон Иосифович Раковский**** ; тувинский

* Основные темы творчества Е. Федорова связаны с историей Урала и Сибири, формированием пролетариата на окраинах и его ролью в революционном движении страны. Написал более 20 книг. Особой популярностью пользовались трехтомный роман «Каменный пояс», романы «Ермак» и «Большой путь».

** В 1924 г. в журнале «Ленинград» напечатан его первый рассказ «Месьть»; в 1927 г. опубликовал сборник повестей и рассказов «Зеленая Америка»; в 1928 г. – сборник «Сивопляс» и повесть «Заблудший дьявол», в которых донес до российского читателя привлекательность быта белорусских местечек, убе-

писатель, соавтор первой научной «Грамматики тувинского языка» и «Основ тувинской орфографии», уроженец г. Верхнедвинска **Александр Пальмбах** (1897–1963); в **Эстонии** – уроженец поселка Освея, что на Верхнедвинщине, публицист, прозаик и фольклорист **Геннадий Геродник** (1911–2000); в **Литве** – уроженец г. Глубокое, литератор и издатель (издавал журналы «Кривич» и «Белорусская среда») **Клавдий Дуж-Душевский** (1891–1959); в **Польше** – уроженец хутора Окунево, что на Глубоччине, писатель (автор популярных романов «Знахарь», «Карьера Никодима Дизмы», повестей о жизни в буржуазной Польше «Последние бригады», «Кивоны», «Чеки для оплаты», «Прокурор Алиция Горн», «Дневник панны Ганки», автор многих киносценариев, пронизанных ностальгическими воспоминаниями о Глубоком **Тадеуш Даленго-Мостович**.

В Польше арестовывался и отбывал заключение в Вильно и Глубоком прозаик, автор повестей «В поисках будущего» («У пошуках будучыні»), «Сражение» («Змаганне»), организатор «Просветительского общества белорусов в Варшаве», уроженец д. Ложные Жуки, что на Шарковщинской земле, **Петр Ластовский** (1907–1968).

Здесь нельзя обойти вниманием имя прозаика, драматурга и переводчика, выходца из той же Шарковщинской земли **Михася Антоновича Машары** (1902–1976). Стихи, написанные во время четырехлетнего заключения в Лукишской (Вильнюсской) тюрьме, стали основой для первого поэтического сборника «Рисунки» («Малюнкі»). Особой популярностью у читателя пользовались стихотворения «То не красный свет вечерний» («То не чырвоны свет вячэрні»), «Деревня» («Вёска»), «Первый дождь весенний...» («Першы дождж вясновы...»), «Скрипят шаги» («Скрыпяць крокі») и др. Вот, к примеру, одно из них:

*То не чырвоны свет вячэрні,
не цені змучаных надзей, –
то край крывавіцца цярпеннем,
зарою бунт –
у вачах людзей.*

*То край ад мукі чырванее,
то гнеў наш пеніцца ў грудзях.
І словы вогненныя сее,
як зоры ў цемру
Млечны Шлях.*

дительность жанровых зарисовок. В советской художественной культуре известен как автор исторических романов «Генералиссимус Суворов» (1947), «Адмирал Ушаков» (1952), «Кутузов» (1960). Изучение истории Великой Отечественной войны на Витебщине позволило Л. Раковскому создать привлекательную для читателя повесть «Константин Заслонов» (1949).

На русский язык перевел «Павлинку» Я. Купалы, драму Я. Коласа «Война войне», роман И. Мележа «Минское направление», повесть П. Ковалева «Андрейка», книгу о белорусских детях, переживших ужасы фашизма, «Никогда не забудем».

*О, край няволі і пакуты,
старая мудрасць курных хат!
Тваё цярпенне перакута
ў барацьбу,
у моц,
у гарт!*

*Другое сніцца цяпер нівам,
другі размах сялянскіх дум.
Як хваля бурнага прыліву,
у сэрцы б'е змагання шум.*

(Лукишки, 1929 г.)

Выход сборника, как вспоминает сам М. Машара, «воодушевил меня (М. Машару. – *А.Р., Ю.Р.*) и определил мою судьбу. Я стал писать больше, смелее и систематично»⁵⁰. После «Рисунков» были изданы сборники «На солнечный берег» («На сонечны бераг»), «Перед наступлением весны» («Напрадвесні»), поэмы «Свадьба» («Вяселле»), «Смерть Кастуся Калиновского» («Смерць Кастуся Каліноўскага»), «Мамина горка» («Мамчына горка»), пьесы «Вот тут и пойми» («Вось тут і зразумей»), «Черт с подпечья» («Чорт з падпечча»), «Легкий хлеб» («Лёгкі хлеб»).

Сборник М. Машары «Из-под крыш соломенных» («З-пад стрэх саламяных») был конфискован в 1937 г. польскими властями, а сборник «Из околиц Синих Болот» («З ваколіцаў Сініх Балот») вообще не был напечатан. Без преувеличения можно сделать вывод, что произведения, опубликованные М. Машарой в западнобелорусских условиях, пронизаны единой доминантой – освобождением народа от всякого угнетения, с одной стороны, и проявлением оппозиционности в отношении польской власти, социального строя и политического режима буржуазной Польши 30-х годов XX в., с другой. Вот два стихотворения, датируемые 1936 г., которые позволяют современному читателю понять, за что подвергался гонениям в буржуазной Польше М. Машара. Гордость за национальные обычаи, духовную традицию, верность родной земле – это было не по нраву цензорам и идеологам Польши.

РУЧНІКІ

*Прапа, выпрадала, –
ночанькі не спала, –
лянок валакністы.*

*Красачак радочкі,
як мілога вочкі,
самі аджывалі.*

*Кросенцы зжанала,
з песняй пачынала*

*За работай гэтай
прамінула лета,*

⁵⁰ Машара, М. Старонкі маёй біяграфіі / М. Машара // Пяцьдзесат чатыры дарогі. – Мінск, 1963. – С. 374.

узор праяністы.

*Пільна, пільна ткала,
выткаўшы, паслала
ручнікі на росы.*

*Да зары мачыла,
на сонцы сушыла,
каб былі бялёсы.*

*І мне на пацеху
сталі белым снегам
і мякчэй за вату.*

*Выкачала гладка,
як вучыла матка,
і занесла ў хату.*

*Жыта каласочкі,
з сінім васілёчкам,
шоўкам вышывала.*

лета залатое.

*А настала восень,
больш не ткала кросен –
сталася другое:*

*сусед нашай хаты
прышоў з Янкам ў сваты –
мяне заручаці.*

*Як ішла да шлюбу
з Янкам сваім любым,
праводзіла маці.*

*Жытам абсывала,
долю заклікала,
стоячы на ганку,*

*вешала на шыю
ручнічочкі твая
мне і майму Янку.*

НА РАЛЛІ

*Ў кашулі белаі палатнянай
з сяўнёй я выйшаў на раллю
і над ажыўшымі палямі
аўсяным золатам званю.*

*Як цень, брыдзе за мною следам
сялянскі конь у баране
і з цёплым ласкавым прыветам
ледзь-ледзь махае грывай мне.*

*А сонца лезе без патрэбы
у вочы, твар і валасы;
і поле пахне свежым хлебам
і хмелем першае расы.*

Подчеркнем, что, несмотря на условия, в которых они создавались, стихотворения М. Машары пронизаны мажорной тональностью, осмыслением радости бытия, верой в грядущие перемены. В контексте художест-

венного приема (композиционного хода) поэт часто использовал форму путешествования, движение в пространстве и времени. При этом лирические герои часто выступают как вестники социального рассвета, прихода ожидаемой народом светлой жизни. К примеру, в лирической поэмесимфонии «Волочечное» («Валачобнае») герой в образе волочечника (в белорусской этнокультурной традиции волочечники – это небольшая группа людей, переходящих от одного дома к другому и исполняющих пасхальные песни. – А.Р., Ю.Р.) определяет свою роль следующим образом:

*Стану пад вокнамі зрання,
Стукацца ў хаты пачну,
Я валачобнік світаньня,
З дум вашых студжу тугу.
Гэта не песня – імкненне,
Буйны вясновы прыліў
Веры ў тваё Адраджэнне,
Ў заўтра ваколіц і ніў.*

В стихотворении «Ночами черными» («Начамі чорнымі») художественная идея звучит пусть и метафорично, но выразительно:

*Мяне хтось кінуў на выгнанне
начамі чорнымі блудзіць,
маліцца песнямі світанню
і спячых волатаў будзіць.*

В стихотворении «Растут вопросы ночью...» («Растуць пытанні ўночы...») (оно больше других несет на себе печать административно-полицейского террора 20-х – начала 30-х годов в Западной Белоруссии. – А.Р., Ю.Р.) лирический герой не поддается растерянности, не теряет веры в будущее:

*Растуць пытанні ўночы,
А ў сэрцы нейкі сум,
Глядзіць бяссонне ў вочы
І ткуцца кросны дум.
І хочацца праверыць
Ўсю моц і гарт душы,
Нанова перамерыць
Дарожкі і шляхі.*

Общей актуальностью в конкретных условиях жизни Западной Белоруссии характеризуются поэмы «Кастусь Калиновский» и «Мамина гор-

ка», не свободные, правда, от публицистики и искусственных литературных приемов.

Следует подчеркнуть, что поэтический путь М. Машары в данное время – это напряженный поиск своего места в общенародной борьбе, своего общественного предназначения. Заявив в середине 1930-х годов в программных стихотворениях «Я сын голытьбы и темноты» («Я сын галоты и цемры») и «Через жизнь» («Праз жыццё») о неотделимости своей судьбы от судьбы народа, поэт не видит путей реализации заявленных целей. Находясь в плену крестьянской идеологии, он становится на позицию созерцателя событий, видит себя человеком, которому попросту хотелось бы «взойти на путь иной», «искать бы жизни правду» и даже «лишь прекрасному молиться». Увлечение чистым искусством, волшебностью сказки уводят его от первоначально определенной цели, от реалистической оценки действительности с ее острыми проблемами, тревогами и противоречиями. И только во второй половине 1930-х гг. у Михася Машары становится более ясной, более выверенной позиция поэта-борца, поэта-звонара, несущего в народ «веру в рассвет и в правду светлых побед». Как, к примеру, в стихотворении «Только в буре найдем победу...» («Толькі ў буры знайдзем перамогу...»), датированном 1937 г.

*Новы дзень недалёка ад нас,
дзень, дзе людзі сапраўды смяюцца,
дзень, дзе шчасце сапраўднае ёсць,
дзень, дзе песні вясёла пяюцца,
дзень, дзе радасць – заўсёдашні госць.*

Обобщая, можно сказать, что в непростых условиях жизни в буржуазной Польше М. Машаре удалось создать реалистический, в некоторой мере романтизированный образ белорусской деревни и ее молодого поколения, готового в революционной борьбе отстаивать свое право на человеческое счастье:

*Прыйшлі мы змагацца і класці
Падваліны новага ладу.*

«Маладым песнярам»

В буржуазной Польше не давали забыть о своем белорусском происхождении уроженцу д. Дедино Дисненского повета (ныне Миорский район), прозаику, драматургу, переводчику, публицисту **Петру Простому** (1890–1944); поэту, прозаику, собирателю фольклора, уроженцу д. Летники того же Дисненского повета (ныне Глубокский район) **Ивану Петровичу Почепке** (1890–1971); молодому поэту, уроженцу д. Голубичи Глубок-

ского района **Алесю Дубровичу** (Алексей Егорович Редька (1910–1942) и некоторым другим.

О поэте А. Дубровиче впервые заговорили, когда он в 1933 году связался с виленским центром западнобелорусской литературы и участвовал в первом нелегальном съезде писателей Западной Белоруссии. Начинаящий поэт в начале 1930-х годов в Западной Белоруссии **сначала** известен как один из активных авторов литературной страницы легальной «Белорусской газеты» – неофициального печатного органа КПЗБ (выходила на белорусском языке в Вильно с 8 июня 1933 г. по 30 января 1934 г. На 17-м номере официально запрещена, а наиболее активные сотрудники арестованы и после двухлетнего расследования осуждены), а **затем** как организатор революционного «Литературного фронта крестьянско-рабочих писателей Западной Белоруссии» (существовал с 10 декабря 1933 г. до начала марта 1934 г. Распался после ареста польскими властями его организационного ядра). Кстати, А. Редька был одним из авторов «Программы Литературного фронта...» (напечатана в первом и единственном номере журнала «Литературная страница», вышедшего из печати 25 января 1934 г.), направленной на организацию духовно-патриотического воспитания литературной молодежи Западной Белоруссии, приглашение ее на творческую работу во имя трудового народа, понимание принципов активной роли искусства в общественной жизни, неприятие теории надклассовости и аполитичности искусства. В стихотворении «Взволнованные напевы» (1937) декларативные строки документа выльются в яркую поэтическую форму:

*Сплати, певец, свой долг великий,
Пророком будь яснейших дней...*

В 1934 г. А. Редька подписал «Декларацию группы поэтов ко всем писателям Западной Белоруссии». Поэтическое слово А. Дубровича зазвучало революционно ясно. Его стихи идут в народ, распространяются в молодежной среде в рукописном виде. И одним из таких примеров была «Крапіва» – стихотворение, в котором ярко и убедительно раскрывается горестная доля и трудная жизнь западнобелорусских крестьян:

*Зелянее на сонцы над плотам
І шапоча маркотна крапіва,
А на вёсцы – нядоля, бядота,
Нашы людзі жывуць нешчасліва.*

*Зачарсцвелага хлеба скарынка
Часта ўпrotchкі ідзе ад абеду.
Доўга ў місцы малая крупінка
Усё гарцуе, не робячы следу.*

*Перад лыжкай павернеца крута,
Быццам дробная рыбка з-пад сеці,
І лавіць яе гэтак – пакута,
Недарма – замарнелыя дзеці.*

*І шапоча маркотна крапіва
Пад вясновага сонца праменнем:
Гэты позірк галодны, скваплівы
Адшукаў яе, нібы збавенне.*

*Заўтра справяць галодныя дзеці
Па вясне зноў памінкі крапівай:
Весялей будуць вочы глядзеці,
З-пад рукі выглядаючы жніва.*

В 1934 г. за активное участие в революционно-литературном движении А. Дубрович был арестован и помещен в печально известную тюрьму, что на Лукишках в Вильно. Сидел юноша в камере для политзаключенных. Два с половиной года допросов, очных ставок, хамских издевательств, разоблачения лживых свидетельств и поклепов, обыски не только днем, но и ночью, отказы во встречах с родными. Можно представить, какой бесчеловечной, жестоко-издевательской была тюремная атмосфера, если в тогдашнем Вильно – это весьма тонко подметил молодой белорусский композитор Рыгор Ширма – не только наблюдалось «разобложение сил», но даже происходил «некий процесс равнодушия к моральной подлости».

Алесю Дубровичу, как и другим арестованным писателям и поэтам, главное обвинение предъявлялось за принадлежность к КПЗБ, создание Литературного фронта, ориентацию на Советскую Белоруссию.

Но это была и школа гражданской зрелости, политического взросления, укрепления личных убеждений. Валентин Тавлай так характеризовал лукишский период жизни А. Дубровича: «Два с половиной года, проведенные А. Редькой (А. Дубровичем. – А.Р., Ю.Р.) в этом «университете» рядом с не одним выдающимся и политически просвещенным революционером, дали ему не только общие знания, но и основы марксистско-ленинского мировоззрения. Повышенный идейный и культурный уровень, обогащенный политический опыт стали предисловием дальнейшего творческого роста. Об этом свидетельствуют новые стихи А. Редьки, которые под псевдонимом «Никита» были помещены в тюремном литературном журнале «Краты»*.

* Таўлай, В. Алесь Дубровіч / В. Таўлай // Мы іх не забудзем. – Мінск, 1949.

После двух с половиной лет заключения в Вильно состоялся суд над писателями-революционерами, т.н. процесс «16» или процесс «Малой грамады». Алеся Редьку (в деле суда поэт проходит под этой фамилией. – *А.Р., Ю.Р.*), «присудили к четырем годам и еще к четырем месяцам за то, что сбил на горький яблочек тюремного надзирателя».

А. Дубрович был освобожден из Лукишек по амнистии в 1936 г., сразу же после оглашения приговора суда, как отсидевший свой срок «авансом», на протяжении затянувшегося расследования. Однако обратимся к Валентину Тавлаю: «В 1936–1939 гг., – пишет Тавлай, – на страницах «Белорусского летописца»** (издавался с начала 1936 г. – *А.Р., Ю.Р.*), а потом и «Колосья»*** появляются стихи Алеся Дубровича. Этим Дубровичем был Алексей Редька, вынужденный маскироваться перед польской дефензивой и цензурой. ...Дубрович упорно овладевал художественным словом, учился у Янки Купалы и у своих старших, более опытных друзей. Был на пороге творческого самоопределения».

Некоторые из этих стихотворений стали почти хрестоматийными. На наш взгляд, разговор может идти о таких, как «Кіну свае думы», «Пад звон драгоў...», «Калісь любові хмель вясняны», «Усхваляванья напевы».

Вот, к примеру, стихотворение «Кіну свае думы», написанное в 1938 г. и раскрывающее уверенность поэта в наступлении позитивных, весенних изменений в жизни, активной роли художника в приближении к народу таких изменений:

*Кіну свае думы жураўліным лётам –
Хай ляцяць да сонца, у далёкі край.
Сам пайду і сяду пад лазовым плотам
І пра тое сонца буду ціха граць.*

*І хоць скасцянеюць пальцы на марозе,
Не пакіну кратаць галасістых струн,
Хай зімой завеі выюць на парозе
Ці ў барах сасновых плачуць, як лясун,*

*А як пашарэе белы снег пад плотам –
Падкручу ў цымбалах кожную струну
І на ўсіх, залітых ранняй пазалотай,
Я зайграю з ветрам маладым вясну.*

*І на хатах людзі вечарам лучынным
Пра вясну, пра сонца будуць гаварыць;*

** Бел. летапіс. – № 4. – 1937; Бел. летапіс. – № 6–7. – 1937; Бел. летапіс. – № 10–11. – 1937; Бел. летапіс. – № 4–5. – 1938.

*** Калоссе. – № 4. – 1938; Калоссе. – № 2. – 1939.

*Выйдуць на ўзгоркі з туманоў лагчынных,
Каб вясняным сонцам грудзі апаліць.*

*Дык ляціце-ж, думы, жураўліным лётам,
Каб хутчэй сустрэцца з сонцам і вясной!
Я іграць не кіну пад лазовым плотам,
Рукі не самлеюць, воч не сплюшчу сном!*

Понятно, что и «тое сонца», и «далёкі край» – это не только о жизни в Советской Белоруссии, о которой мечтали и в приход которой твердо верили подневольные «польские» белорусы. Это еще и яркое свидетельство того, что для жизни наиболее активной части творческой молодежи, которая жила на «кресах восточных», главной целью было ускорить объединение белорусов в единую общую семью, стать активным участником социальных процессов, за которые они боролись в революционном подполье, попадали в полицейские участки и дефензивы, сидели в тюрьмах буржуазной Польши.

Лучшее подтверждение такому суждению находим в стихотворении «Зорны край», датированном 1938 г.:

*Мне песняй выліць хочацца
Увесь жар грудзей маіх.
Наперад!.. Не варочацца,
Хоць шлях калюча-ліх!*

*За хмарамі, за горами
Ёсць сінязорны край.
Іду к яму нязморана –
Гэй, сэрца, марш іграй!*

*Прытол там, зорак поўны, я
Згарну з той сінявы.
Да вас, прасторы родныя,
Да сцежак палявых.*

*Вярнуся, поўнай жменяю
Сыпну пад стрэхі хат, –
Няхай гараць праменьнямі,
Да дня гараць няхай!*

И наконец, о личной роли поэта, зафиксированной в стихотворении «Калісь любові хмель вясняны». Позиции открытой, позиции активного борца, уверенного в правильности избранного пути:

*Калісь любові хмель вясняны,
Што на калоссі ззяў расой,
Пілі мы сэрцамі дап'яна
І вочы цешылі красой.*

*На развітанне ў шлях змагання
Адзін я, без цябе, пайшоў, –
Цябе жыццё маніла раннем,
Магілай веяў звон акоў.*

*Я йшоў нямала ў непагоду...
І зноў мой край – пазнаў сляды,
І зноў гляджу ў твой твар лагодны,
Усё так жа свежы, малады.*

*Адно адменнае пабачыў:
Вачэй агонь раўней гарыць...
Не раз мо выпіла без плачу
Слязу, што ў сэрцы накіпіць!*

*А можа, сэрцам зразумела
Цану нявыбітых дарог!
Дык дай руку – і пойдзем з верай
Насустрач нашых перамог!*

Небольшое творческое наследие поэта все же позволяет сделать некоторые выводы. Для современного читателя А. Дубрович – это не только активный участник революционного движения в Западной Белоруссии. Это, прежде всего, поэт, лирический герой которого мог послать свои мысли «жураўліным лётам», «каб хутчэй сустрэцца з сонцам и вясной», бросить в свет «усхваляваныя напевы», стремиться вперед в будущее, несмотря на то, что «шлях калюча-ліх». При этом «зорны край» А. Дубровича – это не абстрактный образ, заимствованный у символистов. Это именно его, А. Дубровича, поэтическое открытие, которое в жестких цензурных условиях несло к читателю мечту о жизни в Советской Белоруссии, жизни, о которой мечтало население Западной Белоруссии.

Нельзя не согласиться с М. Микуличем, который анализируя творчество А. Дубровича*, наиболее типичным для понимания романтического, образно-эмоционального начала называет стихотворение «Гэй, віхор шырокакрылы...» (к сожалению, оно почти не печатается. – А.Р., Ю.Р.):

* Літаратура і мастацтва. – 2006. – 25 жн.

«В нем лирический герой поэта обращается к “падарожнику непрытульнату” вихрю, спрашивает у него “дзе зываў” он “хмарам грывы, дзе спраўляў свой лёт разгульны?” «Раскажы, што ў сьвеце бачыў, – праплагае он, – крумкачы аб чым дзе крычуць, аб чым весткі ў сьвеце ходзяць?...»

*Быў далёка я за морам,
Цалаваўся з акіянам,
На сваіх сняговых горах
Я гуляў з вяселлем п'яным, – сообщаем вихрь.*

«І на захадзе й на ўсходзе свет грывіць і звоніць стальлю... Гэй, там ёсць чаму паўчыцца!..» – многозначительно утверждает он.

О притягательности поэтических произведений А. Дубровича свидетельствует и тот факт, что его лучшие стихотворения переводились на русский и украинский языки и печатались в ленинградских, киевских, минских издательствах. Подчеркнем, что и на других языках стихи А. Дубровича звучат так же привлекательно, как и на языке оригинала. В качестве примера обратимся к переведенному еще в 1938 г. Иосифом Василевским стихотворению «Кіну свае думы» (в переводе оно было напечатано под названием «Думы». – А.Р., Ю.Р.).

*Вдаль летите думы
С журавлиным клином.
Я прощаюсь с вами,
С грустью расстаюсь.
Сам возьму цимбалы,
За лозовым тыном
Сяду и об этом
С солнцем поделюсь.*

*Пусть хоть дождь, хоть вьюга
Встрелят на пороге
Пусть бурянок закружит
Захлестнет бурянок,
Пусть закоченею
Где-нибудь в дороге,
Струн я не оставлю,
Голосистых струн.*

*А когда утихнет непогода лихая, –
Подтяну в цимбалах
Каждую струну
И с хорошей песней,*

*Ветру подпевая,
Встречу молодую
Светлую весну.
Будут в темных хатах
Вечером лучинным
И на посиделках
Люди песни петь.
А пригреет солнце –
В кажушках старинных
Выйдет на пригорок
Душу отогреть.*

*Так летите ж, думы,
С журавлиным клином,
Встретиться скорее
С солнцем и весной.
Я вам подыграю
За лозовым тыном,
Пусть летит за вами
Тихий голос мой.*

На родном белорусском языке стихотворения А. Дубровича печатались в поэтических сборниках «Мы іх не забудзем» (Мінск, 1949), «Сцягі і паходні» (Мінск, 1965), «Крывёю сэрца» (Мінск, 1967), «Радзіме – радок і жыццё» (Мінск, 1986). Стихотворения «Крапіва» и «Кіну свае думы» включены в «Анталогію беларускай паэзіі» (в 3 т.), вышедшую из печати в Минске в 1961 г.

Такой вот он, наш земляк Алесь Дубрович – поэт-борец, поэт-романтик, поэт-мечтатель, получивший жизненную закалку в невероятных условиях буржуазной Польши.

День 17 сентября 1939 г. стал для поэта судьбоносным – началась жизнь, к которой он стремился всей своей сознательной деятельностью. Он работает в комиссии по распределению панских земель и имущества волостного рабоче-крестьянского комитета, избирается депутатом Голубичского сельского совета, где сначала работает секретарем, а затем назначается председателем. К Алексею Дубровичу приходит и личное, семейное счастье – в 1939 г. он становится отцом двух дочек-близнецов.

В октябре 1939 г. трудящиеся Глубоччины делегируют А. Дубровича для участия в работе Народного Собрания в Белостоке. Поездка в Белосток стала для поэта столь впечатляющей (и не только потому, что он почувствовал себя участником социалистического обновления западных белорусских земель, а и потому, что в Белостоке А. Дубрович встретился со своими «коллегами» по Лукишкам П. Пестраком, В. Тавлаем, Я. Миско,

Я. Потаповичем, М. Машарой и другими бывшими политзаключенными), что он долгое время делился впечатлениями о ней со своими земляками-глубочанами.

Организационная, хозяйственная, административная работа все же не мешала литературному творчеству А. Дубровича. Все чаще на страницах газеты «Вилейская правда» (орган Временного управления Вилейской области, в котором с октября 1939 г. работал М. Танк. – *А.Р., Ю.Р.*) появляются стихи*, очерки, корреспонденции поэта. С 1940 г. он перешел на постоянную работу в Вилейскую районную газету. Поездки по Вилейщине, ежедневные знакомства с изменениями в жизни людей, охваченных чувством нового, неизвестного, но все более и более убеждающего в правильности их собственного выбора, поиск того неуловимо-притягательного, что вызывало интерес у читателя, – все это убеждало А. Дубровича в необратимости социалистических преобразований и отдачи себя избранному делу всего целиком, без остатка.

Сообщение о нападении фашистской Германии на СССР застало А. Дубровича в местечке Куренец, куда он был направлен в очередную командировку. В авральном порядке пришлось возвращаться в родные места (а от Вилейского Куренца до родных Королевич около 150 км. – *А.Р., Ю.Р.*). Случилось так, что Алексею с семьей не удалось оставить захваченную врагом территорию. Душа революционера искала выхода. И он нашелся – вместе с отцом, братьями Дмитрием и Василием, соседом Василием Капшулем они создают в Королевичах подпольную группу, устанавливают связь с партизанами действующей в тех местах бригады имени Суворова.

Г. Сутуло в статье «Кіну свае думы жураўліным лётам» дает свое видение трагедии, произошедшей осенью 1942 г. в Королевичах: «Однажды Алексей получил от А. Пашковича листовки, но хорошо не спрятал, а тут обыск. Одну листовку парень съел, оставшиеся обнаружили. Как выяснилось позже, предателем, который выдал Алексея, был некто Сенька Зимницкий (Солтыс), деревенский бродяга и пьяница.

Семья Редьков (за исключением Ивана) попадает в застенки гестапо. Несмотря на пытки, издевательства, Алексей, его братья и отец (и другие члены группы. – *А.Р., Ю.Р.*) не согласились сотрудничать с фашистами»⁵¹.

Утром 7 ноября 1942 г. Алексей Дубрович вместе с отцом Егором Францевичем, родными братьями Василием (с женой Ириной) и Дмитрием и сводным братом Михаилом были расстреляны на глазах сестры и жены поэта в урочище Жвировня, недалеко от родных Королевичей.

«Вечная память героям, павшим в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» – такая ла-

* Дубровіч, А. Хоць радасць сэрца не выліць славамі / А. Дубовіч // Вилейская праўда. – 1939. – 3 студз.; Дубровіч, А. У краіне Леніна / А. Дубовіч // Вилейская праўда. – 1939. – 10 студз.; Дубровіч, А. Толькі сталінец па шлём. Пад мудрым законам / А. Дубовіч // Сялянская газета. – 1940. – 21 лют.

⁵¹ Народная газета. – 1998. – 8 сн.

коничная, даже традиционная надпись читается на неброском на вид памятнике в урочище Жвировня. И одним из этих героев является поэт Алесь Дубрович, человек, который в свои 32 года жил на сломе эпох, познал человеческие, моральные, социальные ценности буржуазной Польши и социалистической Советской Белоруссии, а в итоге погиб от рук «великих освободителей Европы» – немецко-фашистских захватчиков.

Рассказы **П. Простого**, опубликованные в западнобелорусских изданиях «Наша мысль» («Наша думка») и «Белорусские ведомости» («Беларускія ведамасці»), – это своеобразная энциклопедия трудовой жизни белорусского крестьянина, испытывавшего в условиях буржуазной Польши не только социально-экономическое, но, главным образом, духовное угнетение польского костела и его служителей, разного рода осадников, жандармов и т.п. Популярностью у читателя пользовалась остропублицистическая брошюра П. Простого «Для чего белорусу газеты» («Для чаго беларусу газеты»).

Похоронен в г.п. Ивье Гродненской области.

Иван Почепка с детских лет изучал и записывал народные сказки, предания, притчи. Собранные воедино, они составили книгу «Народная сказка из Дисненщины», изданную в 20-е годы. С И. Почепкой активно сотрудничали детские журналы «Зарянка» («Заранка»), «Пролески» («Пралескі»), «Молния» («Маланка»), печатавшие его стихи, басни, обработанные народные песни.

Западнобелорусскому читателю И. Почепка известен по публикациям в журналах «Колосья» («Калоссе»), «Православный белорус» («Праваслаўны беларус»), «Христианская мысль» («Хрысціянская думка»), газетах «Крестьянская нива» («Сялянская ніва») и «Труженик образования» («Працаўнік асветы»), книгам (изданы в Вильно в 20-е годы) на сельскохозяйственную тематику «Молочная корова: как ее выбрать, кормить и доиматривать», «Огородничество, как необходимо хозяйствовать на огороде», «Пчелы и как водить их в рамочных ульях», «Как выбрать хорошую лошадь» и др.

Поддерживал творческие связи с художником и поэтом Я. Дроздовичем, сделавшим его резной портрет и рисунки к книге о пчелах. Похоронен в д. Малиновка Глубокского района.

Сам Иван Петрович не очень-то любил предаваться воспоминаниям о жизни в панской Польше. Но одно из воспоминаний позволяет говорить о его активной позиции. Где-то в начале 1926 г. он встретился в Варшаве с членом Центрального Комитета Белорусской Грамады Петром Метлой (земляком И. Почепки. – *А.Р.*, *Ю.Р.*). В памяти Почепки остался следующий диалог:

«– Будете редактировать журнал “Православный белорус”».

– Подождите. Я же атеист. Вы знаете...

– Ничего, – ответил посол (П. Метла. – *A.P., Ю.P.*). Нам нужно, чтобы и на этой делянке (простонародное название земельного участка. – *A.P., Ю.P.*) не жировали черносотенцы, разные темрошалы. Нужно, чтобы честные зерна правды наших идей попадали сквозь все... Пойдете к соответствующим властям, возьмете разрешение».

Возражений член ЦК слушать не стал: «С редакторством? Справитесь, поможем...» Предположение, как оказывается, не было случайным – ведь И. Почепка во второй половине 1920-х годов был активным сотрудником юмористически-сатирического журнала «Молния» («Маланка»), выходящего в Вильно.

Писатели и поэты Витебщины глубоко сопереживали тяжелой доле земляков, оказавшихся по воле судьбы в буржуазной Польше. Вот лишь один из примеров. З. Астапенко в поэме «Ночь на станции Негорелое» высказывал свое отношение к белорусам-братьям, оказавшимся по ту сторону пограничного столба, откровенно признаваясь: «Когда подумаю, что там, за кордоном, стоит непроницаемо черная, страшная ночь, то жаль мне не одной Беларуси своей, – больно за весь необозримо широкий мир, разделенный на части».

Одним из тех, кто приумножал художественное достояние Придвинского края в условиях Западной Белоруссии (с 1920 по 1939 г. находилась в составе буржуазной Польши), был поэт, уроженец д. Сушки Дисненского повета Виленской губернии (ныне Миорский район) **Павел Михайлович Сушко** (1909–1978).

Публиковаться П. Сушко начал в 1933 г. в прогрессивных газетах Западной Белоруссии. Писал стихи о подпольщиках, восславлял гуманизм и нравственное начало крестьянского труда, восхищался красотой родной природы. Его поэзия искренняя, непосредственная, проникнутая единством Человека, Труда и Природы. Патриотические стихи П. Сушко, призывавшие к борьбе с национальными угнетателями, распространялись среди жителей Западной Белоруссии в рукописном виде. Ненапечатанным остался и подготовленный к опубликованию в 1939 г. сборник стихов «Отзвуки» («Адгалоскі») (хранится в Академической библиотеке в Вильнюсе). В послевоенные годы на Дисненщине известен как внештатный корреспондент районной, областных и республиканских газет. В репертуаре многих хороших коллективов были песни «Тропинка» и «Ой, шла девчина» («Ой, ішла дзяўчына»), написанные композиторами Н. Петренко и В. Полонским на стихи П. Сушко.

Об увлеченности Павла Сушко песенной стилистикой, его манере письма свидетельствует стихотворение «Явочная квартира» («Явачная кватэра»).

*За шчыльнай сцяною
Альшанага тыну
Стаіць пад вярбою
Старая хаціна.
Калісьці змрок шэры
Мы мералі крокам,
Абрысы кватэры
Шукаючы зрокам.
І рыпалі дзверы
На стук асцярожны,
Заходзіў з даверам
Сюды падарожны.
А часам бывала,
Ад пошуку злога*

*І днямі хавала
Яна сувязнога.
За крыўды ліхія
На помсту-расплату
Прайшлі праз яе
Юнакі і дзяўчаты.
Ішлі ў лес трывожны
З хаціны ў дарогі –
Са смерцяў варожых
Каваць перамогу.
Сягоння ж нічога
Хаціна не тоіць,
А толькі былое
У памяці мроіць.*

Известный белорусский литературный критик В. Колесник назвал произведения П. Сушко «художественными документами переживаний западнобелорусского передового крестьянина».

Таким вот богатым, разноплановым и часто противоречивым представителем современником литературное творчество уроженцев Витебщины и литературная жизнь Придвинского края в конце 1920-х – 1930-е годы. Далеко не все, чей творческий путь начинался в те далекие годы, стали такими известными, как В. Дубовка, П. Бровка, М. Лыньков, Э. Самуйленок, М. Машара. На это были свои субъективные и объективные причины. Понятно и то, что в каждой литературе всегда были и будут рядом со звездами первой величины авторы менее яркие и, может быть, менее известные. Но не подлежит сомнению и то, что они также обогатили белорусскую литературу произведениями, пронизанными пафосом утверждения завоеваний Октября и возвышенных идеалов гуманизма и человеколюбия, верой в социально-исторический прогресс Белоруссии, ее уверенное будущее. Творчество названных (а может быть и не названных. – А.Р., Ю.Р.) авторов высвечивает общую тенденцию поисков, роста молодой белорусской советской литературы, проникнутой чувством уважения к Человеку и служащей утверждению его высоких идеалов.

ГЛАВА IV СКВОЗЬ ВОЕННОЕ ЛИХОЛЕТЬЕ (писатели Витебщины и Великая Отечественная война)

74 года прошло с той поры, когда над Беларусью и Витебщиной воцарилось мирное небо; 74 года тому назад на белорусской земле отгремели последние военные залпы; 74 года мы переживали горечь утрат и осмысливали, какой ценой белорусскому народу досталась Великая Победа. Деды и прадеды, отцы и матери, подростки и дети – все как могли приближали памятные июльские дни 1944 года.

Будет 70, 80, будет 100 лет после Великой Отечественной войны. Новым поколениям придется взять на себя святую память о ней – о горечи поражений и радости побед, о разрушительных последствиях и невозполнимых утратах. Святой заповедью должна стать борьба за то, чтобы «чума войны» не пришла в наш белорусский дом. Человеческая память... Именно о ней пишет поэт-фронтовик Пимен Панченко:

*Можэ рознае быць...
І які б не ўз'юшыўся вецер,
Мы Радзіму сваю
Адстаім, не шкадуючы сіл.
Аднаго толькі страіна,
Каб заўтра, пасля нашай смерці,
Раўнадушнае племя
Не жыло каля нашых магіл.*

«Магілы»

Поистине грандиозный, всемирной памятью о погибших во Второй мировой войне стало течение «Бессмертного полка», разлившееся по всей планете.

Свой посильный вклад в победу над фашистскими захватчиками внесли и литераторы Витебщины. Объединившись в единую писательскую организацию Союза Советских писателей Белоруссии литераторы – уроженцы Витебщины (в границах нынешней Витебской области) стали весомой частью белорусской художественной интеллигенции. Здесь сочетались воедино творческий опыт писателей и поэтов старшего поколения (Ц. Долгопольский, П. Бровка, В. Дубовка, Я. Журба, М. Лыньков и более молодых – А. Жаврук, А. Ушаков, Г. Железняк, А. Гейне, А. Николаенко, А. Дубрович

Творческое наследие военных лет Г. Железняка и А. Гейне (у Н. Семашки и А. Дубровича созданное не сохранилось) невелико. Дошло лишь несколько написанных в армейских условиях стихотворений, которые до

сих пор не опубликованы. Можно лишь предположить, что по своей патриотической наполненности они были созвучны с военной поэтикой А. Жаврука. Вот, к примеру, одно из его стихотворений «Святая месть»:

*За разоренные селенья,
За кровь, насилие, разбой,
За непомерное глумленье
Над нашей родиной святой.*

*За стоны жен, за вопли наших
Сестер, за слезы матерей,
От мук рассудок потерявших
В когтях насильников-зверей.*

*За стариков, сожженных в хатах,
За брошенных под танк ребят,
За все, что дорого и свято
С тех пор, как помним мы себя.*

*За полыхание пожарниц,
Земли поруганную честь –
Один ответ у нас, товарищ, –
Святая, яростная месть.*

Многое пришлось пережить политруку Александру Синичкину (А. Жавруку) за 14 месяцев военного лихолетья – почти двухмесячный выход из окружения, в которое попала дивизия А. Жаврука под Смоленском, проверку Московской комиссии, занимавшейся окруженцами, службу в газете 7-й резервной армии (формировалась глубокой осенью 1941 г. в Вологде), наконец, тяжелейшие бои в составе знаменитой 62-й армии В. Чуйкова в Сталинграде.

«И случилось так, что он плечо в плечо воевал в Сталинграде и погиб рядом с лейтенантом Ибарурри, сыном Пассионарии*», – писал наш земляк, поэт Анатолий Велюгин в предисловии к книге белорусских поэтов-воинов «Кровью сердца» («Крывёю сэрца»)**.

В Центральном государственном архиве литературы и искусства Республики Беларусь*** имеется письмо неустановленного лица сестре Жаврука Раисе Дмитриевне Хомченко о том, что Александр Синичкин

* Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании в конце 1930–1940-х гг.

** Поэма А. Жаврука «Кровью сердца», от которой и получил название поэтический сборник, первая и единственная, по существу, попытка в белорусской поэзии дать завершённую, эпическую картину событий в республиканской Испании.

*** Ф. 5. – Оп. 1. – Ед. хр. 13.

(А. Жаврук) был ранен 20 августа 1942 г. и отправлен в госпиталь, а 24 августа госпиталь эвакуировали в Саратов. Письмо датировано 21 сентября 1942 г. В письме Алеся Жаврука к жене от 23 августа 1942 г. о ранении ничего не говорится. Вероятно, и ранение и гибель поэта произошли не ранее 24 августа 1942 г.

Имя Алеся Жаврука, как и других белорусских писателей, погибших на фронтах Великой Отечественной войны, занесено на мемориальную доску в минском Доме писателей.

В 1960 г. в Белгосиздате вышел сборник его стихотворений «Избранное» («Выбранае»), а в 1964 г. Белорусской телестудией поставлен фильм об А. Жавруке «Песня и вела и грела». Первая его демонстрация по телевидению состоялась 3 июля 1964 г., в дни празднования 40-летия освобождения Белоруссии от немецко-фашистских захватчиков.

Военные впечатления А. Жаврука зафиксированы в нескольких стихотворениях, датированных 1941–1942 годами («Москвичи», «О встрече», «Осень», «Вперед», «Аленка», «Посылка», «На большаке», «Стихи о мести», «Комсомолец Михаил Батин», уже упомянутые «Святая месть», «Ружа»), фрагментах из записных книжек, письмах к жене Лидии Николаевне Синичкиной, воспоминаниях друзей и сослуживцев поэта.

Приведем некоторые из них, позволяющие современникам проникнуть в военно-творческую лабораторию Алеся Жаврука. Вот стихотворение «Москвичи», написанное в дни разгрома гитлеровских полчищ под Москвой в декабре 1941 г.:

*Я возвращался как-то
из разведки.
Иду по лесу. Тишина
в лесу,
Вдруг слышу шорох.
Глянул из-за ветки –
Ползет ко мне
с винтовкой на весу.
А кто – не разберу.
Наверно, немец.
Кому б еще? Я вскинул
автомат,
Но вижу – свой. Звезда,
Красноармеец
И весь в крови. Такое
дело, брат.
Перевязал его...
...И что-то вроде как
меня толкнуло –*

*Возьми я да спроси тут
у бойца:
Москвич?
– Москвич, браток,
как бог, –
шестиэтажный
Мой дом на Усачевке
тридцать пять.
– Постой, постой, – не
удержался я тут, –
Совсем выходит что-то
как в кино.
Я ж там живу на
этаже на пятом –
На юг большое, в два
окна, окно.
– А я на третьем...
...Нам сердце рвет
клокочущая злоба.
Нас месть святая
на врага ведет...
И мы за дело наше,
братец, знаем,
Всегда готовы голову
сложить,
Но только мы надежды
не теряем
После победы вновь
в Москве пожить.
...За эти дни поднимем
мы стаканы
На Усачевке номер
тридцать пять.*

Высшей степенью духовности, эмоциональности, пронзительности наполнено стихотворение «Роза» («Ружа»), написанное под Можайском, перед отправкой на Сталинградский фронт.

*А ці міг, ці век – не знаў ніхто там,
Колькі моўчкі пралажалі мы
На краі сыпучага сумёта
Пасярод марознае зімы.
Толькі раптам лютаўская сююжа*

Адступіла быццам, адлягла.
Чую і не веру сам я – «Ружа»,
«Ой, расцвіла ружа, расцвіла...»
Азірнуўся: ціха ў задуменні
Сам сабе спявае зампаліт.
Слухаем. І нікне поўнач ценом,
Іншыя ўстаюць хлапцам палі.
Случчына каму, каму ў песні
Амсціслаўшчына яго ўстае,
Мне ж – рачэнскі край, маё Палессе,
Вербы, вочы ясныя твае.
І узбек, сусед мой, вочы мружыць
(Што ён прыгадаў у той цішы?),
Слухаў, слухаў і ўсміхнуўся: «Ружа.
Ружа, – зноў ён паўтарыў, – якішы».
І да самае атакі потым
Больш не думалі аб сюжы мы
На краі сыпучага сумёта
Пасярод марознае зімы...

А вот стихотворение «Алёнка», насквозь пронизанное трагедийным началом:

За ветряком, за соловьиным
Певучим логом,
в том бору,
Куда, бывало, по малину
С тобой ходили поутру;
Где в жаркий полдень нас, бывало,
В сосновых сенях лесника
Холодным квасом угощала
Алёнка, внучка старика, –
Мы вновь прошли по тем дорожкам,
Местам поруганным, родным.
Закат. У брошенной сторожки
Над мертвой девочкой стоим.
Лежит она, Алёнка наша
(Я лишь по косам узнаю!),
Коленки детские поджавши,
Лицом уткнувшись в колею.

*Искусанною в кровь рукою,
Как бы от муки заслонясь,
И рядом платьице простое,
В цветочки – втопанное в грязь.*

*Как до сих пор, земля, могла ты
Его держать, носить могла,
Какая мать такого ката,
Такого зверя родила,*

*Что мог так мучить, так глумиться
И, надругавшись, бросить так?!
Уничтожать, душить, громить их,
Фашистских бешеных собак.*

*Закат в огне. Нахмутив брови,
Молчат бойцы, молчат братки.
А что тут скажешь, тут не слово,
Тут в дело просятся штыки.*

*Под молодой березкой тонкой,
Так, чтоб калины куст у ног,
Положим мы тебя, Алёнка,
Насыпем желтый бугорок.*

*А сами – в бой, вперед, товарищ, –
За все, за все ответит кат.
Как боль,
как гнев,
как наша ярость,
Горит над соснами закат.*

А вот «заготовки» из сохранившихся «Записных книжек»:

Старуха: «И что это за немец? Бросает якие-то вспылчивые бомбы!»

* * *

Ехидный мужичок: «Что, товарищ командир, долго мы еще будем их заманивать к себе, немцев этих?»

* * *

Когда говорили слово «мужество», ездовой Петров всегда представлял себе комбата Сычева. Когда говорили «мастерство», он всегда представлял себе наводчика Сидорова.

* * *

Темы для новых стихов.

Поле. Поговорка говорит: жизнь прожить – не поле перейти. Но у дер. Селиванове было такое поле, которое перейти, как жизнь прожить. И мы перешли.

* * *

«Стихи о газетчике».

На рассвете прибыл в штаб. Полковник: «Минуточку погодите. Идем в атаку». Газетчик тоже пошел. Когда двинулись и кричали «ура!», – он тоже кричал. Тоже колол, когда видел перед собою немцев. Ворвались в полусожженный город. После ходил, испрашивал, как взяли город (сам все видел слишком индивидуально). Может быть, ранен. Диктует машинистке. Потом подходит к радиотехнику (девушке). Он, кажется, влюблен в нее. И о любви, если придется, он скажет ей после, а пока говорит: «Надеюсь, будешь девочкой хорошей и примешь хорошую сводку Информбюро».

* * *

Из строя в роте вышли всего четыре солдата, а было пять.

* * *

Две самые любимые <вещи>:

1. Невеста.

2. Смотреть, как падает сбитый стервятник.

24. VII. 42 г. Танки не прошли. Еще накануне отбили три атаки. Первая танковая атака в 4.00. Танки прошли передний край, ворвались в глубину обороны (60–70). Из них 12 остановились у КП. На ломаном русском языке: «Рус, сдавайся, а то живое мясо сделаю». Боец-стрелок Ковтун: «А гранаты не хочешь?» – и гранатой.

В эту атаку подбили танков и бронемашин штук 30–35. Вели огонь ПТР. Станковые пулеметчики взвода лейтенанта Сомикова в смотровую щель убили двух водителей (двух танков). Немцы взяли эти танки на буксир.

Из писем к жене – Л.Н. Синичкиной:

«4.VII.1941 г.

Дорогая моя девочка!

Вот мы и воюем. Как видишь, я жив и здоров. До сих пор не было у нас адреса, да и писать сам тебе не мог. Теперь буду писать часто. Напиши мне поскорее, как ты, что ты. Кажется, уже целую вечность не получал от тебя писем.

Целую крепко мою хорошую.

Твой Шура

Мой адрес: Действующая армия, полевая станция 515. Штаб армии, редакция. А. Синичкину».

* * *

«17 апреля 1942 г.

...Ты спрашивала меня о стихах. Пишу помаленьку. А вообще пишу все, что придется. Пересылаю тебе одно стихотворение – “О встрече”. Оно

написано для тебя. А навеяла мне его весна и воспоминания о Днепре и потом о той высокой горе, где – помнишь – мы с тобой сидели. Ну, не горюй, еще когда-нибудь поживем счастливо. <...>

*Опять апрель, и голубая
Прозрачна дымка над землей.
Теперь бы нам бродить,
Родная,
Так, взявшись за руки с тобой.*

*По талым тропкам, по знакомым
Крутым днепровским берегам.
Но день и ночь грохочут громы,
Пылают села по ночам.*

*И глубоко запрятав нежность,
Весь огрубев, озлобясь весь,
Иду, иду по склонам снежным
С винтовкою наперевес.*

*И если новый день встречаю
В другой избе, в другом селе, –
Пусть дальше ты,
Но ближе – знаю –
Забывший вечер на земле.*

*Без рева пушек, без картечи,
И ближе Днепр, и соловьи,
И город наш,
И трепет встречи,
И губы теплые твои».*

«16 мая 1942 г.
Дорогая моя!
У меня большой праздник. Получил партийный билет. Жив, здоров,
работаю. <...>»

«Ст. Донская. 12 июня 1942 г.
Дорогая моя жenuлинька!
Привет с Тихого Дона! С шолоховских мест. Вчера, как ехал сюда,
попутчиками оказался колхозный театр станицы Вешенской, организованный
шесть лет назад Шолоховым. Всю дорогу в поезде пели казачьи песни.
У них замечательный баянист.

Сижу над самым Доном, и кажется, что сейчас с коромыслом и ведрами выйдет к реке Аксинья, и верхом на коне проскачет босоногий Григорий, такой, какой он у Шолохова в первой книге.

Сижу над Доном, и еще больней сжимается сердце за родной мой Днепр, за мою милую Белоруссию.

Ну, родная, ничего, мы отомстим фашистским собакам за все их зверства и злодеяния. Обязательно отомстим. Думаю часто, каждый день о тебе, очень скучаю.

Целую мою хорошую.

Твой Шура».

Из воспоминаний известного русского поэта, переводчика и литературного критика Григория Левина: «Вот тут мгновенно и всплыло в памяти имя – Алесь Жаврук. Стихотворение “Алесь Жаврук”, как говорят, написано на одном вздохе. Припоминаю: встретил вспомненное его имя и подумал – как же могли забыть такого поэта? Даже в большой серии “Библиотеки поэта”, где “никто не забыт, ничто не забыто”, – имени Алесь Жаврука нет.

...Бесконечно благодарен поэту Алексею Зарицкому за перевод этого стихотворения на белорусский язык...

*Пачуўшы тых гадоў адгук,
Адчую раптам я,
Як хараша гучыць – Жаўрук,
Крылатае імя.*

*Напраўду ў неба ты гатоў
Быў з радасці ўзляцець.
«Дняпро выходзіць з берагоў» –
Ну як тут не запець!*

*Радок духмяны свежы твой
Не звяў да нашых дзён,
Застаўся ў памяці маёй
Крыху шчымлівым ён.*

*Нібыта ў радасці тых год,
Тваіх юнацкіх лет,
Быў прысмак будучых нягод
І страт крываваы след.*

*Ды так здалося кагадзе,
Ужо куды пазней.*

*У дзверы ломіцца, гудзе
Няўрымста веснавей.
А мы не стрэліся з табой,
Пайшоў ты без пары:
Жыццё спыніў апошні бой,
Ды ў слове мы – сябры.*

*Ты мой таварыш, пабрацім,
У працы й барацьбе.
Зрадніліся радком тваім,
Маім, што пра цябе.*

*Цяпло тваіх сяброўскіх рук
Я не паспеў адчуць,
Усё ж – дабрыдзень, мой сябрук.
Дык узлятай, спявай, жаўрук,
Каб чуць цябе і чуць.*

*Не ўведаў іншай гаркаты,
Трывог і бед другіх,
І не запляміў песню ты
Маркотаю праз іх.*

*Яна юнацкай чысцінёй
Крапае й сёння нас,
Хай застаецца маладой:
Лягчэй памерці будзе з ёй,
Калі надыдзе час.*

И несколько строк из воспоминаний известного украинского поэта, а в годы войны военного корреспондента газеты 62-й армии «На защиту Родины» Николая Упеника: «Газета “На защиту Родины” выходила почти каждый день, и работы литсотрудникам хватало. Не сидели без дела и мы, два поэта: белорус Алесь Жаврук, который прибыл в редакцию раньше, и я, украинец. Алесь вел раздел солдатского юмора и сатиры, который давал мощные “залпы” по врагу. Иногда мой друг печатал в газете лирические стихи, публицистические строки, в которых обращался к бойцам. Подписывался он скромно – А. Синичкин.

...На старый деревянный городок (районный центр Городище, где располагалась редакция газеты “На защиту Родины”. – *А.Р., Ю.Р.*) они также сбросили сотни бомб. Одна из них попала во двор, где находилась наша газета. Алесь Жаврук был тяжело ранен. Друзья поместили его в грузовик, отходивший в госпиталь. Позже мы узнали, что фашистская бомба

взорвалась и в районе госпиталя. Алесь был ранен во второй раз. Вместе с другими ранеными его, еще живого, перенесли на берег Волги, а оттуда – на палубу судна, чтобы переправить на левый берег. Однако воздушный налет врага не прекращался. И одна бомба была сброшена на судно, над которым развивался флаг с красным крестом.

Вместе с другими солдатами белоруса Алеся Жаврука навеки приняла волжская вода».

Еще в 1935 г. витеблянин Андрей Ушаков написал стихотворение «Многому им ты в жизни обязан» («Многаму ім ты ў жыцці абавязан»), в котором были такие строки:

*Навекі, як вобраз бацькоў сваіх,
Імёны іх прачытай і запомні.
Ты пройдзеш на полі, на сцежках лясных,
Праз ціхі вечар і ясныя промні.*

*Каб даць накой здранцвелым нагам,
Прысядзіш спачыць у цяньку пад вязам.
І, можа, будзе зусім няўцяям,
Як многаму ім ты ў жыцці абавязан.*

Мы многим обязаны тем, кто вынес на своих плечах военную ношу. И, конечно же, поэтам и писателям, художественным словом вселившим в людей веру в победу. Хотя многие из них «навечно погасли, спят в братских могилах, и сегодня даже не знаешь, где они, эти могилы, – под Брестом, в донской степи, над Волгой, за Дунаем или Одером...» (А. Велюгин), слово их, их литературные произведения продолжают жить и по праву памяти, и по праву художественной значимости.

В лаборатории Витебской писательской организации сохранились имена литераторов, которые, испытав драматизм боевых действий, трагедии партизанского движения и патриотического подполья, выжили и донесли до современника свои обостренно-эмоциональные впечатления, запечатлев их в романах, повестях, очерках, рассказах, стихотворениях и других литературных формах.

У каждого из них на войне была своя дорога, своя судьба. Но их смысл был наполнен естественным человеческим звучанием – сражаться, выжить и победить фашизм. Фронтовикам, партизанам, подпольщикам приходилось не единожды встречаться со смертью глаза в глаза, подыматься в атаку под шквалом пуль и осколков. А в перерывах между боевыми действиями писать пламенные, призывные строки с огромной душевной самоотдачей и гражданской страстью.

В этой части нашего исследования речь пойдет о тех писателях, поэтах, литературоведах, кто жил и трудился в довоенной Витебщине и кто,

пройдя фронтовые дороги, выжил, чтобы перейти на новый фронт – фронт трудовой, требовавший концентрации сил и умений каждого для восстановления разрушенного войной народнохозяйственного комплекса. Их немало. Назовем всех поименно.

Басс Исидор Самуилович (г. Витебск) – во время Великой Отечественной войны воевал на Центральном, Брянском, Ленинградском и 2-м Прибалтийском фронтах; был ответственным секретарем дивизионной газеты, инструктором-литератором; литературовед.

Богушевич Георгий Константинович (г. Орша) – отказался от партийной «брони» (до войны работал в Чкаловском обкоме ВКП(б), добровольцем ушел на фронт, в составе 31-й особой курсантской бригады участвовал в боях на Калининском и Белорусском фронтах. С 1943 г. – военный корреспондент; в 1945 г. участвовал в боях с милитаристской Японией; прозаик, драматург.

Бондарина Зинаида Александровна (активный член витебских «Молодняка» и БелАППа) – была санинструктором в составе знаменитой 316-й дивизии генерала Панфилова; поэт, прозаик.

Бровка Петр Устинович – добровольцем ушел на фронт в первые дни войны, был инструктором-литератором в редакции фронтовой газеты «За Советскую Беларусь» на Брянском и Западном фронтах; с 1942 г. работал в партизанской печати; поэт.

Василенок Евгений Петрович (г. Орша) – с 1943 г. военный корреспондент дивизионной газеты «Боец-патриот»; поэт, прозаик, переводчик.

Василенок Сергей Иванович (д. Запрудье Сенненского района) – участник Великой Отечественной войны, воевал на разных фронтах; литературовед, фольклорист.

Велюгин Анатолий Степанович (д. Мошканы Сенненского района) – с 1942 г. в Красной Армии, воевал на Сталинградском фронте, в 1943 г. тяжело ранен; поэт, киносценарист, переводчик.

Вольский Артур Витальевич (выпускник художественного училища) – с 1942 г. служил в военно-морском флоте; участник боев с империалистической Японией; прозаик, драматург, переводчик.

Гапова Валентина Игнатьевна (д. Малая Черница Витебского района) – будучи военной медсестрой, участвовала в защите Ленинграда, воевала на Ленинградском фронте; литературовед.

Гарбук Виссарион Степанович (д. Шкиляки Полоцкого района) – в Красной Армии с июля 1941 г.; участвовал в обороне Москвы, освобождении Белоруссии, Польши, взятии Берлина; оставил свой автограф на рейхстаге; прозаик, переводчик.

Горулев Николай Александрович (д. Баево Дубровенского района) – с начала войны – боец 1-го коммунистического истребительного батальона при ЦК ВКП(б)Б, затем боец, офицер-политработник; поэт, драматург, переводчик.

Гуткович Александр Залманович (д. Аскеры Бешенковичского района) – воевал на Калининском, Западном, 3-м Белорусском и 3-м Прибалтийском фронтах; драматург, сценарист.

Дудо Петр Дмитриевич (д. Заболотье Лепельского района) – на фронте с первых дней войны – политработник, корреспондент армейской газеты; прозаик.

Житкевич Дмитрий Максимович – во время Великой Отечественной войны служил в транспортном отделе НКВД (позже МГБ), обеспечивал безопасность движения военных поездов; поэт, прозаик.

Корбан Владимир Иванович (пос. Барань, под Оршей) – командовал стрелковой ротой, служил в оперативном отделе штаба дивизии, воевал под Брянском и Орлом, участвовал в освобождении Белоруссии, боях в Восточной Пруссии; поэт-сатирик, переводчик.

Лыньков Михаил Тихонович (д. Зазыбы Витебского района) – участник Великой Отечественной войны, в 1941–1942 гг. – редактор газеты «За Савецкую Беларусь», выходившей на Западном, Центральном и Брянском фронтах; прозаик, критик, литературовед.

Машара Михаил Антонович – во время Великой Отечественной войны работал в республиканских газетах «Звезда» и «Савецкая Беларусь», был комментатором белорусского радио; прозаик, поэт.

Миронов Александр Евгеньевич (г. Орша) – в годы войны окончил ускоренную школу вахтенных командиров боевого корабля, затем нес службу на Северном флоте; прозаик, переводчик.

Пашкевич Никифор Евдокимович (д. Филистово Толочинского района) – был бойцом партизанского отряда бригады «Гроза», действовавшей на Витебщине, помощником комиссара отряда по комсомолу; в 1942–1944 гг. – комиссар отряда им. Котовского. Был членом редколлегии Толочинской подпольной газеты «Чырвоны хлебароб»; критик и литературовед.

Прокша Леонид Януарьевич (г. Полоцк) – был инструктором-литератором отдела политуправления Западного, затем 2-го Белорусского фронтов. В 1944–1945 гг. работал заместителем редактора газеты 1-го Украинского фронта «Nowe Życie» («Новая жизнь»), заведующим отдела газеты Северной группы войск «Wolność» («Свобода»); прозаик.

Релес Григорий Львович – начинал войну в 3-м Минском сборном полку, который впоследствии был расформирован. После расформирования был направлен на журналистскую работу в Пермскую область.

Семашка Степан Петрович (д. Барилы Полоцкого района) – с начала войны политработник в частях Красной Армии, был ранен; прозаик.

Семашко Николай Петрович (та же д. Барилы) – в Красной Армии в первых днях войны. Погиб под Оршей летом 1941 г.

Стахович Александр Иосифович (д. Кашино Оршанского района) – с первых дней войны на разных фронтах в должности военного корреспондента; писатель, переводчик.

Сушко Павел Михайлович – связной партизанского отряда «Москва», затем партизан 4-й партизанской бригады, автор «Марша белорусских партизан»; поэт.

Хадкевич Тарас Константинович – был командиром взвода, воевал под Великими Луками, Торопцом. В сентябре 1941 г., раненый, попал в плен. Был в лагерях военнопленных в Торопце, Даугавпилсе, под Ригой, на земляных работах в Германии. Трижды бежал из плена (последний раз весной 1945 г. успешно). Участник интернационального движения Сопротивления на территории Германии. В составе Советской Армии побывал в Чехословакии, Венгрии, Польше; прозаик, переводчик.

Хурсик Семен Алексеевич (воспитанник Полоцкого «Молодняка») – воевал на 4-м Украинском и 1-м Белорусском фронтах. Дважды контужен.

Шашков Александр Андреевич (д. Романовщина Чашникского района) – воевал на Западном, 1-м Прибалтийском и 2-м Белорусском фронтах. Дважды ранен; прозаик, детский писатель.

Юхновец Иван Дмитриевич (д. Забродок Докшицкого района) – за участие в патриотической работе был арестован СД, летом 1944 г. вывезен в Германию; поэт, прозаик, драматург.

Якутов Владимир Дмитриевич (д. Ратьково Ушачского района) – в 1942–1944 гг. – в партизанском отряде бригады «Неуловимые»; с 1944 г. – в действующей армии; в 1945 г. – тяжело ранен и демобилизован; публицист, прозаик.

Здесь мы назовем и тех витебских литераторов, кто волею судьбы в грозное военное время оказался в советском тылу, работал на разных направлениях трудового фронта.

Айзенштадт Вениамин Михайлович (псевдоним Вениамин Блаженных) (д. Копысь Оршанского района) – комиссованный военкоматом по состоянию здоровья, работал учителем в школах Горьковской области.

Барсток Мария Никитична (д. Нарковичи Верхнедвинского района) – в годы войны работала на одном из предприятий Горьковской области; литературовед.

Долгопольский Цодик Львович – с 1943 г. (после того, как вышел из заключения) занимался педагогической деятельностью на Урале. После освобождения Советской Белоруссии возвратился в Витебск; прозаик, писал на еврейском и русском языках.

Мовзон Аркадий Иосифович – вместе с БГТ-2 в годы войны работал в Петрозаводске; драматург, театральный критик.

Модель Мендель Мовшевич – в начале войны был эвакуирован сначала в Тамбов, а затем в Ташкент, где работал заместителем директора театра им. Ахунбаева. В 1943–1944 гг. возглавлял театр им. Маяковского в Андижане (Узбекская ССР). В 1944 г. вернулся на работу в Минск; критик, театровед.

Политика Дмитрий Антонович (д. Горовец Сенненского района) – находился на педагогической работе в г. Уфе. В 1944 г. возвращен для работы в Белоруссию; критик и литературовед.

Рылько Алексей Иванович (д. Рыдомля Полоцкого района) – в 1942–1944 гг. – сначала разведчик в партизанском отряде «Победа» бригады К. Заслонова, затем – минер спецгруппы «Непобедимые». Был ранен.

Садкович Николай Федорович (д. Устье Оршанского района) – в 1941–1942 гг. работал на Ташкентской киностудии; в 1942–1945 гг. – руководитель Белорусской киногруппы на Центральной киностудии документальных фильмов в Москве. В 1942 г. с киногруппой выезжал в штаб партизанского движения на Гомельщине; писатель, кинодраматург, кинорежиссер.

Несколько за пределами границ нашего исследования лежит материал, о котором разговор пойдет ниже. Но не сказать об этом было бы несправедливо. Война для каждого из них стала лишь мощным реактором, катализатором, вызвавшим к воплощению в художественном творчестве увиденного, пережитого, запомнившегося из военного лихолетья. Мы имеем в виду, прежде всего, **Алеся Асипенку, Василя Быкова, Рыгора Бардулина, Геннадия Буравкина, Анатолия Вертинского, Алеся Савицкого, Юрася Свирку, Янку Сипакова, Алеся Петрашкевича, Петра Лисицина** и др. Они в своем творчестве смогли по-новому осмыслить пережитые военные годы и дали читателю высокохудожественные, насыщенные психологической достоверностью и исторической правдивостью произведения.

* * *

Изучение художественного наследия витебских литераторов, прошедших суровое испытание фронтовыми дорогами, партизанскими тропами, опасностями подпольной работы, однозначно свидетельствует о их значительном вкладе в общеполорусскую литературу военных лет. Справедливости ради отметим, что среди литературных произведений есть и отмеченные печатью таланта, оригинальностью мысли и открытостью чувств. Но есть и такие, которым не хватает совершенства, художественного мастерства, в отдельных проявлениях идеологизированный подход. Если не быть предельно строгими, то вполне резонной представляется скидка на общий уровень развития тогдашней литературы и на суровость жизненных обстоятельств, в которых часто не было возможности «доработать свои строки или переосмыслить свой творческий замысел» (А. Бельский).

Адресуя наши строки современному читателю, мы познакомим его с лучшими военными произведениями наших земляков. И первыми в этом ряду будет поэт военного орденосца (награжден орденом Красной звезды) **Петруся Бровки**, сила которой, как это совершенно справедливо отмечает известный литературовед Н. Мищенчук, «в крупнейшем, глу-

бинном внимании к малому, конкретному, что связано с человеческой жизнью, которое велико тем, что оно существует, что есть, было и будет». И далее: «Его (П. Бровку. – А.Р., Ю.Р.) привлекала не только широта охватываемых событий, но и их глубокая гуманистическая сущность, вечно дорогие человеку и человечеству истины – Правда, Добро, Справедливость. Он настойчиво шлифовал каждую строчку, добивался смысловой емкости и афористичности написанного, избавлялся растянутости и описательности»⁵².

Приведем несколько стихотворений, подтверждающих высказанные Н. Мищенчуком суждения. 29 июля 1941 г. газета «За Савецкую Беларусь» печатает стихотворение П. Бровки «Дрожите, подлюги-фашисты!» («Дрыжыце, падлюгі-фашысты!»). Пронизанное глубокой уверенностью в неотвратимости победы над захватчиками, оно не нуждается в комментариях:

*Ірвуцца снарады на полі
Над п'янай фашыскай ардою,
І танкі ў імклівым разгоне
Ад ворага чысяць шлях.
Узнятая мужаю воляй,
Палітая нашай крывёю,
Не будзеш ніколі ў палоне,
Любімая наша зямля!
Мы вынесем боль маўкліва,
А банды загінуць прымусім,
Наш сонечны край прамяністы
Не знішчыць раз'юшаным псам!
Для нас наліваюцца нівы
І спеюць сады Беларусі, –
Дрыжыце, падлюгі-фашысты,
Мы вас пахаваем там!
Хоць трэсніце, гады, са злосці,
Вы смерці сваёй прычакалі:
Узняўся магутная сілай
Савецкі тытан-чалавек!
Ён скрышыць вам чорныя косці,
Пажарамі косці папаліць,
Гарматамі выб'е магілы,
Зямлёю засыпле навек.*

Так же уверенно звучат слова о том, что на белорусской земле будет господствовать созидательный труд, будут снова засеять и убирать урожай в стихотворении «Будем сеять, белорусы!» («Будзем сеяць, беларусы!»):

⁵² Мішчанчук, М. Каментарый / М. Мішчанчук // Броўка, П. Збор твораў: у 9 т. / П. Броўка. – Мінск, 1987. – Т. 2: Вершы і паэмы. 1941–1953. – С. 425–426.

*Хутка вызваляцца гоні
З-пад уціску, з-пад прымусу,
Будзем сеяць, беларусы,
На ўсход сонца чыстым зернем...
Смерць на захад мы павернем!*

*Мы вясну сваю спаткаем, –
Дождж праменны зацярусіць...
Будзем сеяць, беларусы!
Прыйдзе рунь да нас з расою,
А на захад – смерць з касою.*

*Зацвітуць ля новай хаты
Зноўку яблыні і грушы.
Будзем сеяць, беларусы!
Закуваюць нам зязюлі,
Пахаваюць катаў кулі.*

*Стане поле каласіца,
Ляжа шоўкавым абрусам,
Будзем сеяць, беларусы!
Закрасуе буйна збожжжа.
Нас ніхто скарыць не зможа!*

«Савецкая Беларусь», 1942, 17 крас.

А такімі патрыятычнасцю і грамадзянскасцю, мяккім лірызмам і сыноўняй любовыю насычана стыхотворенне «Родной край» («Родны край»), датіраванае канцом 1943 г.:

*Беларусь!
Смольны бор,
Над імхамі духмяністы верас,
Вераснёвы прастор,
Што праменьнямі сонца звініць.
Беларусь!
Хто любоў да цябе можа змераць?
Акіяны не маюць такой глыбіні.
Беларусь!
Родны край!
Ты жывеш! Маці стрэлася з сынам.
Ён спяшаўся ісці.
Многа сцежак прайшоў франтавых.*

*І чырвона-чырвона
Цвітуць арабіны
Па шляхах, па гаях,
Па шырокіх палетках тваіх.*

*Беларусь!
Сінь азёр!
Кружыць, кружыць асенняе лісце...
Як ты дарага нам,
Як нішто і ніколі ў жыцці.
Беларусь, дай напіцца
З празрыстай крыніцы,
Бо ісці нам з баямі,
Далёка-далёка ісці.*

*Беларусь!
Твой мурог,
Можа, з радасці слёзамі росны;
Ты з палону ўстаеш,
Паглядзі, як праходзяць сыны,
І шумяць і завуць
Іх бярозы, яліны і сосны,
Кліча Буг, горды Нёман
І хвалі шырокай Дзвіны.*

И еще об одном направлении военной поэтики П. Бровки – постижении героики человеческих деяний в военной истории Белоруссии. Именно в годы Великой Отечественной войны поэтом созданы такие выдающиеся поэмы, как «Беларусь» («Беларусь»), «Поэма про Смолячкова» («Паэма пра Смалячкова»), «Ясный кут» («Ясны кут»), «Полонянка» («Паланянка»), дающие широкую картину и довоенной, и военной действительности. Особое место в этом перечне занимает «Беларусь», названная П. Бровкой поэмой-кантатой, – героическая судьба страны раскрывается на протяжении нескольких столетий. Даже в суровые военные годы П. Бровка стремился проникнуть во все явления многомерной жизни. Его произведения, пронизанные гуманистическими идеями, формировали у людей веру в победу над ненавистным врагом, веру в непобедимость врагом вековых для человека истин – Правды, Добра, Справедливости. Мысли и суждения П. Бровки стали пророческими. Сегодня суверенная Беларусь живет под его призывным лозунгом: «Будем сеять, белорусы!..»

Несколько другими мотивами была пронизана литературная деятельность поэта-фронтовика, бывшего политзаключенного буржуазной Польши **Михася Машары**, самого испытавшего, что такое для человека

потеря связи с родными и с Родиной. Вот его стихотворение «Письмо в неволю» («Ліст у няволю»), датированное 1942 г.:

*Мне не ведаць спакою ніколі:
сум балючы да сэрца прырос.
Мне аб горы тваім у няволі
вецер чорны весткі прынёс:*

*што чужак падпаліў нашу хату
і дзяцей нашых кінуў туды;
што цябе, маладую, засватаў
цяжкі лёс паланянкі-рабы;*

*што, звязаўшы любімыя рукі,
на стаптанай, на роднай зямлі
на нядолю, на ганьбу, на мукі,
у няволю цябе павялі.*

*Як ішла ты – ня мелі бярозы,
на шляху вецер плакаў з табой,
і крываваыя горкія слёзы
каты ботам змяшалі з зямлёй.*

*Не шумелі палеткі жытамі,
не шуриэла трава пад нагой, –
крумкачы кружынялі над вамі,
і зямля застагнала журбой.*

*У няволі ў фашыстаў ты дзікіх
паміраеш ад мук і тугі
і завеш мяне з сумам вялікім:
– Уратуй, уратуй, дарагі!*

*Дарагая! Я чую, я чую!
І ты вер – мне спакою не знаць:
прысягаю на помсту святую,
што прыйду я цябе ратаваць.*

У каждого участника войны в памяти остались важные, особо значимые события, ставшие кульминационными точками отсчета времени. Для девятнадцатилетнего **Анатолий Велюгина** таким событиями стали потоки беженцев летом 1941 г. («Рудня, лясы Духаўшчыны, / пад бомбамі / Дарога буж... / Са скарбам брадуць жанчыны / тысячы бежанскіх душ»), ураль-

ский танк, освобождавший деревню Суницы (... За душным Смоленском / на цёмным паўстанку / машыну згрузілі / байцы на палянку / ... Чытаў генерал (письмо. – А.Р., Ю.Р.) над магутнай байніцай: / Вярні маю родную / вёску Суницы.../ Спацелы танкіст / паказаўся над люкам. / Жалобная вёска / без вокан, без гукаў / і хрысціцца бабка / на зокі байніца / ... / як вёска завещца? / – Сыночак, Суницы...). И, конечно, Сталинградская битва, в которой поэт был тяжело ранен.

*Жыцця майго і смерці пераправы,
і Сталінград дагэтуль сняцца мне...
Зваліўся я, падкошаны жалезам,
абняў рукамі родную зямлю.
Яна прапахла дымам і палынной
слязою нашых матак і дзяцей.
Калі я моцна сціснуў яе ў жменьцы –
праз пальцы пырснула густая кроў!
Не помню, як мяне на самалёце
вязлі ў шпіталь, далёка на Урал,
дзе на імішарах шэрых журавіны
цвітуць і спеюць позна, як і ў нас.
Я толькі ўбачыў стол аперацыйнай,
у вокнах – чарналапую тайгу.
Спакой навокал... Гэтак бела-бела,
нібы калыша воблака мяне...
Мае здранцвелья разнялі пальцы –
пасыпалася на паркет зямля.
І жвір маўкліва, доўга разглядалі,
пасля сабраў у жменьку санітар.
Сівенькі, на майго падобны дзеда,
нячутна ён падаўся да дзвярэй.
А раненыя трызнілі аб Волзе...
За вокнамі агні
і чорны снег...*

1943 г.

По-своему звучало слово З. Бондаринной и Е. Василенка, Н. Горулева и З. Житкевича, П. Дудо и П. Сушко, М. Лынькова и В. Корбана и других поэтов, прозаиков, журналистов. Но для всех характерным было одно: слово было пламенным и патриотичным, правдивым и искренним, соответствующим суровому и героическому времени. Оно звало к сражению и вело в бой, согревало воспоминаниями и давало надежду, укрепляло мужество и веру в победу, несло заветные мысли и чувства. Как справедливо заметил

К. Чорный, в поэтическом военном слове «все личностное у каждого слилось в одно общее и сливалось с чувствами и стремлениями всего народа».

Подытоживая отметим, что слово витебских литераторов оказалось в художественной летописи Великой Отечественной войны значительным и весомым. Важно лишь знать его и помнить о нем.

Репозиторий ВГУ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Почти четверть века разделяют два величайших события XX в.: Октябрьскую революцию и Великую Отечественную войну. Отрезок времени для исторического процесса почти мгновенный. Но для нашей «голубоглазой» Витебщины и ее художественной культуры – это период существования в разных административно-территориальных границах (отдельные регионы входили в состав БССР, Российской Федерации и буржуазной Польши. Только в 1938 г. на территории Витебского Поозерья, Подвинья и Верхнего Поднепровья была создана полноценная административная единица – Витебская область), это время зарождения, становления и развития новой социалистической художественной культуры, видов и жанров искусства, «национальных по форме и социалистических по содержанию».

В культурно-художественной и, главным образом, в литературной жизни послереволюционной и довоенной Витебщины условно выделяются несколько периодов:

1918 – 3 марта 1924 г. – время осмысления, понимания и восприятия (или не восприятия!) новой пролетарской идеологии, переход на ее позиции многих представителей российской интеллигенции. Для Витебской губернии – это период складывания и организации работы первых творческих коллективов (например, Теревсат, УНОВИС и др.), организации культурно-просветительских и художественных обществ и кружков, открытия повсеместно библиотек, изб-читален, народных домов, привлечения к их работе местной интеллигенции и наиболее активной и подготовленной части белорусской, еврейской, польской, латышской молодежи. Партийные комитеты и органы Советской власти принимали необходимые меры организационно-административной и финансовой поддержки нового культурно-художественного континуума, превращения его в мощное средство идеологического воздействия. Особое место в этом процессе отводилось таким организационно-действенным формам, как театр, агитплакат, художественное слово, литературно-художественная публицистика и пропаганда. М. Пустынин, Ад-Ар Арго, И. Исбах, М. Юдовин и другие российские и еврейские писатели и поэты, литературоведы М. Бахтин, В. Волошинов, П. Медведев, Л. Пумпянский, В. Архангельский, С. Грузенберг и др., активные пропагандисты нового искусства художники М. Шагал, Ю. Пэн, К. Малевич, Э. Лисицкий, М. Добужинский, композиторы и музыковеды Н. Малько, И. Соллертинский и другие деятели художественной культуры не просто вели поистине неоценимую работу по воспитанию высоких художественно-эстетических вкусов населения, но формировали ту новую духовную среду, которая в течение первых послереволюционных лет привела к утверждению в жизни такого уникального духовно-эстетически-художественного явления, как школа Витебской художественной культу-

ры, системное и комплексное изучение которой до последнего времени, к сожалению, не проведено;

– **1923–1932 гг.**, когда на территории нынешней Витебской области возникают, организационно оформляются и ведут активную творческую работу первые социалистические литературные объединения «Маладняк», «Узвышша», «Беларуская літаратурна-мастацкая камуна», «Беларуская асацыяцыя пралетарскіх пісьменнікаў» и другие (менее известные) литературно-художественные организации. Определяющей чертой в их деятельности (в большей или меньшей мере) выступала связь литературных исканий с Октябрьской революцией, новым искусством, его месте и роли в утверждении жизнеутверждающего социального оптимизма народа, его веры в счастливое будущее, раскрытии сущности проводимых преобразований во имя новой жизни. Именно поэтому и в самой атмосфере литературного движения, и в литературном творчестве тех лет, пронизанными новизной, пафосом и дерзновенной творческой смелостью, заявляли о себе, находили приемы художественного выражения самые активные, жизнедеятельные, оптимистические стремления и силы белорусского народа.

Справедливости ради подчеркнем, что в деятельности отдельных членов литературных объединений и организаций и даже их руководителей имели место ошибки и противоречия, заблуждения и амбициозность, а принимаемые, казалось бы, коллегиальные решения, страдали формализмом, декларативностью и категоричностью. Тем не менее социальная значимость проводимой белорусскими литераторами работы налицо: она носила открытый общественно осмысленный характер, вплотную подходила к пониманию диалектики общего и личного, судеб страны и отдельного человека, демонстрируя множество примеров художественно-самобытного воплощения деяний и дум людей 20-х годов – самобытного не только в смысле индивидуальной неповторимости таланта, но также в смысле образно-стилевого разнообразия (Н. Перкин);

– **1932–1941 гг.**, когда социальная и литературно-творческая деятельность витебских (и белорусских) писателей, поэтов, драматургов, литературоведов и литературных критиков, преодолевая методы БелАППовского руководства (наклеивание политических ярлыков, невежественное самомнение и прямолинейность, взаимные нападки, постоянное третирование инакомыслящих и т.п.), возвращалась в русло творческой работы, в которой значимость художественной интеллигенции зависит не от принадлежности к той или иной группировке, а от реального вклада в искусство и культуру нового общества. Ликвидация разобщенных писательских организаций в соответствии с постановлением ЦК КП(б)Б от 27 мая 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» и объединение литературных сил Белоруссии в Союз Советских писателей (ССП) БССР привела к организационному утверждению принципа единства и равенства перед лицом общих целей, задач и обязанностей писательского корпуса, оздоровлению всей творческой атмосферы в писательской среде.

По-новому зазвучали стихи бывших «молодняковцев» А. Дудара, П. Бровки, А. Звонака, конкретикой и более глубоким проникновением в реальные факты и события из жизни современников наполнялась проза М. Зарецкого, Т. Хадкевича, Э. Самуйленка, В. Коваля, принципиальнее и требовательнее выглядели литературно-критические статьи Ю. Гаврука, А. Лесного, отдельные публикации М. Пиотуховича. На литературной карте Витебщины появились новые имена А. Гейне, Ю. Богушевича, М. Богуня, Г. Железняк, П. Ананьева, Ю. Витьбича и других писателей и поэтов. И для более опытных, и для начинающих литераторов стержневой тенденцией было сочетание масштабности, эмоциональности и динамизма художественного творчества с искренним стремлением авторов к глубокому постижению и объективному отражению сущности происходящих преобразований и изменений не только в социуме, но и в поступках и сознании человека, живущего в новых, ранее людям не известных условиях.

Литературная жизнь так называемого Западного региона Витебской области (нынешние Браславский, Глубокский, Докшицкий, Миорский, Поставский и Шарковщинский районы. – *А.Р., Ю.Р.*) к настоящему времени изучена недостаточно. Тем не менее литературное творчество писателей-«западников»* – это образец высокой гражданственности и личного самопожертвования, образец борьбы за формирование национального самосознания и утверждения жизненного идеала в борьбе за свободу и воссоединение белорусского народа;

– **1941–1945 гг.**, когда литераторы Витебщины вместе со всем своим народом встали на защиту Советской Родины от «коричневой чумы» фашизма. Одни из них не дожили до Великой Победы, сложив свои головы на ее трагедийный алтарь; другим повезло ощутить атмосферу мая и сентября 1945 г.; третьим пришлось работать в глубоком тылу. Но все они пламенным и патриотическим, правдивым и искренним художественным словом укрепляли мужество и веру в Победу, наполняя жизнь людей гуманистически-созидательным началом. Не преувеличивая значимости литературного творчества военных лет, можно сделать вывод, что писатели, поэты, литературоведы Витебщины внесли свой заметный и весомый вклад в общенациональную художественную культуру.

Современная белорусская литература не требует дополнительных комментариев – ее достижения общепризнанны. Своим исследованием мы желали показать читателю, что в основу этих достижений весьма заметный вклад внесли мастера художественного слова Витебского Поозерья, Подвинья и Верхнего Поднепровья.

В предлагаемой читателям своеобразной «Антологии литературы Витебщины», созданной ее уроженцами в послевоенные советские годы, будет сделана попытка помочь любителям литературного творчества дать собственную оценку этому вкладу.

* Тех, чья творческая деятельность протекала в условиях буржуазной Польши.